

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2021 г. № 4 (97)**

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science must be published.

ISSN 1818-4049

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2021 г. № 4 (97)**

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: О. Г. Поливаева

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)

В. К. Заусаев, д.э.н., профессор (Россия)

Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Л. Мотрич, д.э.н. (Россия)

А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)

Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)

О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)

О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)

А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)

Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)

Ан Е, д.э.н., профессор (Китай)

А. Кнорр, доктор, профессор (Германия)

З. Сугиура, профессор (Япония)

Ма Ю., доктор, главн. науч. сотр. (Китай)

Чжун Ц., д.и.н., профессор (Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049

**POWER AND
ADMINISTRATION
IN THE EAST
OF RUSSIA**

**scientific journal
2021, no. (97)**

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: O. G. Polivaeva

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education “The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation” (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscomnadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy, professor (Russia)

V. K. Zausaev, Doctor of Economy, professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. S. Osipova Doctor of Economy, professor (Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)

An E, Doctor of Economy, Professor (China)

Andreas Knorr, Doctor, Professor (Germany)

Zenjiro Sugiura, Professor (Japan)

Ma Yujun, Doctor, Chief Researcher (China)

Zhong Jianping, Doctor of History, Professor (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal “Power and Administration in the East of Russia”. Articles are subject to review.

The authors’ opinions may not coincide with those of the editorial board.

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Социально-экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Рензин О. М.	Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия: новые перспективы и новые риски	8
Суслов Д. В.	Антикризисная политика в Японии во время пандемии COVID-19	16
Ламашева Ю. А.	Приоритеты интернационализации японской системы высшего образования на государственном уровне	28

Дальний Восток: новые стратегии и модели развития

Антонова Н. Е. Ломакина Н. В.	Дальневосточные ресурсные проекты в условиях модернизации механизмов российско-китайского сотрудничества: новые оценки	39
Найден С. Н. Грицко М. А.	Тенденции и проблемы социального развития в Дальневосточном федеральном округе: 2013–2020 гг.	53
Сидоренко О. В.	Дальневосточный федеральный округ как объект геоселективной региональной политики Российской Федерации на современном этапе	65

Теория и практика экономики и управления

Сюпова М. С.	Рейтинговая оценка экономической безопасности муниципальных образований региона	72
Строева Г. Н. Телушкина Е. Н.	Первые итоги реализации национального проекта «Демография» в Хабаровском крае	82

Социология

Гареева И. А.	Социальные изменения в условиях пандемии COVID-19	99
Березутский Ю. В.	Пятнадцать фактов о современной студенческой молодежи города Хабаровска: социологический анализ	110
Черевко М. А.	Проблемы социального сопровождения выпускников детских домов в условиях пандемии (региональный аспект)	118
Клеймёнов Е. А.	Взаимодействие полиции с гражданами и организациями в оценках сотрудников полиции	128
Васильева Е. И. Зерчанинова Т. Е.	Формы и каналы взаимодействия молодых соотечественников с Россией в социологическом измерении	143

Обсуждаем проблему: миграционная ситуация в регионах Российской Федерации

Салганова Е. И. Авдашкин А. А. Гафнер Н. А.	Миграция на Южный Урал и межэтнические отношения	154
Задорин А. В.	Оценка миграционной ситуации в Красноярском крае	165

Представляю к защите

Суханов И. А.	Влияние COVID-19 на экономику и внешнеэкономические связи Республики Корея	173
---------------	--	-----

CONTENTS

Social and economic cooperation of the countries of the Pacific Rim

Renzin O. M.	The Far East of Russia and the North-Eastern Asia: New Prospects and New Risks	8
Suslov D. V.	The anti-crisis policy in Japan during the COVID-19	16
Lamasheva Yu. A.	Priorities in internationalization of the Japan's higher education system of the state level	28

The Far East: new strategies and development models

Antonova N. E. Lomakina N. V.	The Far Eastern resource projects in the context of modernization of the mechanisms of the Russian-Chinese cooperation: new assessments	39
Nayden S. N. Gritsko M. A.	Trends and problems of social development in the Far-Eastern federal district: 2013–2020	53
Sidorenko O. V.	The Far-Eastern federal district as an object of geo-selective regional policy of the Russian Federation	65

Theory and practice of economics and management

Syupova M. S.	Rating assessment of economic security of municipalities in the region	72
Stroeva G. N. Telushkina E. N.	First results of implementation of the national project «Demography» in the Khabarovsk territory	82

Sociology

Gareeva I. A.	Social changes in the society in the context of the COVID-19 pandemic	99
Berezutskiy Yu. V.	Fifteen facts about modern students in Khabarovsk: sociological analysis	110
Cherevko. M. A.	Problems of social support for graduates of orphanages in a pandemic (regional aspect)	118
Kleymyonov E. A.	Interaction between the police and society in the assessments of police officers	128
Vasileva E. I. Zerchaninova T. E.	Forms and channels of interaction of young compatriots with Russia in sociological dimension	143

We discuss a problem: migration situation in the regions of the Russian Federation

Salganova E. I. Avdashkin A. A. Gafner N. A.	Migration to the South Urals and interethnic relations /	154
Zadorin A. V.	Assessment of migration situation in the Krasnoyarsk territory	165

Post-Graduate Research

Sukhanov I. A.	The impact of COVID-19 on the economy and international economic relations of the Republic of Korea	173
----------------	---	-----

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Научная статья

УДК 339.9(571.6:510)

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-8-15

Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия: новые перспективы и новые риски

Олег Маркович Рензин

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, renzin@ecrin.ru

Аннотация. Современное развитие Дальневосточного региона России тесно связано с приоритетностью ускоренного решения этой задачи для национальной экономики и последовательной реализацией на этой основе программы интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион, экономического «продвижения на Восток». В 2013–2021 гг. значительное количество правительственных, отраслевых и региональных программ было посвящено реализации этих задач. Однако осуществляемые производственные, социальные, инфраструктурные и институциональные преобразования на Дальнем Востоке показали сложности перестройки в традиционных направлениях и необходимость инициирования новых решений. Одни из них определяются поддержкой принципиальных изменений в перспективных стратегиях мирового экономического процесса, активной структурной перестройкой экономик стран Северо-Восточной Азии, в т. ч. вводящих в качестве одного из императивов развития «углеродное регулирование». Вторые носят вынужденный адаптивный характер к изменяющимся условиям экономической деятельности в постпандемийном мире, стимулирующем развитие ряда сфер межгосударственного взаимодействия и ограничивающем развитие других. Третьи ориентированы на активное предложение Россией странам АТР новых возможностей партнерства за счет реализации высокочрезвычайных инфраструктурных проектов, создающих импульсы для международного сотрудничества России (развитие железных дорог Восточного полигона и Северного морского пути). В настоящее время в каждом из перспективных направлений развития региональной экономики намечены ориентиры, позволяющие прогнозировать эффективные результаты их реализации. Однако одновременно эти проекты генерируют новые риски, способные препятствовать достижению поставленных целей. Их идентификацию и учет следует рассматривать как существенную составляющую среднесрочного прогнозирования.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, Дальний Восток России, среднесрочное прогнозирование, углеродное регулирование, постпандемийная экономика, инфраструктурное обеспечение регионального развития

Для цитирования: Рензин О.М. Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия: новые перспективы и новые риски // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 8–15. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-8-15>

The Far East of Russia and the North-Eastern Asia: New Prospects and New Risks

Oleg M. Renzin

The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia, renzin@ecrin.ru

Abstract. *The modern development of the Far-Eastern region of Russia is closely related to the priority of accelerated solution of this problem for the national economy and the consistent implementation on this basis of the program of Russia's integration into the APR, economic «advance to the East». In 2013–2021, a significant number of governmental, sector and regional programs were devoted to the implementation of these tasks. However, the ongoing industrial, social, infrastructural and institutional transformations in the Far East have shown the difficulties of restructuring in traditional directions and the need to initiate new solutions. Some of them are determined by the support for fundamental changes in the future strategies of the world economic process, active restructuring of the economies of the North-Eastern Asia countries, including introducing “carbon regulation” as one of the imperatives of development. The latter are of a forced adaptive nature to the changing conditions of economic activity in the post-pandemic world, stimulating a number of spheres of interstate interaction, and limiting others. Still others are focused on the active proposal by Russia to the APR countries of new partnership opportunities through the implementation of high-cost infrastructure projects that create impulses for Russia's international cooperation (development of the railways of the Eastern range and the Northern sea route). At present, in each of the promising areas of development of the regional economy, landmarks have been outlined that make it possible to predict the effective results of their implementation. However, at the same time, these projects generate new risks that can hinder the achievement of the set goals. Their identification and accounting should be considered as an essential component of medium-term forecasting.*

Keywords: *the North-Eastern Asia; the Far East of Russia; medium-term forecasting; carbon regulation; post-pandemic economy; infrastructural support of regional development*

For citation: Renzin O. M. The Far East of Russia and the North-Eastern Asia: New Prospects and New Risks // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 8–15. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-8-15>

Начало 2020-х гг. стало для мировой экономической системы периодом неожиданных и крайне глубоких изменений. В предыдущие годы перспективы архитектуры мирового устройства и сложившиеся оценки генеральных трендов были достаточно устойчивыми (глобализация и эффективная инновационность). Если речь заходила о возможных корректирующих эту направленность факторах, то назывались политические и финансовые, инструментарий учета которых также был хорошо известен как в теоретическом, так и прикладном аспектах. Это было отчетливо обозначено в прогнозах долгосрочных перспектив экономического процесса как в мире в целом, так и в отдельных его частях [На пороге..., 2000].

Однако именно в этих, получивших фактически хрестоматийный характер, безусловностях развития в XXI веке воз-

никли отклонения такого масштаба, который заставил пересмотреть не только очевидную ранее возможность их реализации, но и запустил большой набор новых альтернативных трендов в перспективных траекториях развития национальных и международных экономических систем.

Взрывной характер новых неопределенностей в последние годы вызвал необходимость изменений в научной идентификации и оценке рисков социально-экономического развития, рассмотрении вариантов их проявления. Ранее с этой проблематикой были связаны преимущественно теоретические исследования и основанные на них практические технологии обеспечения эффективного функционирования отдельных сегментов социума: финансовой системы, инвестиционных процессов и

т. д. Макроэкономисты добавляли к ним риски, обусловленные цикличностью развития и связанными с ней периодически повторяющимися подъемами и спадами в хозяйственной деятельности. Они рассматривали, с одной стороны, депрессивные риски, генерирующие негативные тенденции в развитии мировой экономической системы или экономики того или иного государства. С другой стороны, предметом исследований были структурные риски, обусловленные перестройкой экономических систем, переливами капитала из одних секторов в другие и т. д. Микроэкономисты в своем сегменте знаний изучали бизнес-риски и разрабатывали варианты эффективного риск-менеджмента для отдельных предприятий и организаций.

Для многоуровневой пространственной организации общественной системы эти частные оценки складывались в сценарии, которые представляли некие комбинации прогнозных оценок потенциального развития/неразвития для отдельных территорий, стран, регионов или всего мира в целом. В национальном и субнациональном масштабах хрестоматийная работа с рисками заключалась в идентификации государством возможных отклонений в реализации проводимой экономической политики, создании управленческого инструментария для минимизации этих рисков, принуждения участников экономического процесса к осуществлению антирисковых мероприятий [Чаплинский, Плаксин, 2016].

В наиболее рафинированном и успешном виде такая деятельность осуществлялась правительствами и центральными банками в финансовой сфере, где был накоплен большой опыт как национального, так и международного регулирования. В других сегментах такая государственная практика не получала широкого применения, что было связано либо с используемыми либеральными моделями, либо с отсутствием отработанных технологий макроэкономического риск-менеджмента.

Однако, уже начиная с 1990-х годов, в проблематике, связанной с изучением и оценкой социально-экономических рисков для территориальных систем, произошли кардинальные изменения, ориентированные на необходимость более сложного и более детального анализа процессов мирового, регионального и нацио-

нального развития.

Во-первых, пространственный масштаб рассмотрения рисков значительно расширился и приобрел глобальный характер. При этом возникли новые риски, значительно отличающиеся по природе от традиционно учитываемых [Тавадян, 2019].

Так, после катастрофического распада Советского Союза и преобразования общественных систем стран социалистического лагеря под пристальное внимание международного научного сообщества попали институциональные риски, которые были связаны с трансформацией и модификацией устройства национальных экономик, перестройкой государственного управления и учетом последующего влияния этих процессов на мировое территориальное развитие. Затем к ним прибавились цивилизационно значимые экологические проблемы, включенные в рабочую повестку практически всех международных организаций. Оценка этих рисков и принуждение государств к активизации деятельности по их снижению стали долговременным трендом мировой политики. И, наконец, после 2019 г. весь мир испытал последствия давно не наблюдаемых рисков глобальной эпидемии. Все эти события сильно изменили ценностные ориентиры экономического и социального развития, по-иному иерархизировали оценки факторов, влияющих на рост и развитие территориальных хозяйственных систем и составляющих их секторов, что потребовало расширения и изменения способов управляющего воздействия на них.

Во-вторых, произошла переоценка чувствительности экономики к возникающим рискам. Если ранее в социально-экономических процессах шкалирование возможных вариантов рассматривалось в интервалах «эффективно – неэффективно», или «рационально – нерационально», или «выгодно – убыточно», то теперь в явном виде в рассмотрение была включена опция «катастрофа – предотвращение катастрофы», которая раньше была характерна исключительно для рисков глобальных военных, технологических или природных конфликтов.

В-третьих, временные лаги учета рисков значительно увеличились. Кроме краткосрочных (до 1 года) и среднесрочных (5–7 лет) периодов их воздействия на

экономические и социальные процессы, все чаще стали рассматриваться и учитываться в организации деятельности как отдельных государств, так и международного сообщества прогнозные интервалы продолжительностью в 30–40 лет.

В-четвертых, стала очевидной необходимость рассмотрения сложных межсистемных взаимодействий и порождаемых ими комбинаций рисков, для чего стали проводиться активные междисциплинарные исследования (например «технологии – общество», «информационные процессы – экономика» и др.) [Синтез..., 2011]. При этом происходит выстраивание «цепочек» генерации новых рисков за счет взаимодействия уже известных и учтенных в традиционном риск-менеджменте.

Таким образом, в современной ситуации социально-экономические риски трансформировались из одной из позиций широкого списка характеристик общественного развития в фактор, принципиально определяющий параметры прохождения этого процесса. При этом их воздействие испытывают все стороны общественной деятельности: социально-политическая, финансово-экономическая, технологическая, экологическая и т. д.

Все происходящие изменения привели к трансформации представлений о рисках развития пространственных систем. Одновременно с процедур риск-менеджмента на общемировом уровне возникла проблема учета специфических проявлений таких рисков при локализованном взаимодействии отдельных групп стран и экономик. На субглобальном уровне специалистами стали рассматриваться сложные геополитические конфигурации возникновения и потенциального влияния рисков на процессы развития. В частности, со всей очевидностью стали проявляться особенности реализации всеобщих рисков в отдельных макрорегионах мира – Европейском, Азиатско-Тихоокеанском, Северо-Американском и т. д. Это определило необходимость выстраивания сложной системы мониторинга и идентификации рисков, которая должна включать, с одной стороны, национальные особенности их проявления, с другой стороны, влияние общемировых трендов на возникновении неопределённости, и, с третьей стороны, формирование сложных

производных комбинаций из страновых и глобальных рисков, формирующихся в отдельных мировых макрорегионах.

Для российской экономики (в силу её гигантских территориальных масштабов и значительной неоднородности) пространственная составляющая реализации наднациональных рисков распадается на ряд специфических региональных проявлений. В частности, для Российского Дальнего Востока таким операционным риск-пространством является Северо-Восточная Азия (далее – СВА), где своеобразно трансформируются глобальные процессы, формируются новые неопределенности и новые риски, и, соответственно, для всех национальных структур, включенных в регион, возникает необходимость разработки новых локальных стратегий развития. В этом региональном случае комплекс проблем, определенных реализацией национальных проектов и эффективной организацией международного сотрудничества, будет связан с номенклатурой рисков, выделенных в качестве определяющих для глобальной системы, для национальной экономики России, для сообщества стран, включенных в пространство СВА.

Если рассмотреть многочисленные современные прогнозные оценки, то очевидно, что такой список потенциальных рисков, безусловно, возглавляют последствия продолжающейся пандемии и энергично начавшийся в мире энергопереход. Ранее существование таких проблем принципиально признавалось, но учитывалось в реальной экономической политике в очень незначительной степени. Они не считались значительно влияющими на развитие общества. Однако в современной ситуации они рассматриваются как мощно воздействующие на все стороны деятельности общества и даже, по некоторым оценкам, как ведущие к принципиальным флуктуациям в цивилизационном процессе.

Так, для глобального масштаба развития по консенсус-оценкам авторитетных экспертов Всемирного экономического форума и Евразийской группы на ближайшие десять лет было выделено более 20 рисков. Из них в качестве наиболее значимых по негативным последствиям были названы инфекционные болезни и проблемы, связанные с экологией [The

Global..., 2021; Top Risks, 2021].

Принципиально не отличается от общемировой структура оценок, сложившихся в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На встрече лидеров экономик форума АТЭС 16 июля 2021 г. было заявлено: «Пандемия продолжает наносить сокрушительные удары по населению и экономикам региона АТЭС. Наши усилия в области диагностики и лечения COVID-19 остаются критически важными». И далее, «В контексте разработки планов устойчивого восстановления, сопряжённых с глобальными усилиями, мы подтверждаем важность экономической политики, сотрудничества и роста, вносящих вклад в борьбу с изменением климата и другими серьёзными экологическими вызовами» (курсив мой – О.Р).¹

Для национальной российской экономики специалистами Всемирного банка основными факторами генерирования рисков были признаны четыре процесса, происходящих в мировой системе. Они включили, во-первых, возникновение экологических проблем окружающей среды и климатических изменений, вызывающие необходимость энергоперехода; во-вторых, новые угрозы для здоровья населения, в т.ч. риски продолжения эпидемических процессов. Кроме того, в числе важных для страны были названы неопределенность и резкие изменения конъюнктуры на мировых рынках, вызывающие инфляционные реакции; а также политически мотивированные (санкционные) ограничения экономической деятельности [Доклад..., 2021].

Исходя из сложившейся общепризнанности на всех уровнях, выделенные процессы рискообразования можно расценивать как наиболее существенные и для Дальнего Востока России. Они не только оказывают существенное непосредственное воздействие на производственную систему и население, но провоцируют формирование цепочек новых рисков, охватывающих все сферы деятельности – экономической, политической, социальной.

В данной статье рассмотрены особенности воздействия на экономику Дальне-

восточного региона карбонового риска, который является наиболее долгосрочным и требующим постоянного внимания в обозримой перспективе. Связанный с ним перечень перспективных задач для организации экономической деятельности становится все более значимым для всех стран, включая Россию.

Для страны в целом этот риск специалисты связывают, прежде всего, с ожидаемыми финансовыми потерями от снижения углеводородного и сырьевого экспорта в размере 10–15% на горизонте до 2050 года [Russia..., 2021]. Однако для российского Дальнего Востока возможные негативные последствия могут быть значительно глубже. Это связано с особенностями экономического развития региона, ориентированного, прежде всего, на активные внешнеэкономические контакты со странами Северо-Восточной Азии.

При оценках перспектив развития Дальнего Востока не может не привлечь внимание явно проявляющийся в странах СВА ускоренный переход к организации «зеленой» низкоуглеродной экономики. Это определяет не только их внутреннюю структурную перестройку, но и значительное изменение требований к связанным с ними странам и регионам.

К безусловным азиатским лидерам этого процесса относится главный экономический партнер Дальнего Востока - КНР. В планах развития Китая на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.) и на дальнейшую перспективу особо оговаривается ориентация на развитие высокотехнологичного и экологичного производства, реализация экологической концепции «изумрудные воды и зеленые горы – это бесценное сокровище», системное упорядочение защиты окружающей среды, развитие возобновляемой энергетики и полный переход к углеродному балансу к 2060 г. [Рензин, Суслов, 2021. С. 8–15]. Для реализации поставленных целей Китаю предстоит осуществить глубокую трансформацию экономической структуры страны, провести ряд принципиальных изменений в системах энергоснабжения и энергопотребления. Это уже начало осущест-

¹ Заявление лидеров экономик форума «Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество»: преодолевая пандемию COVID-19 и ускоряя экономическое восстановление. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5668>

вляться на практике, что подтверждается реальными экономическими и институциональными мероприятиями. Так, за последние десять лет страна стала главным мировым производителем оборудования для возобновляемой энергетики, начиная с февраля 2021 г. в КНР начала функционирование национальная система торговли выбросами [Битва..., 2021].

Другим мировым лидером в «зеленом» развитии является Япония, которая осуществляет значительные инвестиции в углеродно-нейтральные сектора экономики: ветровую, солнечную и гидроэнергетику, переработку отходов. В течение последнего десятилетия затраты в эти сферы кратно увеличились, и уже к 2050 г. Япония планирует использовать только возобновляемые источники энергии [Renewables..., 2020].

Еще одной из стран СВА, которая к этому сроку планирует добиться углеродной нейтральности, превратить экономику страны, основанную на ископаемом топливе в экологически чистую, является Южная Корея. Её президент Мун Чжэ Ин официально объявил о задаче перейти к углеродной нейтральности к 2050 году. Принятая в 2020 году программа национального развития, названная «Новый курс», ориентирована на ускоренное сокращение выбросов парниковых газов и поддержание углеродной устойчивости [The Korean..., 2020].

Такая активная позиция ведущих стран СВА, с одной стороны, продиктована большой экологической нагрузкой на их высокоразвитые экономики. С другой стороны, для них это в определенной степени вынужденное решение, поскольку основные рынки сбыта для этих стран – европейский и североамериканский – вводят все более жесткое углеводородное пограничное регулирование. Одновременно необходимо отчетливо понимать, что такая ситуация ведет их к принятию аналогичных решений по отношению к своим поставщикам. Вполне логичным и ожидаемым является возведение ими соответствующих углеродных барьеров в национальных экономиках, которое становится неотъемлемой частью экономической политики, включая высокую вероятность введения ими специальных углеродных платежей при трансграничных операциях (подобных планируемому в Европе carbon

border adjustment mechanism).

О серьезности возникающих в этом случае проблем для развития Дальневосточного региона России свидетельствуют несколько показателей. В 2020 г. ведущие страны СВА занимали в экспорте Дальнего Востока 77,6%. При этом на долю углеродоёмких товарных позиций (продукции топливно-энергетического комплекса и металлургии, минерального сырья) приходилось 61,2% [Прокопало, Бардаль, Исаев, Мазитова, Суслов, 2021. С 120–122]. Учитывая такую специфику сложившегося внешнеторгового потенциала Дальнего Востока, можно прогнозировать сильную негативную реакцию экономики региона на предполагаемые изменения углеродных стандартов в деятельности стран-партнеров. Их реализация безусловно окажет существенное влияние на конкурентоспособность дальневосточного сырьевого экспорта, вплоть до полного исключения из внешней торговли в перспективе ряда ключевых товаров. В таком случае большие потери понесут как производители, так и транзитёры угля, нефти, черной металлургии и нефтехимии.

Очевидно, что с этих позиций в экономическую стратегию России на Дальнем Востоке следует вносить существенные коррективы. Необходима объективная оценка влияния генерируемых карбоновых рисков на экономическое и социальное развитие региона и разработка региональной стратегии эффективного управления ими.

Разумеется, проблема внедрения низкоуглеродных технологий в Дальневосточном регионе далеко не однозначна. Для текущего развития территории определено проще и значительно дешевле продолжать использовать природные ресурсы, а не развивать «зеленую» экономику. Однако перспективная уязвимость экономического развития региона от карбоновых рисков показывает высокую вероятность отклонения в реализации национального плана инкорпорирования в Северо-Восточную Азию (так называемый «стратегический поворот на Восток»).

Чтобы его реализовать, необходимо договариваться о карбоновом взаимодействии с крупнейшими экономиками региона – Китаем, Японией и Южной Кореей. Тем более, что каждая из стран-перспективных участниц этого процес-

са, включая Россию, не только выразила готовность перейти к углеродной нейтральности, но и обозначила позитивное отношение к международному сотрудничеству в этой области [Поворот..., 2021. С. 71–72; Jin-Young Moon, 2021. С. 4]. Безусловно, следует рассматривать такую интеграцию не только как платформу для эколого-экономических проектов. Очевидно, что за счет этого создается качественно новый потенциал экономического взаимодействия в Северо-Восточной Азии, использование которого может реализоваться в долгосрочной перспективе для широкого круга программ развития.

Важным условием для этого является оценка сложившейся ситуации не только как проблемы нарастания рисков для экономики Дальневосточного региона России и нахождения путей уклонения от них, но и как новый шанс для активизации процессов развития. Это может быть реализовано в стратегии целенаправленного превращения возникающих глобальных и региональных рисков в выигрышные проекты, позволяющие осуществлять экспансию на новые рынки углеродной продукции. Такой подход может стать перспективным и с экономической, и с социальной, и с геополитической позиций.

Список источников:

1. Битва за климат: карбоновое земледелие как ставка России: экспертный доклад. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики. 2021. 120 с.
2. Доклад по экономике России № 46. Декабрь 2021. М.: Группа Всемирного банка. 2021. 133 с.
3. На пороге 21 века. Доклад о мировом развитии 1999/2000. М.: Изд. «Весь мир». Всемирный банк. 2000. 288 с.
4. Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях «зеленой» трансформации мировой экономики и политики. М.: Международные отношения 2021.
5. Прокопало О. М., Бардаль А. Б., Исаев А. Г., Мазитова М. Г., Суслов Д. В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2020 г. // *Пространственная экономика*. 2021. № 2. С. 81–126.
6. Рензин О. М., Суслов Д. В. Модернизация стратегии экономического роста в КНР и перспективы активизации межгосударственного партнерства с РФ // *Власть и управление на Востоке России*. № 1. 2021. С. 8–15.
7. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия 2050. Владивосток. Дальнаука. 2011. 912 с.
8. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р.
9. Тавадян А. А. Полосы неопределенности и вариативность экономики. М.: Флинта. 2019 104 с.
10. Чаплинский А. В., Плаксин С. М. Управление рисками государства // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2016. № 2.
11. Jin-Young Moon. Carbon Neutrality: Actions Speak Louder than Words // *KIEP Opinions*. 2021. № 204. P. 4.
12. Russia and Global Green Transition: Risks and Opportunities. World Bank. 2021. 110 pp.
13. Renewables 2019 Global Status Report Paris: REN21 Secretariat. 2020
14. The Global Risk Report 2021. 16 Edition. World Economic Forum. 2021. 97 p.
15. The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea July 2020 71 p.
16. Top Risks 2021. Eurasia Group. N-Y. 2021. 27 p.

References:

1. Battle for the climate: carbonic agriculture as the rate of Russia: an expert report. M.: Izd. House of the Higher School of Economics, 2021, 120 p. (in Russian).
2. Russian Economic Report No. 46. December 2021. Moscow: World Bank Group, 2021, 133 p. (in Russian).
3. On the threshold of the 21st century. World Development Report 1999/2000. Moscow: Ed. «The whole world». The World Bank. 2000, 288 p. (in Russian).
4. Turn to nature: a new environmental policy in Russia in the context of the «green» transformation of the world economy and politics. Moscow: International Relations 2021. (in Russian).
5. Prokopalo O. M., Bardal A. B., Isaev A. G., Mazitova M. G., Suslov D. V. Economic conditions in the Far Eastern Federal District in 2020 *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2021, no. 2, pp. 81–126. (in Russian).
6. Renzin O. M., Suslov D. V. Modernization of the strategy of economic growth in the PRC and the prospects for enhancing interstate partnership with the Russian Federation *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], no. 1, 2021, pp. 8–15. (in Russian).
7. Synthesis of scientific, technical and economic forecasts: Pacific Russia 2050. Vladivostok. Dalnauka, 2011, 912 p. (in Russian).
8. Strategy for the socio-economic development of the Russian Federation with a low level of greenhouse gas emissions until 2050 «, approved by the order of the Government of the Russian Federation of October 29, 2021, no. 3052-r. (in Russian).
9. Tavadyan A. A. Bands of uncertainty and variability of the economy. M.: Flint, 2019, 104 p. (in Russian).
10. Chaplinsky A. V., Plaksin S. M. Risk management of the state *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Questions of state and municipal management], 2016, no. 2. (in Russian).
11. Jin-Young Moon. Carbon Neutrality: Actions Speak Louder than Words *Mneniya KIEP* [KIEP Opinions], 2021, no. 204, pp. 4.
12. Russia and Global Green Transition: Risks and Opportunities. World Bank, 2021, 110 p.
13. Renewables 2019 Global Status Report Paris: REN21 Secretariat, 2020.
14. The Global Risk Report 2021. 16 Edition. World Economic Forum. 2021, 97 p.
15. The Korean New Deal. National Strategy for a Great Transformation. Government of the Republic of Korea July, 2020, 71 p.
16. Top Risks 2021. Eurasia Group. N-Y., 2021, 27 p.

Статья поступила в редакцию 28.10.2021; одобрена после рецензирования 24.11.2021; принята к публикации 26.11.2021.

The article was submitted 28.10.2021; approved after reviewing 24.11.2021; accepted for publication 26.11.2021.

Информация об авторе

О. М. Рензин – канд. экон. наук, советник научного руководителя, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

O. M. Renzin – Candidate of Economics, advisor of the scientific head, The Economic Research Institute of FEB RAS.

Научная статья

УДК 338.2(520)

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-16-27

Антикризисная политика в Японии во время пандемии COVID-19

Денис Владимирович Суслов

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, suslov@ecrin.ru

Аннотация. Приведены параметры и оценены меры антикризисной политики по элиминированию экономических шоков воздействия пандемии COVID-19 в Японии в период с января 2020 г. по июль 2021 г. Рассмотрены основные меры экономической политики правительства Японии для поддержки домохозяйств и компаний по время пандемии COVID-19. Выявлено, что экономическая политика реагирования на шоки пандемии COVID-19 со стороны правительства страны была своевременной и адекватной текущим кризисным явлениям. Подтверждено, что по сравнению с другими развитыми странами в 2020 г. Японии удалось эффективно использовать свою систему здравоохранения в борьбе с COVID-19 и уменьшить экономические потери в начальной стадии пандемии. Это было связано с правильным выбором как эпидемиологической стратегии, так и мер денежно-кредитной и структурной политики. Установлено, что пакет антикризисных мер оказался одним из крупнейших в мире по объемам, и что в ближайшие годы его реализация приведет к резкому увеличению бюджетного дефицита и государственного долга. Установлено, что своевременные меры фискальной политики в рамках дополнительных бюджетов и денежно-кредитной политики Банка Японии в целом привели к возвращению японской экономики ко второму кварталу 2021 г. на траекторию развития с положительными темпами роста (порядка 2% в год). При этом процесс восстановления японской экономики остается неустойчивым в связи с низкими темпами вакцинации населения и ограничениями, которые сдерживают активность частного сектора экономики.

Ключевые слова: Япония, COVID-19, пандемия, правительство, меры экономической политики, Банк Японии, монетарная политика

Для цитирования: Суслов Д. В. Антикризисная политика в Японии во время пандемии COVID-19 // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 16–27. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-16-27>

The anti-crisis policy in Japan during the COVID-19

Denis V. Suslov

The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia, suslov@ecrin.ru

Abstract. The parameters and assessment of the state economic policy measures to eliminate the economic shocks of the COVID-19 pandemic in Japan from Jan., 2020 till Jul., 2021 are carried out. It was revealed that the economic policy of responding to the shocks of the COVID-19 pandemic was timely and adequate to the current crisis. It was confirmed that in 2020, compared to other developed countries, it was possible to effectively use its health care system in the fight against COVID-19 and reduce economic losses in the initial stage of the pandemic. This was due to the correct choice of both epidemiological strategies and monetary and structural policies. It is also confirmed that the package of anti-crisis measures turned out to be one of the largest in the world in terms of volume and that in the coming years

its implementation will lead to a sharp increase in the budget deficit and public debt. It was found that timely measures of fiscal policy within the framework of additional budgets and monetary policy of the Bank of Japan, in general, led to the return of the Japanese economy by the second quarter of 2021 to a development trajectory with positive growth rates (about 2% a year). However, the Japanese economic recovery remains fragile due to the low rates of vaccination of the population and restrictions on the pandemic, which are holding back the activity of private sector of the economy.

Keywords: Japan, COVID-19, pandemics, government, economic policy measures, Bank of Japan, monetary policy

For citation: Suslov D. V. The anti-crisis policy in Japan during the COVID-19 // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 16–27. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-16-27>

Введение. В современном страноведении большое значение имеет исследование проблематики, связанной с особыми условиями функционирования экономик в условиях коронавирусной инфекции COVID-19. В данной статье представлен опыт одной из ведущих стран мира – Японии – в преодолении распространения эпидемии. С этой целью рассмотрены меры антикризисной политики правительства Японии по элиминированию экономических шоков, вызванных воздействием пандемии COVID-19 в период с января 2020 г. по июль 2021 г.; выделены и оценены основные меры властей для поддержки домохозяйств и компаний; даны характеристики эффективности экономической политики реагирования на шоки пандемии со стороны правительства страны и Банка Японии и их своевременности и адекватности текущим кризисным явлениям.

Ограничительные меры распространения COVID-19. О первом подтвержденном случае COVID-19 в Японии было сообщено 16 января 2020 г. В ответ на вспышку заболеваемости власти приняли ряд действий, направленных на меры по охране здоровья и сдерживанию распространения инфекции. Япония расширила запреты на въезд; в результате люди из 152 стран/регионов мира попали под запрет на въезд в Японию, который ограничивает въезд иностранцев, посетивших в течение последних 14 дней страны и регионы, затронутые COVID-19. Затем 7

апреля 2020 г. премьер-министр Синдзо Абэ объявил чрезвычайное положение для семи префектур (включая Токио, Сайтама, Канагава, Тиба, Осака, Хёго и Фукуока) и расширил охват чрезвычайного положения на все префектуры Японии 16 апреля 2020 г. (действовал до 6 мая 2020 г.). Чрезвычайное положение позволило губернаторам префектур в обозначенных регионах просить людей оставаться дома, отдать приказ о закрытии школ и общественных учреждений, строить временные медицинские учреждения и принимать меры по поддержке в покупке медицинских и продовольственных товаров. 4 мая 2020 г. премьер-министр Абэ продлил общенациональное чрезвычайное положение до 31 мая 2020 г. Олимпийские игры в Токио в 2020 г. были перенесены на 23 июля – 8 августа 2021 г. Международный олимпийский комитет, Международный паралимпийский комитет, столичное правительство Токио, Оргкомитет Токио и правительство Японии 20 марта 2021 г. постановило, что международным зрителям не будет разрешен въезд в Японию для участия в Олимпийских и Паралимпийских играх, а 21 июня 2021 г. лимит зрителей на Олимпийских играх был установлен на уровне 50% вместимости объекта, максимум до 10 тыс человек на всех объектах, и, как мы знаем уже сейчас, игры прошли вовсе без зрителей.

На фоне тенденции к снижению ежедневных новых подтвержденных случаев COVID-19 с начала мая 2020 г. чрезвычай-

чайное положение было отменено 14 мая 2020 г. в 39 префектурах из 47 префектур, а в Осаке, Киото и Хёго 21 мая 2020 г. 25 мая 2020 г. чрезвычайное положение было отменено для всех префектур ранее первоначальной даты – 31 мая. Ограничения на поездки между префектурами были сняты 19 июня 2020 г.

После второй волны заражений 15 июля 2020 г. Токио поднял уровень предупреждения о COVID-19 до самого высокого. На этом фоне жителей попросили воздержаться от поездок за пределы Токио, а караоке-заведения и рестораны, где подают алкоголь, должны были закрываться к 22:00. В августе 2020 г. в префектурах Аичи, Осака, Миядзаки, Окинава также потребовали от ресторанов, где подают алкоголь, и караоке-баров сократить часы работы и закрыть в 20:00 и 22:00 соответственно. Поскольку число новых случаев инфекции продолжало снижаться, в Токио 10 сентября 2020 г. снизили уровень тревоги на одну ступень с самого высокого уровня и с 16 сентября 2020 г. отменили меры, которые сокращали часы работы для ресторанов и караоке. По мере роста числа новых случаев заражения 19 ноября 2020 г. в Токио повысили уровень предупреждения о COVID-19 до самого высокого и потребовали от жителей воздерживаться от выхода на улицу, а караоке-бары и рестораны, где подают алкоголь, должны были закрываться к 22:00 до середины декабря. Правительства Хоккайдо, Ибараки, Сайтама, Тиба, Канагава, Аичи, Осака также попросили караоке-бары и рестораны, где подают алкоголь, сократить часы работы и закрываться в 21:00 и 22:00 соответственно до середины декабря. Саппоро и Осака были временно до 8 декабря 2020 г. исключены из числа пунктов назначения национальной туристической кампании Go-to-Travel (программы государственных субсидий для продвижения внутренних поездок). 14 декабря 2020 г. правительство временно

приостановило общенациональную кампанию Go-to-Travel с 28 декабря 2020 г. 7 января 2021 г. уже премьер-министр Суга объявил чрезвычайное положение в Токио и трех соседних префектурах (Сайтама, Канагава и Тиба); семь префектур (Гифу, Аичи, Киото, Осака, Хёго, Тотиги и Фукуока) были добавлены 14 января 2021 г. на период с 8 января по 7 февраля 2021 г. Правительство попросило рестораны и бары сократить часы работы до 20:00; призвало перейти на удаленную работу и сократить количество работников в офисах на 70%; потребовало, чтобы жители оставались дома и воздерживались от работы вне дома; ограничили посещение заведений общепита, особенно после 20:00, и ограничили количество зрителей на крупных мероприятиях до 5 тыс. человек. 2 февраля 2021 г. премьер-министр Суга продлил чрезвычайное положение в 10 префектурах (кроме Тотиги) до 7 марта 2021 г. С 22 марта 2021 г. Япония отменила чрезвычайное положение во всех префектурах.

На фоне четвертой волны пандемии 5 апреля 2021 г. в Мияги, Осаке и Хёго вступили в силу первоочередные профилактические меры: рестораны и бары закрывались к 20:00.¹ В условиях чрезвычайного положения правительство призвало компании разрешить удаленную работу и потребовало от ресторанов сократить часы работы до 20:00; рестораны, бары и караоке-залы, где подают алкоголь, а также универмаги и другие крупные коммерческие объекты должны быть закрыты, а крупные мероприятия должны проводиться без зрителей. Впоследствии правительство продлило действие чрезвычайного положения и приоритетных превентивных мер до 20 июня 2021 г.; с 12 мая чрезвычайное положение было расширено на Айти и Фукуока; Хоккайдо, Хиросима и Окаяма – с 16 мая; Окинава – с 23 мая; первоочередные превентивные меры для Хоккайдо, Гифу и Миэ – с 9 мая, затем Гунма,

¹ Первоочередные превентивные меры были впоследствии распространены на Токио, Киото и Окинаву 12 апреля 2021 г., Сайтаму, Тибу, Канагава и Айти - 20 апреля 2021 г. и Эхимэ - 25 апреля 2021 г.. 23 апреля 2021 г. Япония объявила чрезвычайное положение в Токио, Осаке и Киото и префектуре Хёго, действующие с 25 апреля по 11 мая, а существующие приоритетные профилактические меры для остальных префектур действовали до 11 мая 2021 г.

Исикава и Кумамото – с 16 мая, а также отмены для префектур Мияги 12 мая и Эхимэ 23 мая. Губернаторы префектур ослабили ограничения для универмагов и других крупных коммерческих объектов, которые должны быть вновь открыты в более короткие часы, и для проведения крупных мероприятий с ограничением до 5 тыс. человек и 50% вместимости объекта. Япония отменила чрезвычайное положение и заменило его приоритетными превентивными мерами для Токио, Осаки, Киото, Хиого, Айти, Хоккайдо и Фукуока с 21 июня по 11 июля 2021 г. Чрезвычайное положение на Окинаве было продлено до 11 июля. Меры в отношении Канагавы, Сайтамы и Тибы также были продлены до 11 июля.

Что касается трансграничных поездок, Япония возобновила повторный въезд в Японию для всех иностранных граждан, обладающих статусом для проживания, с сентября 2020 г. Япония согласовала так называемый статус «вид на жительство», который позволяет осуществлять важный деловой обмен гражданами между странами при условии, что они принимают превентивные и карантинные меры, с Брунеем, Камбоджей, Китаем, Лаосом, Мьянмой, Малайзией, Сингапуром, Южной Кореей, Тайванем, Таиландом и Вьетнамом. Кроме того, Япония договорилась с Китаем, Сингапуром, Южной Кореей и Вьетнамом о «Бизнес-треке», который позволяет ограниченную деловую активность в течение 14-дневного периода пребывания дома (частично ослабляет ограничения на такую деятельность) сразу после прибытия в эти страны/регионы или Японию при условии, что путешественники примут дополнительные карантинные меры, такие как предоставление «Графика мероприятий в Японии». Начиная с октября 2020 г. обладатели статусов проживания «Студент», «Иждивенец» и др., в дополнение к трансграничным бизнес-путешественникам из всех стран и регионов, могут въезжать в Японию при условии, что это лицо принимает компания/организация, которая

может обеспечить соблюдение карантинных мер. 30 октября 2020 г. правительство Японии решило снять запрет на въезд в Австралию, Бруней, Китай (включая Гонконг и Макао), Новую Зеландию, Республику Корея, Сингапур, Тайвань, Таиланд и Вьетнам. Однако 13 января 2021 г. правительство приостановило действие статусов «Бизнес-трека» и «Резидентов» до отмены чрезвычайного положения.

В качестве меры предосторожности против вызывающих озабоченность штаммов коронавируса Япония приостановила въезд в страну иностранных граждан-нерезидентов с 28 декабря 2020 г. до дальнейшего уведомления.² Япония усилила меры пограничного контроля, чтобы предотвратить распространение вызывающих озабоченность штаммов коронавируса. В августе 2021 г. [Border enforcement..., 2021] текущие карантинные меры усилены для всех путешественников, которые въезжают, повторно въезжают или возвращаются в Японию из указанных стран/регионов в ответ на распространение новых штаммов коронавируса, вызывающих особую озабоченность, в отношении пограничных мер, так и другие меры в зависимости от стран/регионов. Правительство требует от всех граждан Японии и иностранных граждан предоставить отрицательные результаты теста ПЦР на COVID-19 в течение 72 часов до вылета и пройти тесты по прибытии в страну.

Восстановление экономики. 8 сентября 2021 г. канцелярия кабинета министров объявила пересмотренные цифры по ВВП за второй квартал текущего года в сторону повышения с учетом значительных капитальных расходов, несмотря на то, что вспышка COVID-19 оказывает понижающее давление на секторы услуг и потребления [Quarterly Estimates..., 2021]. Согласно уточненным данным прирост ВВП во втором квартале 2021 г. составил в годовом исчислении 1,9%, что превысило первоначальную оценку этого показателя в 1,3% и усред-

² Только в начале ноября 2021 г. Япония начала ослаблять въездные ограничения для иностранцев.

ненный прогноз экономистов в 1,6%. Улучшение показателей роста вызвано тем, что инвестиционные расходы оказались больше первоначальных оценок на фоне восстановления мировой экономики и увеличения объема фабричного производства, что перекрыло потери в секторе услуг. Однако процесс восстановления японской экономики остается неустойчивым в связи с низкими темпами вакцинации населения и ограничениями по пандемии, которые сдерживают активность частного сектора экономики. При этом прогнозы международных организаций [Managing Divergent..., 2021; Fault Lines..., 2021; World Bank, 2021] выглядят гораздо оптимистичнее, чем собственно японские. Старшим экономистом исследовательского института «Норинчюкин» Такэси Минами [Japan upgrades..., 2021] было отмечено, что восстановление Японии идет медленнее, чем в других развитых экономиках. В связи с этим полного восстановления национальной экономики следует ожидать не раньше начала следующего года. Нехватка электронных компонентов в мире может отрицательно сказаться на производстве автомобилей и на их зарубежных поставках. Одновременно с этим вызывающим беспокойство фактором является появление признаков замедления темпов роста экономики КНР. Главным экономистом института экономических исследований «Дайичи сэймэй» Ёсики Синкэ [Japan upgrades..., 2021] было отмечено, что экономический рост на 1,9% недостаточен для того, чтобы перекрыть его падение почти на 4% в первом квартале. В целом состояние японской экономики в первой половине 2021 финансового года можно охарактеризовать как застой. Инвестиционные расходы во втором квартале увеличились по сравнению с первым кварталом 2021 г. на 2,4%, что выше первоначальной оценки в 1,7% и прогноза частных экономистов в 2%. Объем личного потребления, которое формирует более половины ВВП стра-

ны, увеличился по сравнению с первым кварталом на 0,9%, что ненамного выше первоначальной оценки в 0,8%. Внутреннее потребление внесло 0,8 процентного пункта в показатели экономического роста, а чистый экспорт (экспорт за минусом импорта) отнял у темпов прироста 0,3 процентного пункта.

Фискальные меры. 7 апреля 2020 г. правительство Японии приняло Пакет мер чрезвычайной экономической помощи против COVID-19 в размере 117,1 трлн иен (20,9% ВВП 2019 г.) и включило оставшуюся часть ранее объявленных пакетов: пакет мер стимулирования за декабрь 2019 г. (принят в январе 2020 г.) и два пакета мер реагирования на COVID-19, объявленные 13 февраля и 10 марта 2020 г. соответственно [Comprehensive Economic..., 2019; Comprehensive Economic..., 2020; Emergency Economic..., 2020].³

Апрельский пакет мер 2020 г. был нацелен на достижение пяти целей, в том числе:

- (i) разработка превентивных мер против распространения инфекции и укрепление потенциала системы здравоохранения (расходы составляют 0,4% ВВП 2019 г.);
- (ii) защита занятости и бизнеса (15,8% ВВП 2019 г.);
- (iii) восстановление экономической активности после замедления (1,5% ВВП 2019 г.);
- (iv) восстановление устойчивой экономической структуры (2,8% ВВП 2019 г.) и
- (v) повышение готовности к будущему (0,3% ВВП 2019 г.).

Ключевые меры включали выдачу денежных средств каждому отдельному лицу и пострадавшим фирмам, отсрочку налоговых платежей и отчислений на социальное страхование, а также льготные ссуды от государственных и частных финансовых учреждений.

27 мая 2020 г. правительство Японии объявило второй проект дополнительного бюджета на 2020 финансовый год (при-

³ Меры поддержки экономики (с января 2020 г. по июль 2021 г.) в рамках дополнительного бюджетного финансирования приведены в Таблице 1 и в рамках обычного бюджета и условных обязательств в Таблице 2 (пакет мер был частично пересмотрен 20 апреля 2020 г.)

нят 12 июня 2020 г.). Пакет стоимостью 117,1 трлн иен (20,9% ВВП 2019 г.) охватывает следующее: (i) меры, связанные со здоровьем, (ii) поддержку бизнеса, (iii) поддержку домашних хозяйств, (iv) трансферты местным органам власти и (v) повышение потолка резервного фонда COVID-19. Конкретные меры включают расширение субсидий на работу, предоставление субординированных займов государственными финансовыми учреждениями пострадавшим фирмам и субсидии пострадавшим фирмам по их арендной плате.

8 декабря 2020 г. правительство Японии приняло Пакет комплексных экономических мер по сохранению жизни людей и средств к их существованию на пути к облегчению и надежде [Comprehensive Economic..., 2020].

Пакет стоимостью 73,6 трлн иен (13,1% ВВП 2019 г.) охватывает меры по: (i) сдерживанию COVID-19, (ii) содействию структурным изменениям и положительным экономическим циклам в эпоху после пандемии и (iii) обеспечению безопасности и помощь в борьбе со стихийными бедствиями вместе с выделением резервного фонда COVID-19. Конкретные меры включают стимулы для компаний инвестировать в цифровизацию и зеленые технологии, а также расширение текущих мер реагирования на COVID-19, таких как предоставление льготных кредитов пострадавшим фирмам.

Монетарная политика. 16 марта 2020 г. Банк Японии созвал заседание по денежно-кредитной политике и объявил о всеобъемлющем комплексе мер [Minutes..., March 16, 2020] по поддержанию бесперебойного функционирования финансовых рынков (особенно рынков финансирования в долл. США) и стимулированию предоставления кредитов. К ним относятся целевое обеспечение ликвидности за счет увеличения размера и частоты покупок японских государственных облигаций (Japanese government bond – JGB), специальные операции по предоставлению средств для выдачи кредитов финансовым учреждениям для облегчения финансирования корпораций, временное увеличение

ежегодных темпов покупок Банком Японии ценных бумаг биржевых торгуемых фондов (Exchange Traded Funds – ETF) и японских инвестиционных фондов недвижимости (Japan-Real Estate Investment Trusts – J-REIT), а также временное дополнительное увеличение целевых покупок коммерческих ценных бумаг и корпоративных облигаций. Банк Японии предоставил кредитную поддержку через специальные операции по предоставлению средств и осуществил покупку японских государственных ценных бумаг, коммерческих бумаг, корпоративных облигаций и фондов, обращающихся на бирже.

На заседании по денежно-кредитной политике 27 апреля 2020 г. [Minutes..., April 27, 2020] Банк Японии объявил о дополнительных мерах по поддержанию стабильности на финансовых рынках и поддержке предоставления кредитов. Банк Японии решил приобрести необходимое количество государственных облигаций Японии без установления верхнего предела для своих рекомендаций по покупке облигаций. Кроме того, он увеличил максимальную сумму дополнительных покупок коммерческих бумаг и корпоративных облигаций, подняв верхний предел объема коммерческих бумаг и корпоративных облигаций в общей сложности до 20 трлн иен (186 млрд долл. США). Специальные операции по предоставлению средств были расширены за счет расширения круга правомочных контрагентов и обеспечения по частному долгу (включая долг домашних хозяйств), а также за счет применения положительной процентной ставки в 0,1% к непогашенным остаткам текущих счетов, принадлежащих финансовым учреждениям в Банке Японии, которые соответствуют суммам ссуд, предоставленных в рамках этой операции. 22 мая 2020 г. Банк Японии ввел новую меру создания резервов для поддержки финансирования в основном малых и средних предприятий, предоставляя средства под ссуды, такие как беспроцентные и необеспеченные ссуды, предоставленные правомочными контрагентами на основе чрезвычайных экономических мер правительства. Об-

Таблица 1

Меры Правительства Японии в рамках дополнительного бюджетного финансирования

Меры / Сумма
Дополнительные расходы и недополученные доходы в секторе здравоохранения / 10,1 трлн иен (94,6 млрд долл.; 1,9% ВВП 2019 г.)
Дополнительные расходы на: производство, закупку и распространение критически важного оборудования и средств индивидуальной защиты, такого как маски и вентиляторы (800 млрд иен); трансферты местным органам власти, которые будут использоваться для их мер, связанных со здоровьем и долгосрочным уходом, включая денежные выплаты практикующим врачам и специалистам по долгосрочному уходу (3,7 трлн иен); другие меры, связанные со здоровьем (закупка вакцин и т. д.) (5,6 трлн иен).
Дополнительные расходы и недополученные доходы в других секторах / 78,6 трлн иен (736 млрд долл.; 14,6% ВВП 2019 г.)
Ключевые меры расходов в рамках Пакета чрезвычайных экономических мер (78 трлн иен) против COVID-19 включают: единовременную выдачу наличных в размере 100 тыс. иен на человека (12,9 трлн иен); единовременные выплаты пострадавшим фирмам (2 млн иен на малое и среднее предпринимательство, 1 млн иен для самозанятых) (2,3 трлн иен); субсидии для кредитования финансовых организаций (3,8 трлн иен); расширение субсидий на работу (0,9 трлн иен); стимулы для ускорения восстановления, в том числе для потребления в сфере услуг и инвестиций в инфраструктуру (10,8 трлн иен); переводы местным органам власти в связи с COVID-19 (1 трлн иен).
Дополнительные меры, объявленные правительством 27.05.2020 г.: трансферты органам местного самоуправления (2 трлн иен); расширение субсидий на работу (1,3 трлн иен); субсидии для кредитования государственных/частных финансовых организаций (9,3 трлн иен); пополнение денежных переводов для фирм (1,9 трлн иен); субсидии пострадавшим фирмам для оплаты аренды (2 трлн иен).
Дополнительные меры, объявленные правительством 08.12.2020 г.: стимулы для компаний инвестировать в «зеленые» технологии (2,0 трлн иен); субсидии для ускорения реструктуризации бизнеса малого и среднего предпринимательства (1,1 трлн иен); продление субсидии на корректировку занятости (1,5 трлн иен); трансферты органам местного самоуправления (1,5 трлн иен); субсидии для кредитования финансовых организаций (3,2 трлн иен); меры по повышению устойчивости страны (в первую очередь, государственные инвестиции) (4,4 трлн иен).
В апреле 2020 г. правительство решило потратить часть резервного фонда COVID-19 на медицинские и немедицинские меры на общую сумму 9,8 трлн иен (без учета расходов, утвержденных 11.12.2020 г.). Эти меры включают: денежные переводы пострадавшим фирмам (1,2 трлн иен); пополнение программы экстренного кредитования пострадавшим домохозяйствам (0,8 трлн иен); увеличение потенциала здравоохранения (1,7 трлн иен); закупка вакцин (1,3 трлн иен); пополнение субсидии на корректировку занятости (0,4 трлн иен); переводы в органы местного самоуправления (3,9 трлн иен).
Упущенные доходы: меры по выручке, включенные в прошлые экономические пакеты, включают расширение схем переноса убытков, налоговые льготы для декарбонизации и цифровизации компаний, а также снижение налога на имущество и налога на авиационное топливо.
Срочные расходы и отложенные доходы в других областях, помимо здравоохранения / 2,9 трлн иен (27 млрд долл.; 0,5% ВВП 2019 г.)
Доходы будущих периодов (3 трлн иен): отсрочка уплаты налогов и взносов на социальное страхование затронутыми фирмами и домохозяйствами на один год.
Итого: 88,7 трлн иен (831 млрд долл.; 16,5% ВВП 2019 г.)

Источник: Fiscal Monitor Database of Country Fiscal Measures in Response to the COVID-19 Pandemic. URL: www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/~/_/media/Files/Topics/COVID/FM-Database/july-2021-country-fiscal-measures-database-publication-v2.ashx (дата обращения 18.08.2021 г.)

Таблица 2

Меры Правительства Японии в рамках обычного бюджета и условные обязательства

Меры	Сумма
Гарантии по депозитам, ссудам и прочим обязательствам	
<ul style="list-style-type: none"> • Гарантии по облигациям/займам от Банка развития Японии и Японской финансовой корпорации (7,6 трлн иен); • Гарантии по внешним облигациям, выпущенные Банком развития Японии и Японским банком международного сотрудничества (1,1 трлн иен); • Гарантии по облигациям/займам других государственных финансовых учреждений для их программ вложения капитала (2,5 трлн иен); • Увеличен предел гарантии по схеме вливания капитала в банки (3 трлн иен); • Расширены страховые возможности <i>Nippon Export and Investment Insurance</i> (1,5 трлн иен). 	15,7 трлн иен 147 млрд долл. 2,9% ВВП 2019 г.
Квази-фискальные операции (некоммерческая деятельность государственных корпораций от имени государства)	
<ul style="list-style-type: none"> • Льготные ссуды и гарантии затронутым фирмам через государственные и частные финансовые учреждения (112 трлн иен); • Предоставление государственными финансовыми учреждениями субординированных займов (квазиакционерный капитал) и покупка акций (2,7 трлн иен); • Кредиты государственных финансовых учреждений пострадавшим больницам и клиникам (3,5 трлн иен); • Университетский фонд (4,0 трлн иен); • Прочие квазифискальные операции с использованием Банка развития Японии и других агентств (в основном для инфраструктурных проектов) (15 трлн иен). 	136,9 трлн иен 1282 млрд долл. 25,4% ВВП 2019 г.
Вливания в акционерный капитал, покупка активов, ссуды, принятие (переуступка) долга, в том числе через внебюджетные фонды	
Итого 152,6 трлн иен (1429 млрд долл.; 28,3% ВВП 2019 г.)	

Источник: *Fiscal Monitor Database of Country Fiscal Measures in Response to the COVID-19 Pandemic*. URL: www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/~/_/media/Files/Topics/COVID/FM-Database/july-2021-country-fiscal-measures-database-publication-v2.ashx (дата обращения 18.08.2021 г.)

щий размер специальной операции по предоставлению средств и новые меры по предоставлению средств составляет около 90 трлн иен (838 млрд долл. США).

Банк Японии в сотрудничестве с Банком Канады, Банком Англии, Европейским центральным банком, Федеральной резервной системой и Швейцарским национальным банком увеличил предоставление ликвидности в долларах США 15 марта 2020 г., снизив цены на постоянные позиции своп ликвидности по доллару США на 25 базисных пунктов. Япония также имеет несколько важных двусторонних и региональных соглашений об обмене валютой (свопы) с азиатскими странами.

Правительство увеличило объем льготных кредитов (беспроцентных и беззалоговых) в первую очередь для микро-, малых и средних предприятий, пострадавших от COVID-19, через Японскую финансовую корпорацию (Japan Finance Corporation) и другие учреждения. Правительство также расширило доступ к кредитам на тех же условиях от местных финансовых учреждений таких как местные банки. Для поддержки заемщиков в этот кризисный периода Агентство финансовых услуг (Financial Services Agency – FSA) заверило банки, что они могут присвоить нулевой весовой коэффициент риска по ссудам, гарантированным в рамках схем государственных гаран-

тий, и использовать свой регулятивный капитал и системно важные банковские буферы для поддержки предложения кредитов, а также использовать свои запасы высококачественных ликвидных активов ниже минимального требования к коэффициенту покрытия ликвидности. FSA также обратилось к банкам с просьбой отложить выплаты основной суммы по ипотечным кредитам по мере необходимости и воздержаться от взимания комиссий за изменение условий ипотечных кредитов.

12 июня 2020 г. Парламент одобрил поправку к Закону о специальных мерах по усилению финансовых функций, которая продлила крайний срок подачи заявления региональными банками на вливание государственного капитала с 31 марта 2022 г. до 31 марта 2026 г. и предусматривает смягчение условия подачи заявки для региональных банков, пострадавших от COVID-19. Закон направлен на усиление функции финансового посредничества региональных банков путем облегчения вливания в них государственного капитала. Кроме того, в качестве меры предосторожности Парламент также одобрил расширение лимита государственных гарантий на вливание капитала в региональные банки с 12 трлн иен до 15 трлн иен. Валютная политика в Японии позволяет гибко и свободно устанавливать обменные курсы иены к основным валютам мира.

Руководство Банка Японии 22 сентября 2021 г. [Statement..., 2021] заявило, что оно сохраняет монетарную политику без изменений, но при этом сообщило, что банк осторожно оценивает перспективы производства и экспорта. Это усиливает ожидания, что банк продолжит свою политику массированного стимулирования экономики, даже если многие партнеры будут рассматривать отход от поддержки кризисного типа. Как ожидается, банк сохранит процентную ставку на краткосрочные вклады на уровне минус 0,1%, а на облигации со сроком погашения 10 лет на уровне около 0%. В заявлении банка, в частности, говорится: «Экспорт и промышленное производство продолжают расти, хотя они частично испытывают негативное

влияние проблем в цепочках поставок», указав на то, что многие японские производственные компании страдают от остановок предприятий-контрагентов в азиатских странах из-за пандемии коронавируса».

Банк Японии сохранил свою оценку экономической ситуации, заявив, что «тенденция роста усиливается, хотя в экономике остаются сложности в результате влияния пандемии», что также подтвердил 27 сентября 2021 г. и глава Банка Японии Харухико Курода [Kuroda Haruhiko, 2021]. Аналитики при этом отмечают, что нынешняя оценка экономики дана накануне смены руководства правящей либерально-демократической партии (далее – ЛДП), в результате чего возможно, что новая администрация отойдет от рефляционистской политики бывшего премьер-министра Синдзо Абэ, получившей название «Абэномики» [Рензин, Суслов, 2020. С. 85–105].

При этом внутри верхушки ЛДП существует согласованная позиция о необходимости продолжения массированной монетарной поддержки экономики в настоящее время, однако есть разные представления о том, как долго она может продолжаться. Благодаря устойчивому росту спроса на глобальных рынках, японская экономика восстанавливается после прошлогодних проблем, однако сохраняющийся режим чрезвычайного положения, введенный для борьбы с COVID-19, продолжает серьезно сдерживать потребление. Так, в июле 2021 г. основные потребительские цены снизились по сравнению с июлем прошлого года на 0,2%. Снижение цен продолжается 12 месяцев подряд, поскольку вялое потребление сдерживает намерения компаний повысить цены на свою продукцию в связи с увеличением стоимости сырьевых материалов и таким образом переложить рост цен на домохозяйства.

Заключение. Несмотря на политические, олимпиадные и пандемические перипетии этого лета, еще в июне 2021 г. правительство Японии приняло ряд стратегических документов, реализация которых должна придать дополнительный импульс качественному экономическому развитию, ориентированному на инно-

вазии и новую стратегию роста [Growth Strategy..., 2021; Integrated Innovation..., 2021]. Их еще предстоит внимательно изучить и оценить влияние на кратко- и среднесрочные перспективы развития страны.

В настоящее время подтверждаются выводы, сделанные в начале текущего года как зарубежными, так и российскими специалистами [Белов, 2021. С. 33–41], что по сравнению с другими развитыми странами в начальный период пандемии COVID-19 Японии удалось эффективнее использовать свою систему здравоохранения и минимизировать смертность, а также уменьшить экономические потери. Это объяснялось спецификой как эпидемиологической стратегии, так и денежно-кредитной политикой Банка Японии и структурной политикой правительства [Fiscal 2021 Economic..., Dec. 18, 2020; Fiscal 2021 Economic..., Jan. 18, 2021; Greer, Scott L., 2021. С. 146–162]. Пакет антикризисных мер оказался одним из крупнейших в мире по объемам, что автоматически приведет в ближайшие годы к существенному увеличению размера государственного долга. Можно положительно оценить предпринятые и принимаемые меры правительством Японии для элиминации шоков пандемии COVID-19 в стране. Своевременные меры фискальной политики в рамках

дополнительных бюджетов и денежно-кредитной политики Банка Японии в целом привели к возвращению японской экономики в первой половине 2021 г. на траекторию развития с положительными темпами роста (порядка 2% в год), которые ожидается достичь и в среднесрочном периоде. В сентябре 2021 г. канцелярия кабинета министров объявила пересмотренные данные по ВВП за второй квартал текущего года в сторону повышения с учетом значительных инвестиционных расходов, несмотря на то, что пандемия COVID-19 оказывает понижающее давление на сектора услуг и личное потребление. Прирост ВВП во втором квартале 2021 г. составил 1,9% (в годовом исчислении), что превысило его первоначальную оценку (1,3%) и усредненный прогноз экономистов (1,6%). Такое улучшение показателей роста связано с тем, что на фоне восстановления мировой экономики и увеличения объемов промышленного производства, инвестиционные расходы в этот период оказались больше первоначальных оценок, что превысило потери в секторе услуг. Однако процесс восстановления японской экономики оставался неустойчивым в связи с низкими темпами вакцинации населения и ограничениями по пандемии, которые сдерживали активность частного сектора экономики.

Список источников:

1. Белов А. Экономическая политика Японии в период пандемии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 1. С. 33–41.
2. Рензин О. М., Сулов Д. В. Экономическая динамика в Японии: детализация институциональных контуров политики «Абэномики» // *Японские исследования*. 2020. № 1. С. 85–105.
3. Border enforcement measures to prevent the spread of novel coronavirus (COVID-19). August 16, 2021. URL: https://www.mofa.go.jp/ca/fna/page4e_001053.html (accessed: 28 September, 2021).
4. Quarterly Estimates of GDP for Apr.-Jun. 2021(The Second Preliminary). URL: https://www.esri.cao.go.jp/en/sna/sokuhou/sokuhou_top.html (accessed: 28 September, 2021)
5. Managing Divergent Recoveries. World Economic Outlook / International Monetary Fund. Washington, 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021> (дата обращения: август 2021).
6. Fault Lines Widen in the Global Recovery. World Economic Outlook / International Monetary Fund. 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/07/27/world-economic-outlook-update-july-2021> (дата обращения 17.09.2021 г.).
7. World Bank. 2021. Global Economic Prospects, June 2021. Washington, DC: World Bank. doi:10.1596/978-1-4648-1665-9 (дата обращения 17.09.2021 г.).
8. Japan upgrades Q2 GDP on stronger business spending. URL: <https://www.>

reuters.com/business/japan-upgrades-q2-gdp-stronger-business-spending-2021-09-08/ (accessed: 28 September, 2021).

9. Comprehensive Economic Measures to Create a Future with Security and Growth (Dec 5, 2019). URL: https://www5.cao.go.jp/keizai1/keizaitaisaku/2019/20191205_economic_measures_all.pdf (accessed: 28 September, 2021).

10. Comprehensive Economic Measures to Secure People's Lives and Livelihoods towards Relief and Hope (Dec 8, 2020). URL: https://www5.cao.go.jp/keizai1/keizaitaisaku/2020-2/20201208_economic_measures_all.pdf (accessed: 28 September, 2021).

11. Emergency Economic Measures to Cope with COVID-19 (Apr 7, 2020, Amended on Apr 20, 2020). URL: https://www5.cao.go.jp/keizai1/keizaitaisaku/2020/20200420_economic_measures_all.pdf (accessed: 28 September, 2021).

12. Minutes of the Monetary Policy Meeting on March 16, 2020. URL: https://www.boj.or.jp/en/mopo/mpmsche_minu/minu_2020/g200316.pdf (accessed: 28 September, 2021).

13. Minutes of the Monetary Policy Meeting on April 27, 2020. URL: https://www.boj.or.jp/en/mopo/mpmsche_minu/minu_2020/g200427.pdf (accessed: 28 September, 2021).

14. Statement on Monetary Policy. URL: https://www.boj.or.jp/en/announcements/release_2021/k210922a.pdf (accessed: 28 September, 2021).

15. Kuroda Haruhiko. Japan's Economy and Monetary Policy Speech at a Meeting with Business Leaders in Osaka (via webcast). URL: https://www.boj.or.jp/en/announcements/press/koen_2021/data/ko210927a1.pdf (accessed: 28 September, 2021).

16. Growth Strategy and Execution Plan (in Jap.). URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/togo2021_honbun.pdf (accessed: 28 September, 2021).

17. Integrated Innovation Strategy 2021 (in Jap.) URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/togo2021_honbun.pdf (accessed: 28 September, 2021).

18. Fiscal 2021 Economic Outlook and Basic Stance for Economic and Fiscal Management, Decided by the Cabinet on December 18, 2020 (Dec. 18, 2020). URL: <https://www5.cao.go.jp/keizai1/mitoshi/2020/r021218mitoshi-e.pdf> (accessed: 17 July, 2021).

19. Fiscal 2021 Economic Outlook and Basic Stance for Economic and Fiscal Management, Decided by the Cabinet on January 18, 2021 (Jan. 18, 2021). URL: <https://www5.cao.go.jp/keizai1/mitoshi/2020/r030118mitoshi-e.pdf> (accessed: 17 July, 2021).

20. Greer, Scott L. Coronavirus Politics: The Comparative Politics and Policy of COVID-19. E-book, Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2021. URL: <https://doi.org/10.3998/mpub.11927713> (accessed: 28 September, 2021).

References:

1. Belov A. V. Economic Policy of Japan in the Time of Pandemic. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2021, vol. 65, no. 1, pp. 33–41 (in Russian).

2. Renzin O.M., Suslov D.V. 2020. Economic dynamics in Japan: detailing of the Abenomics policy institutional outlines *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese research], 2020, no. 1, pp. 85–105. (in Russian).

3. Border enforcement measures to prevent the spread of novel coronavirus (COVID-19). August 16, 2021. URL: https://www.mofa.go.jp/ca/fna/page4e_001053.html (accessed: 28 September, 2021).

4. Quarterly Estimates of GDP for Apr.–Jun. 2021 (The Second Preliminary). URL: https://www.esri.cao.go.jp/en/sna/sokuhou/sokuhou_top.html (accessed: 28 September, 2021).

5. Managing Divergent Recoveries. World Economic Outlook / International Monetary Fund. Washington, 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021> (accessed: 08. 2021).

6. Fault Lines Widen in the Global Recovery. World Economic Outlook / International Monetary Fund. 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/07/27/world-economic-outlook-update-july-2021> (дата обращения 17.09.2021 г.).

7. World Bank. 2021. Global Economic Prospects, June 2021. Washington, DC: World

Bank. doi:10.1596/978-1-4648-1665-9 (accessed: 17.09.2021 г.).

8. Japan upgrades Q2 GDP on stronger business spending. URL: <https://www.reuters.com/business/japan-upgrades-q2-gdp-stronger-business-spending-2021-09-08/> (accessed: 28 September, 2021).

9. Comprehensive Economic Measures to Create a Future with Security and Growth (Dec 5, 2019). URL: https://www5.cao.go.jp/keizai1/keizaitaisaku/2019/20191205_economic_measures_all.pdf (accessed: 28 September, 2021).

10. Comprehensive Economic Measures to Secure People's Lives and Livelihoods towards Relief and Hope (Dec 8, 2020). URL: https://www5.cao.go.jp/keizai1/keizaitaisaku/2020-2/20201208_economic_measures_all.pdf (accessed: 28 September, 2021).

11. Emergency Economic Measures to Cope with COVID-19 (Apr 7, 2020, Amended on Apr 20, 2020). URL: https://www5.cao.go.jp/keizai1/keizaitaisaku/2020/20200420_economic_measures_all.pdf (accessed: 28 September, 2021).

12. Minutes of the Monetary Policy Meeting on March 16, 2020. URL: https://www.boj.or.jp/en/mopo/mpmsche_minu/minu_2020/g200316.pdf (accessed: 28 September, 2021).

13. Minutes of the Monetary Policy Meeting on April 27, 2020. URL: https://www.boj.or.jp/en/mopo/mpmsche_minu/minu_2020/g200427.pdf (accessed: 28 September, 2021).

14. Statement on Monetary Policy. URL: https://www.boj.or.jp/en/announcements/release_2021/k210922a.pdf (accessed: 28 September, 2021).

15. Kuroda Haruhiko. Japan's Economy and Monetary Policy Speech at a Meeting with Business Leaders in Osaka (via webcast). URL: https://www.boj.or.jp/en/announcements/press/koen_2021/data/ko210927a1.pdf (accessed: 28 September, 2021).

16. Growth Strategy and Execution Plan (in Jap.). URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/togo2021_honbun.pdf (accessed: 28 September, 2021).

17. Integrated Innovation Strategy 2021 (in Jap.) https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/togo2021_honbun.pdf (accessed: 28 September, 2021).

18. Fiscal 2021 Economic Outlook and Basic Stance for Economic and Fiscal Management, Decided by the Cabinet on December 18, 2020 (Dec. 18, 2020). <https://www5.cao.go.jp/keizai1/mitoshi/2020/r021218mitoshi-e.pdf> (accessed: 17 July, 2021).

19. Fiscal 2021 Economic Outlook and Basic Stance for Economic and Fiscal Management, Decided by the Cabinet on January 18, 2021 (Jan. 18, 2021). <https://www5.cao.go.jp/keizai1/mitoshi/2020/r030118mitoshi-e.pdf> (accessed: 17 July, 2021).

20. Greer, Scott L. Coronavirus Politics: The Comparative Politics and Policy of COVID-19. E-book, Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2021. <https://doi.org/10.3998/mpub.11927713> (accessed: 28 September, 2021).

Статья поступила в редакцию 2.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 2.12.2021.

The article was submitted 2.11.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 2.12.2021.

Информация об авторе

Д. В. Суслов – канд. экон. наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

D. V. Suslov – Candidate of Economics, senior researcher, The Economic Research Institute of FEB RAS.

Научная статья

УДК 37.014.3(520)

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-28-38

Приоритеты интернационализации японской системы высшего образования на государственном уровне

Юлия Александровна Ламашева

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия
yuliya_lamasheva@hotmail.com

Аннотация. *Используя четыре стратегии интернационализации высшего образования, предложенные ОЭСР, японскую стратегию традиционно характеризуют как согласованный подход, основной целью которого является культурная дипломатия и распространение «мягкой силы» в мире. Согласованный подход подразумевает использование образования для углубления взаимопонимания через поддержку мобильности преподавателей и студентов. Однако в современной Японии возрастающее значение приобретают другие стратегии: привлечения высококвалифицированной рабочей силы, получения дохода и расширения возможностей. Стратегия привлечения высококвалифицированной рабочей силы ориентирована на закрепление иностранных выпускников на рынке труда Японии. Стратегия получения дохода предполагает привлечение иностранных студентов на платной основе. Стратегия расширения возможностей связывает развитие образования и науки, иностранные выпускники рассматриваются в качестве будущих исследователей. Цель работы – выявить проявления различных стратегий интернационализации высшего образования Японии через анализ экспертных оценок отечественных специалистов. В работе рассмотрены вопросы организации международного сотрудничества в сфере высшего образования, основные документы, определяющие приоритеты и цели в этой сфере в Японии. Показано, что фактически реализуется и стратегия миграции, и стратегия расширения возможностей, однако подход получения дохода распространения не получил. Отношение государства и общества к иностранным выпускникам японских университетов становится более лояльным: они рассматриваются в качестве квалифицированной рабочей силы для японских предприятий и организаций, а также в качестве перспективных исследователей, чьи открытия могут вывести Японию в число стран-лидеров в сфере инноваций. В то же время в Японии развита система государственного финансирования обучения иностранных студентов, поэтому подход получения дохода не является приоритетом. В период пандемии коронавируса участники процесса интернационализации с японской стороны используют дистанционные формы обучения в рамках согласованного подхода.*

Ключевые слова: интернационализация высшего образования, международная миграция, «мягкая сила», конкуренция на рынке образования

Для цитирования: Ламашева Ю. А. Приоритеты интернационализации японской системы высшего образования на государственном уровне // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 28–38. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-28-38>

Priorities in internationalization of the Japan's higher education system of the state level

Yuliya A. Lamasheva

The Pacific National University, Khabarovsk, Russia, uliya_lamasheva@hotmail.com

Abstract. Referring to four strategies of internationalization of higher education, suggested by the Organization for economic cooperation and development, Japan's strategy is traditionally called mutual understanding approach, aiming mainly at the cultural diplomacy and spreading "soft power" around the globe. However, in modern Japan other strategies may become more important, such as skilled migration approach or capacity building approach. The goal of this paper is to demonstrate the reasons for different strategies in internationalization of higher education in Japan. It is argued that both skilled migration approach and capacity building approach are implemented, while the revenue-generating approach is not.

Keywords: internationalization of higher education, international migration, "soft power", competition in education market.

For citation: Lamasheva Yu. A. Priorities in internationalization of the Japan's higher education system of the state level // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 28–38. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-28-38>

Введение. В процессе международного сотрудничества России в сфере образования важно точно понимать не только приоритеты нашего государства, но и цели сотрудничества других сторон. Россия и Япония в этой сфере связаны Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии о культурных связях (дата вступления в силу – 21.07.2002 г.).¹ Оно включает широкий круг межгосударственных контактов: обмена учеными, преподавателями, исследователями и студентами; предоставление стипендий и других возможностей для учебы, стажировки и научной работы; изучение языков, литературы, истории, культуры и других сторон жизни в образовательных и научно-исследовательских учреждениях стран-партнеров, а также обмен информацией по вопросам, связанным с эквивалентностью ученых степеней и дипломов об образовании обеих стран.

Данное Соглашение было заключено почти 20 лет назад и актуальным пред-

ставляется уточнение приоритетов Японии в сфере интернационализации высшего образования.

Стратегии интернационализации высшего образования. Пользуясь определением интернационализации высшего образования, предложенным Ременцовой Н. А., будем считать интернационализацию процессом встраивания международного измерения в функции и процессы высшего образования [Ременцова, 2020. С. 49], при этом встраивание происходит по выбору и в интересах государства, стремящегося к интернационализации. По мнению указанного автора, многообразие интересов государства можно свести к четырем стратегиям (подходам), предложенным ОЭСР [Ременцова, 2020. С. 49–50].

Согласованный подход подразумевает использование образовательных связей для углубления взаимопонимания и установление долгосрочных связей через ассоциации иностранных выпускников. Основным инструментом выступает под-

¹ Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-2/46639?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch=false&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_keywords=%D1%8F%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%8F&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_fromPage=search&_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_andOperator=1 (дата доступа 21.07.2021).

держка мобильности преподавателей, исследователей и студентов.

Стратегия привлечения высококвалифицированной рабочей силы ориентирована на закрепление иностранных выпускников на рынке труда принимающей страны. В отличие от традиционной миграции такая образовательная стратегия помогает провести более качественный отбор кадров в процессе обучения, а также дает время для адаптации иностранцев к реалиям другого общества.

Стратегия получения дохода предполагает в качестве основной цели привлечение иностранных студентов на платной основе. В основном ею пользуются англоязычные страны, спрос на образование в которых остается высоким в течение десятилетий.

Стратегия расширения возможностей связывает развитие образования и науки. Иностранные выпускники рассматриваются в качестве будущих исследователей, вносящих разнообразие подходов и повышающих научно-технические рейтинги принимающей страны [Ременцова, 2020. С. 55–56].

Декларируемые приоритеты и цели интернационализации образования в Японии. В Японии международное сотрудничество в сфере образования координируется двумя министерствами: Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии (далее – Министерство образования) и Министерством иностранных дел Японии.

Министерство иностранных дел Японии участвует в развитии обменных программ. На сайте Министерства указаны следующие задачи: 1) предоставление информации об обучении в Японии иностранным студентам; 2) проведение информационных мероприятий за рубежом через сеть посольств и консульств Японии, тестирования и собеседований для абитуриентов, оказание помощи при подготовке к отъезду в Японию, под-

держка во время обучения; 3) поддержание связей с иностранными выпускниками университетов Японии; 4) помощь японским студентам в организации обучения за рубежом². Специального отдела по сотрудничеству в сфере образования нет, этим вопросом занимаются региональные отделы МИД (Азия и Океания, Ближний и Средний Восток, Северная Америка, Латинская Америка и Карибский бассейн, Европа).

Активно занимается вопросами интернационализации высшего образования Министерство образования Японии. Глава 10 «Белой книги» 2017 года определяет сферу деятельности Министерства по развитию международных обменов и сотрудничества. Министерство организует и проводит встречи и переговоры с коллегами из других стран, выступает координационным центром для учреждений государственного и частного секторов в сфере международного образования, а также представляет интересы Японии в Университете ООН, в ОЭСР и ЮНЕСКО, работает над достижением целей устойчивого развития ООН. В состав Министерства входят Центральный совет по образованию (включает отделы образовательных систем, непрерывного обучения, начального и раннего среднего образования, высшего образования, молодежи и спорта); Совет по науке и технологиям (отделы планирования и оценки исследований, изучения источников, технологий, развития океана, геодезии, профессиональной инженерии, а также секцию фондов технологий и исследований, комиссию по биоэтике и биобезопасности, международный комитет, комитет по человеческому капиталу, специальный комитет по Основному плану) и Совет по культурным вопросам (отдел по родному языку, отдел по авторским правам, отдел по культурному наследию, отдел по награждению деятелей культуры, комитет по культурной политике).³ Соответствен-

² *Student Exchange Programs (November 6, 2019), Министерство иностранных дел Японии. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/culture/people/student/index.html> (дата доступа 23.07.2021).*

³ *2017 White Paper on Education, Culture, Sports, Science and Technology, Part 2- Trends and Development in Education, Culture, Sports, Science and Technology Policies (2017), Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии. URL: https://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/hpab201701/detail/1418107.htm (дата доступа 23.07.2021).*

но, международным сотрудничеством в высшем образовании занимается отдел высшего образования Центрального совета по образованию.

Основной закон об образовании (Basic Act on Education, 2006) перечисляет в числе целей образования «воспитание ценности уважения к традициям и культуре и любви к стране и регионам, которые нас взрастили, а также ценности уважения к другим странам и стремления внести свой вклад в мир во всем мире и развитие международного сообщества»⁴. На этой основе принимаются национальные планы развития образования. Третий Основной план был принят 15 июня 2018 года. Его цели и задачи: 1) ставить высокие цели и искать возможности для их достижения; 2) поощрять разностороннее развитие способностей в целях устойчивого развития общества; 3) развивать среду для обучения и активности на протяжении всей жизни; 4) создавать сети безопасности в обучении, чтобы каждый мог стать лидером⁵.

Ожидаемые результаты были сформулированы в Задаче № 21 «Развивать образование в японском стиле за рубежом и интернационализацию образования в Японии». В их числе: создавать образцы для расширения образования в японском стиле за рубежом; развивать образовательную среду и инфраструктуру в Японии; активизировать обмен педагогическими кадрами с другими странами; способствовать распространению образования в японском стиле за границей и интернационализации образования в Японии.

В частности, ожидаются следующие результаты.

1) развитие образования в японском стиле за рубежом посредством сотрудничества между правительством и частным

сектором; создание модельных кейсов для зарубежной экспансии;

2) сотрудничество в сфере образования с развивающимися странами.

Кроме того, из предыдущих планов перешли следующие меры:

3) развитие образования на иностранных языках, включая английский;

4) поддержка старших классов средней школы, технологических колледжей, университетов и т. д., которые занимаются деятельностью по интернационализации образования;

5) поддержка обучения за рубежом японских студентов;

6) создание условий для приема иностранных студентов;

7) содействие обучению детей, находящихся за границей, учащихся начальных школ, а также младших и старших классов средней школы, которые вернулись в Японию из других стран, а также иностранных учеников в начальных школах, в младших и старших классах средней школы⁶.

В соответствии с Основным планом Министерство образования разрабатывает международные проекты и подписывает соглашения. Так, Глобальный сетевой проект «Учиться в Японии» (Study in Japan Global Network Project), реализуемый в Министерстве образования с 2018 года, нацелен на привлечение 300 тысяч иностранных студентов к 2020 году (фактически этот показатель был достигнут в 2019 году). В проекте участвуют Университет Окаяма (его зона ответственности – страны АСЕАН), Университет Хоккайдо (Африка южнее Сахары; Россия и страны СНГ), Университет Токио (Юго-Западная Азия), Университет Цукуба (Латинская Америка), Университет Кюсю (Ближний Восток и Северная

⁴ Basic Act on Education (Act No. 120 of December 22, 2006), Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии. URL: <https://www.mext.go.jp/en/policy/education/lawandplan/title01/detail01/1373798.htm> (дата доступа 23.07.2021).

⁵ The Third Basic Plan for the Promotion of Education, Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии. URL: <https://www.mext.go.jp/en/policy/education/lawandplan/title01/detail01/1373799.html> (дата доступа 23.07.2021).

⁶ The Third Basic Plan for the Promotion of Education, Target 21 - Overseas Development of Japanese-Style Education and Internationalization of Education in Japan, Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии. URL: <https://www.mext.go.jp/en/policy/education/lawandplan/title01/detail01/sdetail01/1373826.html> (дата доступа 23.07.2021).

Африка), а также Японская организация поддержки студентов⁷.

Особое внимание уделяется сотрудничеству с ближайшими соседями – странами Северо-Восточной Азии. В декабре 2010 года были приняты «Принципы обменов и сотрудничества между университетами Китая, Японии и Кореи с обеспечением качества» (*Guidelines for Exchange and Cooperation among Universities in China, Japan and Korea with Quality Assurance*)⁸. Документ предлагает рекомендации правительствам, университетам и контролирующим органам, участвующим в международном сотрудничестве в сфере образования между тремя странами.

Кроме того, 14 ноября 2014 г. Министерством образования Японии были приняты «Принципы формирования программ международного совместного дипломирования, включая программы двойного дипломирования и совместного присвоения научных степеней» (*Guidelines for Building International Joint Diploma Programs Including Double and Joint Degree Programs*)⁹. Документ определяет основные принципы совместного дипломирования, его механизмы, сферы применения, критерии при отборе университетов-партнеров за рубежом, требования к учебным планам, итоговой аттестации, принципы наблюдения и контроля, подбора персонала, определения среды мобильности студентов, оплаты обучения. Таким образом, государство не только разрабатывает долгосрочные программы развития сотрудничества в сфере образования, но и создает дополнительную нормативно-правовую базу для реализации этих программ.

Важную роль в реализации государственных программ в сфере международного образования играет Японская организация поддержки студентов (*Japan Student Services Organization, JASSO*). Согласно идее «равных возможностей в образовании», зафиксированной в Конституции и Основном законе об образовании, эта организация предлагает стипендии японским и иностранным студентам, испытывающим сложности финансового характера. Организация также сотрудничает с университетами, практикующими инклюзивное образование (проводит семинары, тренинги, опросы и т. д.). По состоянию на 1 мая 2019 г. стипендии от JASSO получили 312214 иностранных студентов (включая средние и высшие учебные заведения). Из них 89602 человек обучались по программам бакалавриата, 53089 человек – в магистратуре или докторантуре, и ещё 3518 человек проходили подготовительные курсы для поступления в университет. Большинство студентов прибыли из Китая, Вьетнама, Непала, Кореи и Тайваня. На 2020 г. были запланированы расходы в размере 1,3123 млрд иен, из них 1,0529 млрд иен – стипендии (кредиты и гранты) японским студентам, 15,4 млрд иен – программы поддержки иностранных студентов¹⁰.

Социологический опрос JASSO показывает, что при выборе Японии иностранными студентами преобладают социокультурные ориентиры, конкурентные преимущества системы высшего образования, условия обучения в стране, а также перспективы дальнейшего трудоустройства [Рязанцев, 2020. С. 161–165].

⁷ *Study in Japan Global Network Project*, Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии. URL: <https://www.mext.go.jp/en/policy/education/highered/title02/detail02/1373922.html> (дата доступа 11.09.2021).

⁸ *Guidelines for Exchange and Cooperation among Universities in China, Japan and Korea with Quality Assurance*, Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии. URL: https://www.mext.go.jp/a_menu/koutou/shitu/1303468.htm (дата доступа 11.09.2021).

⁹ *Guidelines for Building International Joint Diploma Programs Including Double and Joint Degree Programs (November 14, 2014)*, Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии. URL: https://www.mext.go.jp/component/b_menu/shingi/toushin/_icsFiles/afieldfile/2015/04/17/1356863_1.pdf (дата доступа 11.09.2021).

¹⁰ *Program Profile*, Японская организация поддержки студентов. URL: <https://www.jasso.go.jp/en/about/organization/jigyougaiyou.html> (дата доступа 23.07.2021).

Координация деятельности различных министерств и ведомств оказалась довольно результативной. Используется подход «образование для всех», но особое внимание уделяется международному сотрудничеству с менее развитыми странами. В японских документах понятие «международное сотрудничество» используется в смысле помощи в достижении целей развития, в т. ч. в образовании. Для развитых стран используются общие механизмы (МИД, JASSO, Японский фонд), для развивающихся – дополнительно Официальная помощь развитию (ОПР). Интернационализация японского образования происходит также через привлечение иностранных преподавателей-носителей языков (для улучшения языковых компетенций школьников и студентов).

Согласованный подход. По мнению Ременцовой Н. А., в Японии реализуется согласованный подход [Ременцова, 2020. С. 55]. Действительно, изучая работы специалистов по системе высшего образования в Японии, можно отметить именно стремление к построению международного взаимопонимания и доверия. Так, Дубровина О. В. и Дубинина О. Ю. указывают интернационализацию образования в качестве одного из трех основных направлений культурной дипломатии Японии [Дубровина, 2019. С. 237].

Стремление молодежи приехать для получения высшего образования в Японии (любой его ступени) зачастую является логическим результатом продвижения японского языка, культуры и международных обменов (неакадемического характера). Продвижением японского языка и культуры за рубежом занимается в первую очередь Японский фонд (The Japan Foundation). Японский фонд ведет деятельность по трем основным направлениям: программы обмена в области культуры, программы по преподаванию японского языка за рубежом, программы поддержки исследований по Японии и интеллектуальных обменов.

Помимо Японского фонда к институтам, реализующим культурную дипломатию Японии, можно отнести Агентство по культуре, а также японские центры, созданные в конце XX в. в развивающихся государствах. Японские центры реализуют три вида программ: бизнес-курсы, курсы по изучению японского языка и программы, направленные на улучшение взаимопонимания и двусторонних отношений между Японией и государством, где расположены эти центры [Дубровина, 2019. С. 236]. Все эти мероприятия либо стимулируют желание съездить на обучение в Японию, либо (если у российских граждан есть какие-либо ограничения) как минимум создают эффект получения знаний непосредственно от японских преподавателей.

Однако было бы неверно характеризовать Японию как абсолютно открытое для иностранных студентов общество. В ряду других развитых стран Япония отличается довольно консервативным подходом к сотрудничеству в системе образования. Собственно Закон об образовании был обновлен в 2006 году впервые после войны. Специфического законодательства по международному сотрудничеству в сфере образования не существует: слишком сложна и чувствительна эта тема. Так, при обсуждении вопроса о включении сотрудничества в сфере образования в Соглашение о стратегическом партнерстве с ЕС, японская общественность высказывалась против принятия определенных обязательств, потому что образовательные системы стран отличаются, и необходимо сохранить уникальность японской системы в интересах японского общества¹¹.

В качестве исключительного примера не только заключенных, но и реализованных проектов многостороннего партнерства в сфере международного образования можно рассмотреть сотрудничество по линии Япония – ЕС. Статья 40 Соглашения о стратегическом партнерстве между Европейским Союзом и его

¹¹ *Educators in the EU and Japan demand education be left out of trade agreement fighting the commercialisation of education education, research and copyright (published 17 July 2018), Education International. URL: <https://www.ei-ie.org/en/item/22537:educators-in-the-eu-and-japan-demand-education-be-left-out-of-trade-agreement> (дата доступа 11.09.2021).*

государствами-членами, с одной стороны, и Японией, с другой стороны (24.08.2018), гласит, что стороны будут расширять обмен мнениями и информацией о своей политике в области образования, молодежи и спорта, а также поощрять сотрудничество в указанных областях¹².

Соглашение конкретизируется через механизм Программы сотрудничества в образовании – инструмент развитых стран (ICI-ЕСР, Industrialised Countries Instrument – Education Cooperation Programme), принятой в 2006 г. и направленной на развитие сотрудничества ЕС с Австралией, Новой Зеландией, Японией и Республикой Корея в сфере высшего и профессионального образования. Следует пояснить, что одной стороной программы всегда является ЕС, т. е. двустороннее сотрудничество между, например, Австралией и Японией или Республикой Корея и Японией в данную Программу не включается.

Программа включает региональные и двусторонние проекты сотрудничества на основе совместного финансирования ЕС и стран-партнеров и взаимного согласия по вопросу выбора партнеров в сфере высшего образования. Поддержка оказывается как вузам, так и студентам, и исследователям, а также администраторам проектов. Каждая заявка подается на рассмотрение консорциума государственных институтов. Отобранные проекты финансируются как ЕС, так и страной-партнером. В рамках программы поддерживаются проекты мобильности студентов и преподавателей, совместного дипломирования, а также финансирования развития международных программ. Программы мобильности включают краткосрочную (Joint Mobility projects) и долгосрочную мобильность для получения диплома (Joint Degree projects). Консорциум государственных органов стран-участниц устанавливает

правила обменных программ, по которым студенты стран ЕС обычно обучаются один семестр или один год в вузе страны-партнера и наоборот. При этом период обучения за рубежом включается в общую продолжительность обучения.

Так, по Программе двойного дипломирования магистратуры по нейронаукам ЕС-Япония (Edu-Neuro EU-JP: Double European-Japan Master Degree in Neuroscience), реализованной в 2013–2017 гг., семь студентов были отправлены из Университета Тохо в ЕС (Маастрихтский университет, Католический университет Левена, Кёльнский университет, Университет Лилля), соответственно, семь студентов из ЕС были приняты в Университете Тохо¹³.

Стратегия расширения возможностей. Можно сделать вывод о том, что согласованный подход интернационализации высшего образования Японии с приоритетом на построение отношений доверия и улучшение международного имиджа страны используется давно и достиг довольно высокого уровня эффективности. В то же время в Японии осознается необходимость не только сотрудничества, но и конкуренции в сфере образования, что приводит к реализации стратегии расширения возможностей, которая направлена на стимулирование работы иностранных ученых и высших учебных заведений в стране. Таким образом, на смену стремлению гармонизировать отношения с другими странами через систему студенческой и академической мобильности приходит цель отбора и трудоустройства лучших иностранных специалистов, доказавших свою конкурентоспособность в процессе получения образования в Японии.

Например, Кречетников К. Г. и Шойнхорова В. Р. отмечают инициативность Министерства образования Японии в целях повышения качества подготовки как

¹² *Strategic Partnership Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and Japan, of the other part (July 17, 2018), Законодательство ЕС. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:22018A0824\(01\)&from=EN#d1e940-4-1](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:22018A0824(01)&from=EN#d1e940-4-1) (дата доступа 11.09.2021).*

¹³ *Instrument for cooperation with Industrialised Countries, European Union External Action URL: https://eeas.europa.eu/topics/instrument-cooperation-industrialised-countries_en (дата доступа 11.09.2021).*

иностранных студентов, так и принимающих их японских университетов. Так, в 2009 г. было отобрано 13 университетов в рамках проекта «Global 30». По завершению проекта «Global 30», министерство образования Японии заменило его на проект под названием «Top Global University», запущенный с сентября 2014 г. и рассчитанный на 10 лет. Данный проект создан для повышения конкурентоспособности вузов Японии на международном уровне в сфере высшего образования [Кречетников, 2015. С. 60–61].

В том же направлении при поддержке Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии реализуются также следующие проекты.

1) Проект междууниверситетских обменов «Пере-изобретение Японии» (Re-Inventing Japan Project) направлен на развитие глобально активных человеческих ресурсов и обеспечение качественного механизма взаимного признания оценок в международной образовательной системе через финансирование усилий по созданию программ сотрудничества с университетами стран Азии и США, обучающимися японских студентов.

2) Проект поддержки развития глобальных человеческих ресурсов (Project for Promotion of Global Human Resource Development) нацелен на интернационализацию японского высшего образования¹⁴.

Жилина А. В. подчеркивает, что наиболее успешной программой по содействию интернационализации является проект World Premier Initiative (WPI), объединивший девять институтов [Жилина, 2019. С. 122–125]. Инициатива «Первые в мире международные исследовательские центры» (WPI – World Premier International Research Center Initiative) действует с 2007 г. до настоящего времени. Поддержку получают международные исследовательские центры, которые характеризует привлекательная исследовательская среда и работа на высшем международном уровне, английский как основной язык, эффективное руковод-

ство, среда, в которой исследователи могут посвятить себя исключительно своим исследованиям при соответствующей поддержке технического персонала. Примером успеха деятельности таких центров могут служить достижения доктора Синъя Яманака, главного исследователя Института комплексных исследований клеточных материалов (WPI-iCeMS). Он получил в 2012 г. Нобелевскую премию по физиологии и медицине¹⁵.

В то же время нельзя говорить об устойчивом притоке исследователей из развитых стран мира. По данным М. О. Лихачева, в японских университетах велика доля граждан Китая (45%), а также Южной Кореи (22%), США (17%), Великобритании (8%) и Австралии (3%) [Лихачев, 2019. С. 168–169]. Для студентов из стран с более низким уровнем оплаты труда, чем в Японии, учёба становится не только путём к получению диплома, но и шансом на трудоустройство. Причём необязательно студенты стремятся стать исследователями. Большие возможности существуют и для специалистов на производстве, и для масштабного сектора услуг.

Стратегия миграции и привлечения высококвалифицированной рабочей силы. Данная стратегия не артикулируется на официальном уровне, но уже фактически реализуется благодаря намерениям самих иностранных студентов и особенностям рынка труда Японии. Так, С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская и Н. С. Рязанцев отмечают влияние на интернационализацию японских университетов таких негативных демографических процессов, как снижение рождаемости и сокращение численности молодежи. При этом приводимый в работе указанных авторов социологический опрос JASSO показывает, что более 44% иностранных студентов стремится к трудоустройству в Японии [Рязанцев, 2020. С. 163].

Возникает вопрос о емкости японского рынка труда для выпускников университетов. Лебедева И. П. поясняет, что чем лучше экономическая конъюнктура,

¹⁴ *Support for Internationalization of Universities, Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии. URL: <https://www.mext.go.jp/en/policy/education/highered/title02/detail02/1373875.htm> (дата доступа 23.07.2021).*

¹⁵ *World Premier International Research Center Initiative (WPI), Japan Society for the Promotion of Science. URL: <https://www.jsps.go.jp/english/e-toplevel/> (дата доступа 23.07.2021).*

тем большая доля выпускников находит работу. Примерно 80% выпускников получает постоянную работу даже в периоды неблагоприятной конъюнктуры. При этом, во-первых, постоянная занятость в крупных и крупнейших компаниях в последние годы стала более доступна. Во-вторых, расширился наем на места постоянных работников девушек. Речь идет прежде всего о государственных учреждениях. В-третьих, в плане смены работы нынешние молодые японцы чувствуют себя свободнее, чем раньше. Наконец, смягчились и условия найма. Японские компании стали более лояльно относиться к молодым людям, уже поработавшим в другой компании [Лебедева, 2020. С. 96–99]. Такая ситуация благоприятна для трудоустройства и иностранных выпускников японских вузов.

Однако на японском рынке труда обнаруживается целый ряд структурных несоответствий. Так, при низком уровне общей безработицы нарастает структурная безработица, что свидетельствует об усилении несоответствия между требованиями компаний к качеству рабочей силы и профессионально-квалификационным составом претендентов на рабочие места. С другой стороны, для японского рынка труда характерен достаточно высокий уровень увольнений работников (15–15,5% от общего числа занятых). Это говорит о том, что реальность далеко не всегда соответствует ожиданиям работников в отношении условий работы [Лебедева, 2020. С. 48].

Шипилова М. А. в своей работе подтверждает, что сокращение трудовых ресурсов – одна из наиболее острых проблем для Японии. В то же время Япония отличается жесткостью миграционного законодательства. Сальдо миграции в 2018 г. составило немногим более 160 тысяч человек, при том, что для стабилизации численности населения приток людей в страну должен составлять около 500 тысяч ежегодно. Благодаря тому, что в 2012 г. была введена балльная система для оценки высококвалифицированных кадров, к настоящему времени основная часть мигрантов – высококвалифициро-

ванные специалисты, предприниматели, профессионалы узкой специализации. Целью является привлечение 20 тысяч специалистов к 2022 г. [Шипилова, 2020. С. 46–48].

В целом японское общество осознает неизбежность пополнения рынка труда страны иностранной рабочей силой. Горячева Е. А. приводит данные совместного исследования газеты «Майнити» и японского университета Сайтама 2019 года. Большая часть населения Японии (56%) положительно воспринимает идею пребывания в ней рабочих мигрантов, а негативно настроены 34%. По сравнению с данными опроса газеты «Ёмиури», проведенного в ноябре 2018 г. перед принятием пересмотренного Закона об иммиграции, за год отношение к иностранным рабочим в стране улучшилось. Так, в 2018 г. 48% опрошенных были за расширение числа иностранных рабочих, 42% – против. Также опрос «Майнити» – Сайтама показал, что, по мнению японцев, иностранцы, при наличии взаимопонимания и владения языком, смогут внести положительный вклад в японское общество [Горячева, 2020. С. 68].

Стратегия получения доходов Что касается четвертой стратегии интернационализации японского высшего образования (получения доходов), то здесь изменения маловероятны. Предложение образовательных услуг только на платной основе экономически выгодно, но Япония предпочитает предлагать стипендии, чтобы не проиграть в конкурентной борьбе за иностранных студентов. Так, в 2018 г. в Японии обучалось 94973 иностранных студента на уровне бакалавриата (при этом 83030 получали финансирование полностью или частично за счет правительства Японии), 52437 студентов – в магистратуре и докторантуре (49573 чел. – за счет Японии), 2701 чел. – в институтах ускоренного двухгодичного обучения (2365 чел. – за счет Японии). Таким образом, расходная часть ложится в основном на японскую сторону, и считать расходы на образование иностранных студентов экспортом услуг Японии неправомерно¹⁶.

¹⁶ *Statistical Handbook of Japan 2020, Статистическое бюро Японии. URL: <https://www.stat.go.jp> (дата доступа 23.07.2021).*

Заключение. Таким образом, в современной Японии наблюдается еще не смена, но уже дополнение списка приоритетов интернационализации высшего образования. Культурная дипломатия и взаимопонимание, десятилетиями декларируемые в качестве единственного приоритета, фактически дополняются стремлением повысить конкурентоспо-

собность Японии на рынке образовательных услуг и научных исследований и необходимостью пополнения рынка квалифицированной рабочей силы за счет иностранных выпускников японских вузов. Определенные коррективы внесет пандемия, однако говорить об определенных результатах преждевременно.

Список источников:

1. Горячева Е. А. Восприятие россиян в современной Японии: стереотипы и их преодоление // Россия и АТР. 2020. № 4 (110). С. 63–71.
2. Дубровина О. В., Дубинина О. Ю. Основные направления культурной дипломатии современной Японии // Власть. 2019. № 4. С. 234–242.
3. Жилина Л. В. Японское университетское сообщество в международном окружении: маневры или курс на снижение? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. № 1. С. 119–129.
4. Кречетников К. Г., Шойнхорова В. Р. Японский подход к интернационализации образования // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 23. С. 58–63.
5. Лебедева И. П. Образование и стартовые возможности японской молодежи // Ежегодник Япония. 2020. № 49. С. 86–120.
6. Лебедева И. П. Структурные проблемы японского рынка труда // Японские исследования. 2020. № 1. С. 48–68.
7. Лихачев М. О. Морли Л., Лейтон Д., Хада Ю. Аффективная экономика интернационализации: академическая иммиграция и эмиграция в высшем образовании Японии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8, Науковедение: Реферативный журнал. 2019. № 3. С. 165–169.
8. Ременцова Н. А. Интернационализация образовательных услуг: тенденции и стратегии // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. № 4. С. 47–58.
9. Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Рязанцев Н. С. Японская модель привлечения иностранной молодежи в систему высшего образования // Образование и наука. 2020. № 9. С. 148–173.
10. Шипилова М. А. Миграционные реформы кабинетов Абэ: незначительные дополнения или структурный элемент Абэномики? // Японские исследования. 2020. № 3. С. 44–64.

References:

1. Goryacheva E. A. Perception of Russians in modern Japan: stereotypes and their overcoming *Rossiia i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region], 2020, no. 4 (110), pp. 63–71. (In Russian).
2. Dubrovina O. V., Dubinina O. Yu. The main directions of cultural diplomacy in modern Japan *Vlast'* [Power], 2019, no. 4, pp. 234–242. (In Russian).
3. Zhilina L. V. The Japanese university community in the international environment: maneuvers or a course of decline? *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of RUDN. Series: International Relations], 2019, no. 1, pp. 119–129. (In Russian).
4. Krechetnikov K. G., Shoynkhorova V. R. Japanese approach to the internationalization of education *Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya: problemy i rezul'taty* [Fundamental and applied research: problems and results], 2015, no. 23, pp. 58–63. (In Russian).
5. Lebedeva I. P. Education and starting opportunities for Japanese youth *Yezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 2020, no. 49, pp. 86–120. (In Russian).

6. Lebedeva I. P. Structural problems of the Japanese labor market *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese research], 2020, no. 1, pp. 48–68. (In Russian).
7. Likhachev M. O., Morley L., Leighton D., Hada Y. Affective economics of internationalization: academic immigration and emigration in higher education in Japan *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 8, Naukovedeniye: Referativnyy zhurnal* [Social and Humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 8, Science of Science: Abstract Journal], 2019, no. 3, pp. 165–169. (In Russian).
8. Rementsova N. A. Internationalization of educational services: trends and strategies *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravleniye. Pravo»* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Economy. Control. Right”], 2020, no. 4, pp. 47–58. (In Russian).
9. Ryazancev S. V., Rostovskaya T. K., Ryazancev N. S. Japanese model of attracting foreign youth to the system of higher education *Obrazovaniye i nauka* [Education and Science], 2020, no. 9, pp. 148–173. (In Russian).
10. Shipilova M. A. Migration reforms of Abe's cabinets: minor additions or a structural element of Abenomics? *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese studies], 2020, no. 3, pp. 44–64. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 12.08.2021; одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 26.11.2021.

The article was submitted 12.08.2021; approved after reviewing 23.11.2021; accepted for publication 26.11.2021.

Информация об авторе

Ю. А. Ламашева – канд. полит. наук, старший преподаватель Высшей школы международных исследований и дипломатии, Тихоокеанский государственный университет.

Information about the author

Yu. A. Lamasheva – Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Higher School of International Research and Diplomacy, The Pacific National University.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: НОВЫЕ СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья

УДК 339.9(470:510)

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-39-52

Дальневосточные ресурсные проекты в условиях модернизации механизмов российско-китайского сотрудничества: новые оценки

Наталя Евгеньевна Антонова¹, Наталя Валентиновна Ломакина²

^{1,2} Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

¹antonova@ecrin.ru

²lomakina@ecrin.ru

Аннотация. Исследованы отдельные элементы модернизации ключевых механизмов российско-китайского инвестиционного сотрудничества в 2014–2020 гг. в контексте перспектив развития ресурсных отраслей Дальневосточного федерального округа (минерально-сырьевого и лесного комплексов). Выявлены приоритеты и направления двустороннего сотрудничества в инвестиционной сфере, обусловленные институциональными изменениями. Показан структурный дрейф инвестиционных интересов в отраслевом и пространственном разрезе, определяемый совершенствованием механизмов российско-китайского сотрудничества. Исследованы характеристики двустороннего инвестиционного сотрудничества в ресурсном секторе Дальневосточного федерального округа в условиях сочетания одновременно реализуемых моделей его стимулирования на государственном (новая модель развития Дальнего Востока) и межгосударственном (активизация российско-китайских экономических отношений) уровнях. Выявлены различные тенденции формирования отраслевой структуры инвестиционных интересов российско-китайского сотрудничества для национального (Российская Федерация) и регионального (Дальневосточный федеральный округ) уровней. Показано преобладание приоритетов реализации ресурсно-транзитного сценария для развития Востока России, в том числе через модернизацию российско-китайского сотрудничества.

Ключевые слова: ресурсный сектор, российско-китайские экономические взаимодействия, институты сотрудничества, инвестиционные проекты, пространственно-отраслевые приоритеты, инвестиционные интересы, Дальневосточный федеральный округ.

Для цитирования: Антонова Н. Е., Ломакина Н. В. Дальневосточные ресурсные проекты в условиях модернизации механизмов российско-китайского сотрудничества: новые оценки // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 39–52. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-39-52>

The Far Eastern resource projects in the context of modernization of the mechanisms of the Russian-Chinese cooperation: new assessments

Natal'ya E. Antonova¹, Natal'ya V. Lomakina²

^{1,2}The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

¹antonova@ecrin.ru

²lomakina@ecrin.ru

Abstract. *Some elements of modernization of the key mechanisms of the Russian-Chinese investment cooperation in 2014–2020 are investigated in the context of the prospects for the development of resource industries in the Far Eastern federal district (mineral and forest complexes). The priorities and directions of bilateral cooperation in the investment sphere, due to the institutional changes, have been identified. The structural drift of investment interests in the sectoral and spatial aspects, determined by the improvement of the mechanisms of the Russian-Chinese cooperation, is shown. The article examines the characteristics of bilateral investment cooperation in the resource sector of the Far-Eastern federal district in the context of combination of simultaneously implemented models of its stimulation at the state (new model of development of the Far East) and interstate (activation of the Russian-Chinese economic relations) levels. Different trends in the formation of sector structure of investment interests of the Russian-Chinese cooperation for the national (RF) and regional (the Far-Eastern federal district) levels are revealed. The predominance of priorities for implementation of the resource-transit scenario for the development of the East of Russia, including through the modernization of the Russian-Chinese cooperation, is shown.*

Keywords: *resource sector, Russian-Chinese economic interactions, institutions of cooperation, investment projects, spatial and sectoral priorities, investment interests, the Far-Eastern federal district*

For citation: Antonova N. E., Lomakina N. V. The Far Eastern resource projects in the context of modernization of the mechanisms of the Russian-Chinese cooperation: new assessments // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 39–52. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-39-52>

Введение. Природные ресурсы были и остаются материальной основой развития экономики Дальнего Востока. На протяжении последних 20 лет инвестиционные проекты в ресурсных отраслях (прежде всего в минерально-сырьевом и лесном комплексах) являлись наиболее привлекательными как для российского, так и для иностранного бизнеса. Реализуемая государством с 2014 г. новая модель развития региональной экономики на Дальнем Востоке не только не изменила этой тенденции, но и усилила её.

Китай выступает ключевым партнёром для Дальнего Востока как в торговом, так и в инвестиционном сотрудничестве. Динамично реализуются эти интересы и в ресурсной сфере. Так, доля продукции ресурсных отраслей в дальневосточном экспорте в КНР составляет в последние годы почти 80%. Китайские инвесторы

активны и в рамках реализации новых форм инвестиционного развития Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО).

Период реализации на Дальнем Востоке «новой модели» государственного стимулирования инвестиционной активности (с 2014 г.) характерен также поиском новых механизмов и эффективных инструментов российско-китайского инвестиционного сотрудничества на фоне усиления межгосударственных взаимодействий между Россией и Китаем. Результатами совершенствования этих процессов стали не только активизация инвестиционной деятельности, но и, на наш взгляд, намечившиеся изменения в формировании приоритетов и новых направлений сотрудничества в инвестиционной сфере.

Каковы сегодня характеристики российско-китайского инвестиционного

сотрудничества в сфере ресурсных проектов на Дальнем Востоке? Каков может быть «структурный дрейф» инвестиционных интересов, определяемый совершенствованием «институционального поля» такого сотрудничества? Целью статьи является поиск ответов на эти вопросы, определяющие возможные перспективы российско-китайских взаимодействий в таких важных для экономики ДФО комплексах, как минерально-сырьевой (далее – МСК) и лесной (далее – ЛК).

Институциональные инструменты российско-китайского сотрудничества: национальные подходы. Важной научно-практической проблематикой в последние годы становится исследование современных институциональных инструментов российско-китайского сотрудничества, в том числе в ресурсных отраслях. Актуальность этих исследований обусловлена новыми институциональными тенденциями, разработкой программ современного развития национальных экономик Китая и России, оказывающих непосредственное влияние на изменение формата межстранового сотрудничества [Рензин, Суслов, 2021].

В настоящее время в КНР на государственном уровне реализуется новая модель экономического развития страны, называемая стратегией «двойной циркуляции», которая фокусируется на увеличении внутреннего спроса при одновременной ориентации на привлечение зарубежных инвестиций и стабилизацию международной торговли [Кулинцев, 2021]. Основными целями данной стратегии являются стимулирование покупательной активности среднего класса страны и внедрение в экономику новых технологических решений. Модель «двойной циркуляции» нацелена на устранение в долгосрочной перспективе зависимости ключевых сфер китайской экономики (энергетический, технологический и продовольственный секторы) от зарубежных рынков и технологий.

Выстраиванию экономики «двойной циркуляции» и формированию сильного

внутреннего рынка в КНР посвящен специальный раздел в принятом в 2021 г. 14-ом пятилетнем Плане национального экономического и социального развития и долгосрочного видения до 2035 года. В аналитической записке Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ [Кашин и др., 2021] приведены оценки китайских экспертов о возможности реализации данной стратегии и необходимых для этого институциональных инструментах. В частности, высказывается мнение, что превращение Китая в страну-потребителя приведет к изменению структуры торгового баланса КНР, резко повысит значимость импорта, следовательно, страна в обозримой перспективе превратится в крупнейшего импортера в мире.

В этом плане для России важным становится вопрос: что она может предложить Китаю? Пока в КНР поставляется в основном российское сырье: в 2019 г. в структуре российского экспорта 69,8% составляло минеральное топливо, нефть, нефтепродукты, 7% древесины, изделия из нее, 3,6% руды, шлаки, зола [Российско-китайский диалог., 2020].

Проблемы ухода от преимущественно сырьевого экспорта, безусловно, не только осознаны в управленческом поле РФ, но и сформированы в виде стратегических целевых задач развития страны. Так, в 2018 г. на федеральном уровне был разработан ряд национальных проектов как инструментов реализации национальных целей, утвержденных Президентом РФ¹. Одним из них является национальный проект «Международная кооперация и экспорт», к ключевым целям которого относятся: увеличение экспорта несырьевых неэнергетических товаров, увеличение доли экспорта продукции обрабатывающей промышленности, сельскохозяйственной продукции и услуг в валовом внутреннем продукте страны, формирование эффективной системы разделения труда и производственной кооперации между государствами – членами ЕАЭС².

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

² Опубликован паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт» <http://government.ru/info/35564/> (дата обращения: 03.11.2021)

По сути, национальный проект является попыткой переломить сырьевую тенденцию в российском экспорте. Увеличение объемов несырьевого неэнергетического экспорта отмечалось в 2019 г. в отраслях химической промышленности, металлургии, фармацевтической и косметической, легкой промышленности, в агропромышленном комплексе (далее – АПК). Тем не менее, экспорт продукции топливно-энергетического комплекса остается доминирующим: его доля в российском экспорте в 2020 г. составила 51,8%, хотя она сократилась по сравнению с 2019 г. (63,5%). Нужно принимать во внимание, что «пандемийный» 2020 г. не является репрезентативным с точки зрения долгосрочных тенденций в торговом российско-китайском обороте, когда из-за спада экономической активности и «санитарного» закрытия границ произошел обвал показателей.

Преимущественно сырьевая направленность российского экспорта, как уже отмечалось, по-прежнему характерна для сотрудничества с КНР. Однако некоторые подвижки в его структуре появляются на фоне формирования новых подходов в двустороннем российско-китайском торговом и инвестиционном сотрудничестве.

Одним из драйверов сотрудничества между Россией и КНР, способствовавших интенсификации партнерских отношений в различных формах, можно назвать стратегическую инициативу Китая «Один пояс, один путь». Подтверждением этому является подписание в 2015 г. на 20-й регулярной встрече глав правительств России и КНР тридцати пяти совместных документов, создающих институциональные рамки двустороннего сотрудничества в различных сферах.

Одной из организационных форм нового этапа расширения партнерства и сотрудничества между Россией и КНР явилось создание Межправительственной Российско-Китайской комиссии по

инвестиционному сотрудничеству (далее – МПК).³ Цель создания комиссии – координация деятельности органов государственной власти двух стран в сфере содействия привлечению прямых иностранных инвестиций, реализации инвестиционных проектов, обеспечение условий деятельности инвесторов.

На протяжении семи лет (с 2014 по 2020 гг.) формировались принципы, условия и инструменты инвестиционного сотрудничества. В качестве ключевых мер, направленных на улучшение инвестиционного климата двух стран и укрепление инвестиционного взаимодействия, МПК предусматривает:

усиление строительства инфраструктуры пограничных переходов;

упрощение процедур таможенного администрирования;

сопровождение крупных инвестиционных проектов, оперативное реагирование на возникающие проблемы у инвесторов;

создание благоприятных условий для привлечения рабочей силы и оказания визовой поддержки в интересах реализации двусторонних инвестиционных проектов сотрудничества.

Важным направлением совершенствования механизмов российско-китайского инвестиционного сотрудничества в 2014–2020 гг. стала отработка критериев мониторинга и ранжирования инвестпроектов для их включения (либо исключения) в Перечни проектов, ежегодно пересматриваемые в рамках протоколов МПК (далее – Перечень проектов МПК). К 2020 г. был сформирован регламент, в соответствии с которым все инвестиционные проекты, претендующие на включение в перечень, делятся на две категории: первая – значимые проекты, утверждаемые сопредседателями МПК, и вторая – перспективные проекты, утверждаемые секретариатом МПК. К первой категории относятся уже реализуемые проекты, критерии для их включения в перечень значимых проработаны достаточно детально⁴. Основные

³ Межправительственная Российско-Китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству https://www.economy.gov.ru/material/departments/d16/mezhpravitelstvennaya_rossiysko_kitayskaya_komissiya_po_investicionnomu_sotrudnichestvu/ (дата обращения: 03.11.2021)

⁴ Регламент отбора и мониторинга реализации инвестиционных проектов. Протокол 6го заседания Межправительственной Российско-Китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству https://www.economy.gov.ru/material/file/a855852f6a4315f94e3747a574b5f96d/Protokol_6-go.pdf (дата обращения: 03.11.2021)

критерии включения инвестиционного проекта в перечень значимых следующие:

общая сумма инвестиций должна быть не менее 15 млн долларов США (за исключением наиболее важных проектов для двустороннего сотрудничества);

есть предварительное технико-экономическое обоснование или техническая документация, необходимая для начала его реализации;

соответствует законодательству двух стран;

оказывает положительное влияние на социально-экономическое и отраслевое развитие двух стран;

содействует решению существующих экономических, социальных и экологических проблем;

соответствует требованиям охраны окружающей среды.

За реализацией значимых инвестиционных проектов ведется мониторинг с целью выявления и устранения барьеров при их реализации. Для понимания ситуации с реализацией проекта определяются его следующие статусы: сдан в эксплуатацию, в стадии реализации, ведутся переговоры, ведется поиск партнера, проект заморожен.

Ко второй категории (перспективные проекты) относятся проекты, которые находятся на ранней стадии реализации и имеют потенциал для развития российско-китайского инвестиционного сотрудничества. Для включения инвестпроектов в категорию «перспективных» требования не такие жесткие – объем инвестиций не определен и не требуется разработанного технико-экономического обоснования. Начиная с 2020 г. в Перечень проектов МПК включаются только значимые проекты.

Структурные характеристики российско-китайского инвестиционного сотрудничества: формирование новых трендов. Как уже указывалось, перечни проектов МПК представлены в ежегодных протоколах комиссии. Определенный исследовательский интерес представляет анализ структурных изменений (отраслевых и пространственных) этих перечней в 2014–2020 гг.

Что касается «отраслевого разреза» поставленной задачи, то основные на-

правления реализации Перечня проектов МПК – это добыча и переработка полезных ископаемых, создание объектов инфраструктуры, автомобильная промышленность, материалы нового поколения, химическая промышленность, лесная промышленность, сельское хозяйство. Вся совокупность проектов, рассмотренных в рамках деятельности МПК в 2014–2020 гг., агрегирована нами в группы в зависимости от отраслевой направленности: ресурсные проекты (в их состав вошли проекты, заявленные в минерально-сырьевом и лесном комплексах); проекты в агропромышленном комплексе; инфраструктурные проекты (в эту же группу были включены проекты в торговле и логистике, количество которых незначительное); проекты в обрабатывающей промышленности; инновационные проекты (включая создание совместных фондов) (табл. 1).

Следует отметить, что в анализируемом периоде в абсолютном выражении возросло как общее количество «патронированных» проектов (от 32 в 2014 г. до 70 в 2017–2020 гг.), так и «наполнение» отдельных отраслевых групп. Исследование относительных характеристик разных групп проектов в их общей структуре в динамике использовано нами лишь как косвенная оценка смещения инвестиционных интересов в рассматриваемом поле российско-китайского сотрудничества.

Рассмотрение «отраслевого разреза» всей группы проектов в динамике показывает определенные изменения её структуры. Так, в 2014 г. безусловными лидерами инвестиционных интересов были ресурсные проекты. Это лидерство обеспечивалось преимущественно минерально-сырьевыми проектами, которые выступали основными «привлекательными точками» для китайских инвестиций. За исследуемый период лидирующие позиции ресурсных проектов (до 40% в 2014 г.) сменились вполне равнозначным положением с такими сферами как инфраструктура и обрабатывающая промышленность (по 25–27% для каждой из сфер к 2020 г.).

В рассматриваемом периоде произошел рост количества инфраструктурных проектов (с 6 до 17) и проектов в обрабатывающей промышленности (с 8 до 19

Таблица 1

**Отраслевая структура проектов российско-китайского сотрудничества,
включенных в Перечень проектов МПК в 2014–2020 гг.,
% от общего количества**

Год	Ресурс- ные про- екты, всего	В том числе		АПК	Инфра- структу- ра, тор- говля	Обрабаты- вающая промыш- ленность	Иннова- ционные проекты	Всего проектов
		МСК	ЛК					
2014	40,7	31,3	9,4	9,4	18,8	25,0	6,3	100,0
2015	37,9	31,0	6,9	10,3	19,0	29,3	3,4	100,0
2016	34,8	24,2	10,6	7,6	24,2	28,8	4,5	100,0
2017	31,0	22,5	8,5	8,5	28,2	28,2	4,2	100,0
2018	27,1	15,7	11,4	8,6	27,1	31,4	5,7	100,0
2019	30,0	17,1	12,9	8,6	27,1	27,1	7,1	100,0
2020	25,7	15,7	10,0	12,9	24,3	27,1	10,0	100,0

Источник: рассчитано авторами на основе протоколов МПК https://www.economy.gov.ru/material/departments/d16/mezhpravitelstvennaya_rossiysko_kitayskaya_komissiya_po_investicionnomu_sotrudnichestvu/ (дата обращения: 03.11.2021)

единиц), которые стали более привлекательными для китайских инвесторов. В результате доля инфраструктурных проектов в отраслевой структуре выросла в 1,3 раза. Стабильно высокую долю сохраняют инвестпроекты в обрабатывающей промышленности, где производится продукция с высокой добавленной стоимостью. В 1,4 раза выросла доля сельскохозяйственных проектов, в 1,6 раза – доля инновационных проектов, особенно существенным этот рост был в 2020 г. за счет создания совместных фондов (венчурного, научно-технического инновационного и фонда регионального сотрудничества).

Можно сделать вывод, что в исследуемом периоде отраслевой состав Перечня проектов МПК проходил свою отладку, исходя из оценки возможностей их реализации. Влияние на смену отраслевых интересов китайских партнеров в пользу отраслей с более высокой добавленной стоимостью могла оказать, на наш взгляд, новая установка руководства КНР на модернизацию производственных цепочек, в том числе за счет международного сотрудничества [Кашин и др., 2021].

Исходя из территориальной «точки интереса» данной статьи, которой явля-

ется ДФО, нами была проанализирована также пространственная структура проектов российско-китайского сотрудничества в рамках МПК. Как показал анализ, за 2014–2020 гг. произошло заметное сокращение доли проектов, реализуемых на территории ДФО, в их общем количестве – с 40,6 до 32,9%. При абсолютном росте количества проектов за период в целом «скорость» этого роста была различна в территориальном разрезе. Так, если количество инвестпроектов на Дальнем Востоке выросло в 2014–2020 гг. в 1,7 раза (с 13 до 23 единиц), то этот же показатель для «недальневосточных» районов составил 2,5 раза (с 19 до 47 проектов). То есть можно сделать вывод, что происходит перемещение инвестиционной активности китайского бизнеса в западные районы России, где локализуется основной потребительский спрос на производимые продукты и услуги растущего количества проектов в обрабатывающей промышленности и инфраструктурной сфере.

Если рассмотреть ещё одну характеристику – отраслевую структуру Перечня проектов МПК, реализуемых на территории ДФО (табл. 2), то в первую очередь обращает на себя внимание высокая доля

Таблица 2

**Отраслевая структура реализуемых в ДФО инвестиционных проектов,
включенных в Перечень проектов МПК, 2014–2020 гг.,
% от общего количества**

Год	Ресурсные проекты	В том числе		АПК	Инфраструктурные	Обрабатывающая промышленность	Всего проектов, реализуемых в ДФО
		МСК	ЛК				
2014	69,2	61,5	7,7	7,7	15,4	7,7	100
2015	66,6	58,3	8,3	8,3	20,8	4,2	100
2016	58,3	45,8	12,5	16,7	20,8	4,2	100
2017	46,4	35,7	10,7	17,9	25,0	10,7	100
2018	44,0	28,0	16,0	16,0	28,0	12,0	100
2019	47,8	30,4	17,4	17,4	21,7	13,0	100
2020	39,1	26,1	13,0	26,1	21,7	13,0	100

Источник: рассчитано авторами на основе протоколов МПК https://www.economy.gov.ru/material/departments/d16/mezhpravitelstvennaya_rossiysko_kitayskaya_komissiya_po_investicionnomu_sotrudnichestvu/ (дата обращения: 03.11.2021)

ресурсных проектов. Она хоть и снизилась в 1,8 раза за исследуемый период, но, в отличие от рассмотренного выше российского тренда, остается доминирующей (около 40%).

Относительно равнозначный интерес (отражаемый долей проектов в их общем количестве) для российско-китайского сотрудничества в рамках МПК на территории ДФО к 2020 году демонстрируют проекты в МСК и АПК (по 26,1% соответственно).

Существенно возросшие интересы инвестирования в проекты АПК (рост количества проектов с 1 в 2014 г. до 6 в 2020 г.) обусловлены, возможно, и реализацией политики стимулирования китайских инвестиций за рубежом в производство экологически чистых продуктов, поскольку это согласуется с текущими государственными задачами по обеспечению стабильности рынка продовольствия. Долгосрочная стратегия КНР по формированию широкой прослойки населения с высокими среднедушевыми доходами, усилению фундаментальной роли потребления, про-

движение потребления высококачественных и экологически безопасных товаров и услуг также предполагает повышение значимости импорта продовольствия [Кашин и др., 2021].

Это совпадет с интересами России на Дальнем Востоке. «В будущем неизбежно и желательно расширение экспорта в Китай российских природоёмких и экологических товаров и услуг – в частности, продукции сельского хозяйства, лесной, рыбной промышленности, услуг дата-центров и экотуризма. Важно, чтобы реализация этих взаимовыгодных возможностей происходила с соблюдением всех экологических требований, и нередко для этого требуется совместная работа ответственных ведомств двух стран. Это особенно актуально в вопросах контроля экспорта леса, в области организации туристических потоков, в сфере сертификации сельскохозяйственной, лесной и рыбной продукции и т. д.»⁵

В АПК включен также проект по созданию аквакультуры, появившийся в Перечне проектов МПК с 2017 г.

⁵ *Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях «зеленой» трансформации мировой экономики и политики: доклад по итогам серии ситуационных анализов. НИУ ВШЭ. М.: Международные отношения, 2021. С.73 <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/461122764.pdf> (дата обращения: 05.11.2021)*

Что касается проектов в минерально-сырьевом комплексе, то в период формирования и совершенствования механизмов отбора, мониторинга, координации и сопровождения инвестпроектов (2014–2021 гг.) порядка 12–15 из всего круга потенциальных проектов на разных этапах были включены в Перечни проектов МПК. Направления реализации этих проектов предполагались как в традиционных сферах (добыча ресурсов), так и в инновационных (например, создание совместного предприятия по производству редкоземельных металлов). К 2021 г. в результате усовершенствования механизмов взаимодействия, уточнения критериев отбора (как для включения инвестпроектов, так и для исключения), более тщательного ежегодного мониторинга в Перечне проектов МПК остался устойчивый набор из шести инвестпроектов.

Наибольший интерес возможного совместного освоения минеральных ресурсов демонстрируется для проектов в Забайкальском крае (4 из 6), среди которых – как проекты с реальным участием китайских инвесторов (Березовское железорудное, Быстринское и Ключевское золоторудные месторождения), так и потенциально возможные (Удоканское месторождение меди). Также скорее потенциальным можно считать проект совместного освоения Таёжного железорудного месторождения в Республике Саха (Якутия).

Включен в Перечень проектов возможного российско-китайского сотрудничества в рамках механизмов МПК и крупный, флагманский проект освоения минеральных ресурсов на Дальнем Востоке – Баимское медно-порфировое месторождение в Чукотском автономном округе. Общие инвестиции в освоение Баимского месторождения оцениваются в 8 млрд долл., из которых 35 млрд рублей вложила казахстанская компания KAZ Minerals⁶, оператор проекта. Значительные затраты в недостаточно экономически освоенном регионе требуются

на инфраструктурное обеспечение проекта прежде всего транспортное и энергетическое. В рамках реализации государственной политики стимулирования инвестиционной активности в ДФО проект освоения Баимского месторождения включен в 2019 г. в резиденты территории опережающего развития (ТОР) «Чукотка» для его финансовой и институциональной поддержки.

Реализация столь сложного и крупного (и в технологическом, и в инфраструктурном, и в финансовом аспектах) инвестиционного проекта как Баимский может стать экспериментальной площадкой для отработки новых форм двустороннего сотрудничества, в т. ч. и российско-китайского. Так, в рамках реализации инфраструктурных задач Баимского проекта складывается опыт «несырьевого» участия в сырьевом проекте. Так, китайская верфь Wison (Nantong) Heavy Industry Co Ltd выиграла конкурс АО «Атомэнергомаш» на строительство двух корпусов плавучих энергоблоков для Баимского ГОКа. Она предложила выполнить все необходимые работы за 225,8 млн долл., что на 30,5% меньше начальной цены контракта. Первый корпус китайская компания должна поставить к октябрю 2023 г., второй – к февралю 2024 г. Водоизмещение каждого корпуса составит 19,1 тыс. тонн. После прибытия в Россию на них будут установлены реакторы и турбины, эту работу выполнит Балтийский завод. В январе 2027 г. обе плавучих электростанции начнут поставлять энергию на Баимский ГОК⁷.

Инвестпроекты другой ресурсной отрасли – лесного комплекса – сформировались в Перечне проектов МПК также через ряд итераций с включением и изъятием по результатам мониторинга возможностей их реализации. В итоге доля ЛК увеличивалась в отдельные годы в 2,3 раза от начального уровня, сравнявшись с долей АПК, но к 2020 г. снизилась до 13% от общего количества проектов.

⁶ Общие инвестиции в Баимку составляют \$8 млрд. 29.09.2021. Бизнес-газета «Недра-ДВ». <https://biznes-gazeta.ru/> (дата обращения: 29.09.2021).

⁷ Корпуса энергоблоков для Баимки построят на китайской верфи. 14.09.2021. Бизнес-газета «Недра-ДВ». <https://biznes-gazeta.ru/>. (дата обращения: 10.11.2021)

В настоящее время в Перечне проектов МПК фигурируют три «лесных» инвестпроекта, два из которых расположены в Хабаровском крае: строительство целлюлозно-бумажного комбината (далее – ЦБК) и создание Дальневосточного центра глубокой переработки древесины. Последний проект реализуется с 2012 г. компанией RFP Group и включает создание заводов по производству лущеного шпона, пиломатериалов и пеллет. Его включение в Перечень проектов МПК обусловлено участием в финансировании Российско-китайского инвестиционного фонда (создан Российским фондом прямых инвестиций и China Investment Corporation) путем его вхождения в акционерный капитал RFP Group.

Проект по строительству целлюлозно-бумажного комбината в Хабаровском крае является актуальным для Дальнего Востока, он может стать решением проблем утилизации низкотоварной древесины и древесных отходов. Однако проект требует крупных инвестиций (1,5 млрд долл.), и даже при существующих дальневосточных преференциях для инвесторов срок окупаемости остается немалым. Даже крупные инвесторы не уверены в конкурентоспособности проекта без участия государства в подготовке лесосырьевой базы и создании дорожной инфраструктуры⁸. Не смотря на то, что проект активно поддерживается органами власти на федеральном уровне, из-за сложности привлечения заинтересованных инвесторов, в том числе китайских, ситуация с инвестированием ЦБК остается нерешенной. Поэтому проект по созданию ЦБК, хотя и включен в Перечень проектов МПК, но есть большие сомнения, что он будет осуществлен.

Что касается новых оценок относительно других отраслевых групп в структуре инвестпроектов, реализуемых на территории ДФО в рамках МПК, то доля группы

инфраструктурных проектов немногим превышают 20% в их общем количестве. Проекты в обрабатывающей промышленности пока в складывающейся структуре не преобладают (13%).

Российско-китайское инвестиционное сотрудничество в ресурсной сфере в ДФО: институты и результаты. Как указывалось выше, ресурсные отрасли ДФО ориентированы на экспорт своей продукции, но в разной степени. В 2016 г. основными статьями экспорта в КНР являлись минеральное сырье (32,8% от всего объема дальневосточного экспорта), рыба и морепродукты (26,1%), древесина и изделия из нее (19,2%) [Антонова, Ломакина, 2018]. В 2019 г. товароборот Дальнего Востока с Китаем составил 10,5 млрд долл., увеличившись по сравнению с рекордным 2018 г. на 6,9% [Российско-китайский диалог..., 2020].

На долю Китая в 2019 г. приходилось 80% от общего объема иностранных инвестиций на Дальнем Востоке. В 2021 г. на территориях опережающего развития (ТОР) и свободного порта Владивосток (СПВ) реализуется 59 китайских проектов с общим объемом инвестиций 2,4 млрд долл. или 73% от общего объема иностранных вложений в проекты, реализуемые в ДФО.⁹

Исследованию вопросов «китайского присутствия» в ресурсном секторе Дальнего Востока, взаимовлиянию экономик в этой сфере уделяется много внимания в публикациях. Проводились сравнительные исследования систем природопользования на Дальнем Востоке и в странах Северо-Восточной Азии в динамике трансформации природно-ресурсного потенциала [Природопользование, 2005; Бакланов, Каракин, Шейнгауз, 2005]; различных аспектов возможного взаимовлияния приграничных экономических систем России и Китая [Природный капитал, 2014]; функционирования отдельных

⁸ Михаил Шамолин о необходимости господдержки ЦБП <https://gipp.ru/news/poligrafija-rynok-bumagi/mikhail-shamolin-o-neobkhodimosti-gospodderzhki-tsbp/> (дата обращения: 16.11.2021)

⁹ Год новых задач. Китай реализует в ДФО 59 проектов. Российская газета 11.02.2021 <https://rg.ru/2021/02/11/chislo-proektov-na-dalнем-vostoke-s-uchastiem-kitaia-vyroslo-do-59.html> (дата обращения: 01.11.2021)

сегментов ресурсного сектора под влиянием внешнего спроса [Антонова, Ломакина, 2018].

Отдельное внимание было уделено развитию инструментов межрегионального экономического взаимодействия между Россией и Китаем на Дальнем Востоке [Рензин, 2019], даны оценки роли региональных взаимосвязей в реализации российско-китайских проектов [Чжан Мэй, 2019].

Одним из инструментов межстрановой региональной кооперации, в том числе в сфере использования природных ресурсов, явилась межправительственная Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009–2018 гг.)¹⁰. Этот документ, как считалось, должен был качественно изменить характер и динамику российско-китайского регионального сотрудничества.

Однако результаты программы оказались на невысоком уровне. Часть проектов не была реализована вообще, причиной чего явилась непроработанность предложенных региональными властями проектов с точки зрения поставленных целей и задач программы. По оценкам экспертов, программа с самого начала не была комплексной стратегией, в соответствии с которой две страны координировали бы развитие сопредельных регионов, а распадалась на отдельные проекты («бизнес-концепты»), не связанные между собой¹¹.

Оценивая программу, исследователи отмечали, что совместные проекты на территории России как и Китая связаны преимущественно с развитием транспортной инфраструктуры, и большинство их направлено на организацию вывоза российского сырья в КНР.

Причем по представленным проектам

на российской стороне отсутствовали самые общие показатели (объем инвестиций, инвесторы, количественные показатели выпускаемой продукции), то есть это был список «намерений». Кроме того, программа не содержала механизмов ее реализации. Это привело к появлению в программе большого количества нежизнеспособных проектов.

В 2018 г. была принята новая Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 годы¹².

Новая программа — это не продолжение программы 2009–2018 гг. В отличие от предыдущей новая Программа сконцентрирована только на Дальневосточном федеральном округе, инвестпроекты из Северо-Восточного Китая не рассматриваются.

При оценке взаимодействия в части реализации инвестиционных проектов российские эксперты видят существенный барьер в низком уровне осведомленности китайских инвесторов о ведении бизнеса в различных регионах России, местном административном регулировании и возможных выгодах от реализации совместных инициатив [Российско-китайский диалог..., 2021].

Поэтому в новой программе особое место отводится характеристике специальной государственной политики России, направленной на повышение доходности и снижение рисков реализации проектов иностранных инвесторов, и подробному описанию ее механизмов, включая территории опережающего социально-экономического развития, свободный порт Владивосток, предоставление грантов инвесторам на развитие инфраструктуры, реализации иных мер на основе

¹⁰ Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.). http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm (дата обращения: 01.11.2021)

¹¹ Зуенко И. Почему Россия и Китай провалили программу приграничного сотрудничества <https://carnegie.ru/commentary/77081> (дата обращения: 02.11.2021)

¹² Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018–2024 годы <https://minvr.gov.ru/upload/iblock/369/programma-itogovuyu-variant.doc> (дата обращения: 02.11.2021)

лучших мировых практик поддержки иностранных инвесторов.

Например, в программе есть пункт (3.5), который содержит информацию о том, что если для реализации проекта инвестора из КНР в одной из ТОР потребуется создание специальной инфраструктуры, то российская сторона определит возможности строительства соответствующих объектов инфраструктуры за счет государственных средств, если их объем не превышает 10% от стоимости основного инвестиционного проекта. Более того, государственные ресурсы могут быть предоставлены на безвозмездной и безвозвратной основе самому инвестору в целях создания необходимой для его проекта инфраструктуры. А если китайский инвестор планирует реализацию нового инвестиционного проекта в месте, где пока не создана ТОР, то возможно распространение ее режима путем расширения границ одной из действующих ТОР или даже создания новой ТОР на указанном месте.

В программе в качестве недостатка, присущего современному уровню российско-китайского взаимодействия, отмечается, что в структуре товарооборота между регионами Дальнего Востока России и КНР преобладают сырьевые товары с низкой степенью переработки. Однако отраслевые приоритеты возможного перспективного сотрудничества по-прежнему обозначены преимущественно в ресурсной сфере: энергетика, освоение месторождений твердых полезных ископаемых, лесная промышленность, аквакультура, сельское хозяйство. Также значимое место занимают инфраструктурные проекты, направленные на вывоз продукции на внешние рынки (развитие международных транспортных коридоров, строительство трансграничных мостовых переходов). То есть ресурсно-транзитная модель развития Дальнего Востока остается основополагающей и при «конструировании схемы» перспективного российско-китайского сотрудни-

чества на Дальнем Востоке.

В качестве иллюстрации такого подхода можно привести тезисы Программы, в которых указано, что «российская сторона намерена диверсифицировать экономику Дальнего Востока России, поэтапно увеличивая в её структуре долю несырьевых отраслей, вместе с тем продолжит сопровождение и поддержку инвестиционных проектов в области освоения месторождений твердых полезных ископаемых»¹³. Реализация инвестиционных проектов в минерально-сырьевом комплексе продолжает оставаться одним из ключевых отраслевых приоритетов программы российско-китайского сотрудничества на Дальнем Востоке (раздел 5.2). Инвестиционный пакет в горнодобывающей сфере включает более десятка месторождений полезных ископаемых, предлагаемых к совместному освоению в ДФО.

Следует отметить, что все эти проекты известны и традиционно предлагаются к сотрудничеству (не только российско-китайскому) в инвестиционном поле макрорегиона. Многие из этих проектов уже реализуются или предложены к реализации в рамках действующих преференциальных режимов «новой» модели развития Дальнего Востока. Их включение в новую программу регионального сотрудничества вполне отражает её направленность и целевые задачи – квалифицированное информирование китайских инвесторов о максимально привлекательных возможностях взаимодействий в инвестиционной сфере.

Лесная промышленность также включена в отраслевые приоритеты Программы. Поставлена задача наращивания экспорта лесной продукции из дальневосточных регионов в КНР и его диверсификации в сторону увеличения поставок продукции глубокой переработки. С учетом грядущего с 2022 г. полного запрета экспорта необработанной древесины из России¹⁴ для экспортоориентированного лесного комплекса ДФО скорейшее раз-

¹³ Программа развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018-2024 годы. С. 10. <https://minvr.gov.ru/upload/iblock/369/programma-itogovyy-variant.doc>. (дата обращения: 20.11.2021)

¹⁴ Советание о развитии и декриминализации лесного комплекса <http://kremlin.ru/events/president/news/64116> (дата обращения: 02.11.2021)

витие полной переработки древесины является основой выживания. Поэтому привлечение китайских партнеров в качестве инвесторов в рамках всех форм российско-китайского сотрудничества является в настоящее время актуальным направлением как для бизнеса, так и для органов государственной власти.

По мнению экспертов, новая программа выглядит как очередной «меморандум о намерениях сторон» или «навигатор для китайских инвесторов». В новом документе российская сторона лишь «предлагает рассмотреть возможность инвестирования», конкретные китайские компании не называются, целевые показатели реализации проектов не устанавливаются¹⁵.

Оперативное взаимодействие по реализации Программы осуществляет с российской стороны Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики, с китайской стороны – Министерство коммерции КНР. Это можно расценивать как понижение статуса документа: предыдущую программу курировали ведомства более высокого ранга – Министерство экономического развития РФ и Госкомитет по развитию и реформе КНР.

Заключение. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество в ресурсной сфере на Дальнем Востоке традиционно складывается как в программной, так и во внепрограммной сферах. Ключевыми объектами приложения инвестиционных интересов являются, прежде всего, проекты в минерально-сырьевом, лесном, рыбопромышленном комплексах. В определенной мере к «ресурсным интересам» можно отнести и инвестиционное взаимодействие в сфере сельского хозяйства, имея в виду то, что главный операционный ресурс этой сферы – земля – относится к ключевым природным ресурсам.

В настоящей статье нами рассмотрены характеристики российско-китайских инвестиционных взаимодействий в ресурсном секторе на Дальнем Востоке не столько для получения отдельных их

количественных оценок, сколько с позиций выявления возможных элементов «структурного дрейфа» инвестиционных интересов в этой сфере в условиях модернизации институциональных механизмов этого сотрудничества в период 2014–2020 гг.

Анализ современного «институционального поля» российско-китайского инвестиционного сотрудничества, происходящих в нём изменений и появляющихся в связи с этим новых пространственно-отраслевых характеристик в «программной» части взаимодействий позволяет, на наш взгляд, выявить новые оценки и тренды.

Во-первых, мониторинг инвестпроектов сотрудничества на фоне совершенствования критериев и организационной схемы их включения в патронируемый Перечень проектов МПК выявил определенные структурные изменения. Так, при изменении Перечня в динамике снижается относительная доля ресурсных проектов в общей структуре. Это происходит за счёт включения всё большего числа успешно реализуемых проектов в несырьевой сфере, прежде всего в обрабатывающей промышленности. Кроме отраслевых структурных изменений уже достаточно чётко проявляются и определенные пространственные сдвиги инвестиционных интересов. Так, анализ динамики проектов показал, что преимущественное количество новых несырьевых проектов российско-китайского сотрудничества реализуется в западной части РФ.

Во-вторых, важной задачей являлась оценка изменений, происходящих (либо не происходящих) в аналогичном предметном поле, но уже в масштабах Дальневосточного федерального округа. Анализ показал, что кроме уже появившейся тенденции перемещения инвестиционной активности китайского бизнеса в западные районы России, отразившейся в снижении доли дальневосточных проектов в их общем количестве, отмечают и отраслевые «движения». В отличие

¹⁵ Зуенко И. Как Китай будет развивать Дальний Восток <https://carnegie.ru/commentary/77590> (дата обращения: 01.11.2021)

от складывающихся тенденций на национальном уровне для Дальнего Востока характерно сохранение инвестиционных интересов российско-китайского сотрудничества преимущественно в ресурсной сфере (порядка 40% в общем количестве инвестпроектов). За ней следует группа инфраструктурных проектов с их долей в общем количестве 21,7%. Для Востока России по-прежнему сохраняется ресурсно-транзитный сценарий развития региона, в т. ч. и через российско-китайское сотрудничество.

Выявленные изменения и новые оценки позволяют сформировать ориентиры возможных сценариев и направлений развития российско-китайского сотрудничества, в т. ч. и в такой важной сфере

экономики Дальнего Востока, как ресурсная. Веер этих сценариев может быть достаточно широк – от выжидательной позиции и ухода из совместных проектов до формирования и отладки иных (кроме инвестиционного) форм сотрудничества в ресурсных проектах – инновационно-технологического, инфраструктурного и т. д. Таким образом, обсуждая возможности и перспективы совместной реализации каждого отдельного ресурсного проекта на Дальнем Востоке, следует оценивать общие контуры нового «институционального поля» российско-китайского сотрудничества и происходящего в нём «структурного дрейфа» инвестиционных интересов и его пространственно-отраслевых особенностей.

Список источников:

1. Антонова Н. Е., Ломакина Н. В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т 11. № 1. С. 43–56.
2. Бакланов П. Я., Каракин В. П., Шейнгауз А. С. Природопользование Дальнего Востока России и сопредельных территорий // Пространственная экономика. 2005. №1. С. 3–10.
3. Кашин В. Б., Пятачкова А. С., Смирнова В. А., Литвинов А. А., Поташев Н. А. Китайские эксперты о новом пятилетнем плане КНР. Аналитическая записка К6/03/2021 ЦКЕМИ НИУ ВШЭ. 2021. 25 с. URL: www.cceis.hse.ru
4. Кулинцев Ю. В. Стратегия «двойной циркуляции» и ее влияние на российско-китайские отношения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26. № 26. С. 242–255.
5. Природный капитал региона и российско-китайские трансграничные отношения: перспективы и риски. Чита: ЗабГУ, 2014. 527 с.
6. Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития. Владивосток-Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 528 с.
7. Рензин О. М. Региональное сотрудничество в контексте нового этапа отношений России и Китая // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 8–13.
8. Рензин О. М., Суслов Д. В. Модернизация стратегии экономического роста в Китайской Народной Республике и перспективы активизации межгосударственного партнерства с Российской Федерацией // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 8–15.
9. Российско-китайский диалог: модель 2020: доклад № 58/2020. Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2020. 254 с. URL: russiancouncil.ru/report58
10. Российско-китайский диалог: модель 2021: доклад № 70/2021. Российский совет по международным делам. М.: НП РСМД, 2021. 201 с. URL: russiancouncil.ru/report70
11. Чжан Мэй. Состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества Северо-Восточных регионов Китая с Россией // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2019. № 4(89). С. 59–67.

References:

1. Antonova N. E., Lomakina N. V. Natural resource-based industries of the Far East: new drivers of development. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2018, vol. 11, no. 1, pp. 43–56. (In Russian).
2. Baklanov P. Ya., Karakin V. P., Sheingauz A. S. Nature Use of the Russian Far East and Adjacent Territories. *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], 2005, no. 1, pp. 27–45. (In Russian).
3. Kashin V. B., Pyatachkova A. S., Smirnova V. A., Litvinov A. A., Potashev N. A. Chinese experts on the new five-year plan of the PRC. Analytical note K6/03/2021. HSE Center for Integrated European and International Studies. 2021. 25 p. URL: www.cceis.hse.ru (In Russian).
4. Kulintsev Yu. V. “Dual circulation” strategy and its influence on Russian-Chinese relations. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in world and regional politics. History and modernity] 2021, vol. 26 no 26, pp. 242–255. (In Russian).
5. Natural capital of the region and Russian-Chinese cross-border relations: prospects and risks. Chita: ZabGU, 2014. 527 p. (In Russian).
6. Natural resources use of the Russian Far East and Northeast Asia: potential of integration and sustainable development. Vladivostok, Khabarovsk: FEB RAS, 2005, 528 p. (In Russian).
7. Renzin O. M. Regional cooperation in the context of the new stage of relations between Russia and China *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia] 2019, no. 1 (86). Pp. 8–13 (In Russian).
8. Renzin O. M., Suslov D. V. Economic growth strategies modernization in PRC and the Russian Federation and prospects forenhancing partnership between PRC and RF *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia] 2021, no 1 (94), pp. 8–15 (In Russian).
9. Russian-Chinese Dialogue: The 2020 Model: Report No. 58/2020. Russian International Affairs Council. Moscow, 2020, 254 p. URL: russiancouncil.ru/report58 (In Russian).
10. Russian-Chinese Dialogue: The 2021 Model: Report No. 70/2021. Russian International Affairs Council. Moscow, 2021, 201 p. URL: russiancouncil.ru/report70 (In Russian).
11. Zhang Mei. The performance and prospects of trade and economic cooperation between China's Northeastern Regions with Russia *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke* [Customs policy of Russia in the Far East], 2019, no 4(89), pp. 59–67. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 12.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 03.12.2021.

The article was submitted 12.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 03.12.2021.

Информация об авторах

Н. Е. Антонова – д-р экон. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела отраслевых систем, Институт экономических исследований ДВО РАН

Н. В. Ломакина д-р экон. наук, доцент, главный научный сотрудник отдела отраслевых систем, Институт экономических исследований ДВО РАН

Information about the authors

N. E. Antonova – Doctor of Economics, chief researcher, the sectoral systems chair, The Economic Research Institute of FEB RAS

N. V. Lomakina – Doctor of Economics, chief researcher, the sectoral systems chair, The Economic Research Institute of FEB RAS

Научная статья

УДК 338.22(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-53-64

Тенденции и проблемы социального развития в Дальневосточном федеральном округе: 2013–2020 гг.

Светлана Николаевна Найден¹, Мария Анатольевна Грицко²

^{1, 2}Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

¹naayden@ecrin.ru

²gritsko@ecrin.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сложившиеся тенденции социального развития в Дальневосточном федеральном округе в период активной государственной политики по опережающему развитию макрорегиона (2013–2020 гг.). На основе статистической информации анализируются параметры, отражающие демографическую динамику и благосостояние населения, в разрезе субъектов Дальневосточного федерального округа. Выявлено, что, несмотря на предпринимаемые меры по стабилизации численности населения и созданию комфортных условий для привлечения трудовых ресурсов в регион, продолжается нисходящий тренд естественного и миграционного движения населения. Показано, что сохранение повышенной рождаемости в национальных субъектах по сравнению со среднероссийскими показателями сопровождается снижением численности женщин репродуктивного возраста и падением темпов роста, в том числе под влиянием корректировки репродуктивных установок на фоне пандемии коронавирусной инфекции, что впоследствии чревато переходом в отрицательную результативность. Установлено, что в макрорегионе продолжает сохраняться высокая смертность, особенно среди лиц трудоспособного возраста, обусловленная, как низким уровнем жизни, так и слабым развитием инфраструктуры здравоохранения, ограничивающей своевременный доступ к медицинской помощи. Обосновано, что экономические условия в течение исследуемого периода не способствовали положительной динамике уровня благосостояния населения Дальнего Востока в первую очередь в силу отсутствия роста реальных денежных доходов. Сформулирован вывод о низкой вероятности достижения целевых социальных индикаторов, заявленных в официальных стратегических документах по развитию Дальнего Востока.

Ключевые слова: население, рождаемость, смертность, естественный прирост, миграция, продолжительность жизни, доходы населения, заработная плата, покупательная способность, бедность, Дальний Восток

Для цитирования: Найден С. Н., Грицко М. А. Тенденции и проблемы социального развития в Дальневосточном федеральном округе: 2013–2020 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 53–64. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-53-64>

Trends and problems of social development in the Far-Eastern federal district: 2013–2020

Svetlana N. Nayden¹, Maria A. Gritsko²

^{1,2} The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia

¹ nayden@ecrin.ru

² gritsko@ecrin.ru

Abstract. *The article examines prevailing tendencies of social development in the Far-Eastern federal district during the period of active state policy for the advanced development of macro-region (2013-2020). On the basis of statistical information, the parameters reflecting the demographic dynamics and well-being of the population are analyzed in the context of the subjects of the Far-Eastern federal district. It was revealed that, despite the measures taken to stabilize the population and create comfortable conditions for attracting labor resources to the region, the downward trend of natural and migration movement of the population continues. It is shown that the persistence of an increased birth rate in national entities compared to the national average is accompanied by a decrease in the number of women of reproductive age and a drop in rates, including under the influence of adjusting reproductive attitudes against the background of a coronavirus infection pandemic, which is subsequently fraught with a transition to negative performance. It has been established that high mortality rates continue to persist in the macro-region, especially among people of working age, due to both the low standard of living and the poor development of the health infrastructure, which limits timely access to medical care. It is substantiated that the economic conditions during the study period did not contribute to the positive dynamics of the level of well-being of the population of the Far East, primarily due to the lack of growth in real cash income. A conclusion is made about the low probability of achieving the target social indicators stated in the official strategic documents for the development of the Far East.*

Keywords: *population, fertility, mortality, natural growth, migration, life expectancy, population income, wages, purchasing power, poverty, the Far East*

For citation: Nayden S. N., Gritsko M. A. Trends and problems of social development in the Far-Eastern federal district: 2013–2020 // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 53–64. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-53-64>

Введение. Дальний Восток продолжает оставаться в зоне внимания государственной политики, присутствуя практически в каждом официальном документе, направленном на реализацию национальных приоритетов в экономике и социальной сфере регионов. Начиная с 2013 года, когда были пересмотрены основания государственной политики стимулирования развития восточных регионов и разведены два процесса, с одной стороны, по наращиванию масштабов внешнеэкономических взаимодействий со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и Северо-Восточной Азии, а с другой стороны, по переориентации потока государственных инвестиций с производственных и инфраструктурных проектов на институциональные новации, возникли вполне радужные ожидания, что это позволит сделать регион

процветающим и современным за счет улучшения человеческого капитала и привлечения дополнительного населения на Дальний Восток [Минакир, 2017]. За этим последовал поток принятия документов на федеральном и региональном уровнях, настойчиво призывающих к приоритизации социальных мер, уже действующих в стране, в сторону увеличения помощи, снижения нагрузки, перераспределения финансовых ресурсов в пользу потребностей социальной системы дальневосточных территорий, содержащий перманентные установки на необходимость стабилизации численности населения и создание комфортных условий по привлечению трудовых ресурсов в регион для осуществления инвестиционных проектов и замыслов «новой восточной политики» [Аганбегиан, 2019; Исаев, 2017; Найден, 2020]. Именно

поэтому мониторинг демографических тенденций и параметров благосостояния как основных индикаторов социального развития территории стал неотъемлемой частью наблюдений за реакцией социальной системы Дальнего Востока на вызовы внутренней и внешней среды, включая шоки, спровоцированные пандемией коронавируса (COVID-19).

Демографические тенденции. Население Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) к началу 2021 г. составило 8124 тыс. чел. или на 200 тыс. чел. меньше (при условии учёта всех 11 субъектов Федерации¹, входящих в состав ДФО), чем было в 2013 г. (табл. 1). Суммарное миграционное сальдо за период 2013–2020 гг. достигло -230480 чел., в то время как естественный прирост смог компенсировать демографические потери только в количестве 38418 чел. Подобная отрицательная демографическая динамика сохраняется на Дальнем Востоке с начала 1990-х гг. Но если длительное время основной причиной сокращения демографического потенциала региона оставался миграционный отток, стабильно превышающий количество приезжающего населения, то после 2017 г. к этому

добавился фактор отрицательного естественного прироста. В 2020 г., на который пришлось начало пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, впервые за тридцатилетний период наблюдений основные потери населения, составившие более чем 45 тыс. человек, были обусловлены характером естественного движения. Естественная убыль только за 2020 г. в 2,6 раза превысила результат 2019 г. и составила 22864 чел., что почти на 15% превысило годовое миграционное сальдо (-19926 человек).

На протяжении рассматриваемого периода динамика естественного движения населения носила нисходящий характер. Прирост населения вплоть до 2017 г. сохранялся за счет более высокого уровня рождаемости, который превышал показатель смертности населения. Однако сокращение численности женщин репродуктивного возраста объективно снижало количество рожденных детей, уменьшая естественный прирост. С 2018 г. естественная динамика перешла в отрицательную плоскость и наряду с отрицательным сальдо миграции привела к общему сокращению численности населения на Дальнем Востоке (рис. 1).

Таблица 1

Население Дальнего Востока на начало года

Территория	Численность, тыс. чел.		Изменение, 2021 г. к 2013 г.	
	2013	2021	тыс. чел.	%
Республика Бурятия	971,8	985,4	+13,6	+1,4
Республика Саха (Якутия)	955,6	982,0	+26,4	+2,8
Забайкальский край	1095,2	1053,5	-41,7	-3,8
Камчатский край	320,6	311,7	-8,9	-2,8
Приморский край	1947,3	1877,8	-69,4	-3,6
Хабаровский край	1342,1	1301,1	-40,9	-3,1
Амурская область	816,9	781,9	-35,1	-4,3
Магаданская область	152,4	139,0	-13,3	-8,7
Сахалинская область	493,3	485,6	-7,7	-1,6
Еврейская автономная область	172,7	156,5	-16,2	-9,4
Чукотский автономный округ	50,8	49,5	-1,3	-2,5
Дальневосточный федеральный округ	8318,5	8124,1	-194,4	-2,3

Источник: Численность постоянного населения на 1 января. Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: 17 октября 2021)

¹ Республика Бурятия и Забайкальский край вошли в состав ДФО в 2018 г. на основании Указа Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 года № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 года №849».

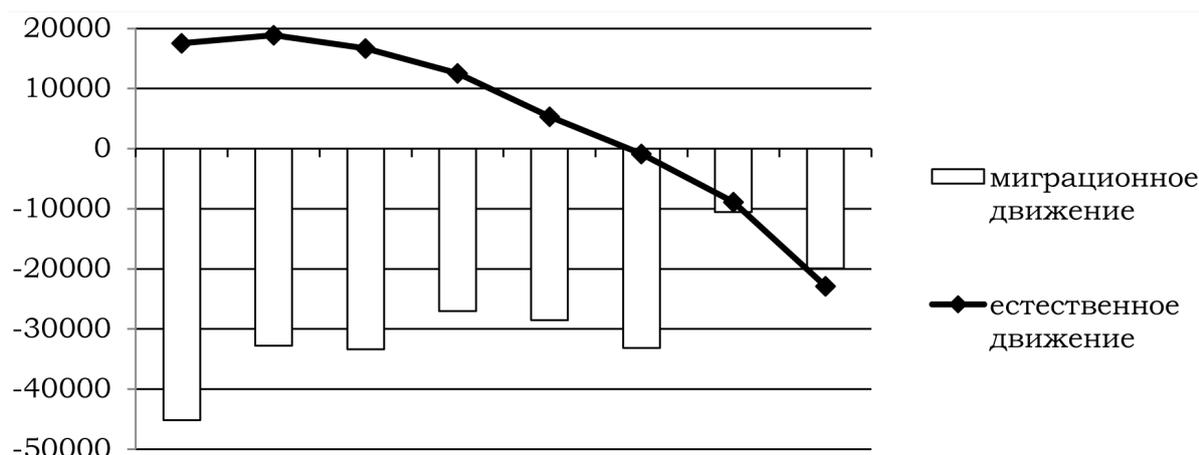

Рис. 1. Динамика естественного и миграционного движения населения, чел.

На протяжении всего рассматриваемого периода более половины дальневосточных субъектов относились к группе регионов со стабильной ежегодной убылью населения. Лидерами по убыли населения стали Еврейская автономная область и Магаданская область, где численность жителей сократилась за 2013–2020 гг. на 9,4% и 8,7% соответственно. За ними расположились Амурская область (-4,3%), Забайкальский край (-3,8%), Приморский край (-3,6%), Хабаровский край (-3,1%), Камчатский край (-2,8%), Чукотский автономный округ (-2,5%), Сахалинская область (-1,6%). Только за 2020 год, в том числе в результате пандемии, абсолютное сокращение численности населения превысило показатель 2019 г. в 2,5–2,6 раза в Приморском крае, Хабаровском крае, Амурской области; в 1,9–2,0 раза – в Сахалинской области и Республике Бурятия; на 12,3% – в Еврейской автономной области, на 2,8% – в Магаданской области, на 2,1% в Забайкальском крае. Положительный прирост численности населения в целом за 2013–2020 гг. был обеспечен в двух субъектах ДФО – Республике Бурятия и Республике Саха (Якутия) (+1,4% и +2,8% соответственно), причем в Якутии, несмотря на эпидемиологические последствия, даже в 2020 г. (в 2 раза больше, чем в 2019 г. за счет и естественного, и миграционного прироста).

Несмотря на внедрение новых институтов развития и принимаемые меры стимулирующего характера, направленные

на повышение привлекательности макрорегиона с точки зрения уровня и качества жизни, миграционные установки населения остаются неизменными [Minakir, Naiden, 2020]. В течение 2013–2020 гг. в регион приехали 316 тыс. человек, а покинули 345 тыс. чел. При этом «в 2019 г. регистрировалось минимальное после 2015 г. значение отрицательного коэффициента миграционного оттока населения за счет его положительных значений на Чукотке и в Республике Бурятия, а также практически нулевых значений в Приморье и Амурской области. Это было связано с реализацией в этих регионах проектов, требующих привлечения большого количества работников на условиях вахтовой или временной работы (космодром, газохимические комплексы, дорожное строительство, добыча минерального сырья и пр.). На общую тенденцию в области миграции это не повлияло. Если в 2019 г. отрицательное миграционное сальдо снизилось до минус 11,7 тыс. чел. по сравнению с минус 33,1 тыс. чел. в 2018 г., то уже в 2020 г. оно опять увеличилось до минус 20 тыс. чел.» [Минакир, 2021, с.10-11], в том числе и в связи с вводом ограничений на перемещения внутри страны и закрытием границ с целью недопущения распространения новой коронавирусной инфекции.

Особенности естественного движения населения, динамика которого формируется под влиянием рождаемости и смертности, на Дальнем Востоке также оста-

ются неизменными длительное время. По уровню рождаемости Дальний Восток в целом и входящие в его состав субъекты превышают среднероссийские показатели, несмотря на общий нисходящий тренд. Если в среднем по РФ коэффициент рождаемости снизился на 3,4 пункта (с 13,2 промилле в 2013 г. до 9,8 промилле в 2020 г.), то на Дальнем Востоке лишь на 2,8 пункта (с 13,9 до 11,1)². При этом территории, продолжающие сохранять лидирующие позиции по уровню рождаемости, теряют былое преимущество гораздо быстрее, чем в среднем по стране. Так, глубина падения коэффициента рождаемости в Республике Бурятия составила -4,7 пункта (с 17,6 промилле в 2013 г. до 12,9 промилле в 2020 г.), Забайкальском крае и Республике Саха (Якутия) -4,1 (с 15,9 до 11,8 и с 17,5 до 13,4 соответственно). Чукотский автономный округ³ хотя и показал положительный прирост в 2020 году, но в целом потерял 2,2 пункта (с 13,1 до 10,9), равно как и Магаданская область - 3,2 пункта (с 12,6 до 9,4). Субъекты южной зоны Дальнего Востока, где более благоприятные и комфортные условия жизни, также находятся в падающем тренде: Амурская область -4,2 (с 14,1 до 9,9), Еврейская автономная область -3,4 (с 13,7 до 10,3), Хабаровский край -3,3 (с 12,7 до 9,5), Приморский край -3,2 (с 12,7 до 9,5).

Следует отметить, что пандемия новой коронавирусной инфекции не оказала еще существенного отрицательного влияния на уровень рождаемости, поскольку

во многом результаты 2020 г. были сформированы реализацией репродуктивных установок 2019 г. и первой половины 2020 г. Вероятнее всего в 2021 г. следует ожидать спад рождаемости как отклик на неопределенность и нестабильность, крайне негативно влияющих на естественные процессы воспроизводства населения⁴.

Другим фактором, отрицательно сказавшемся на естественной динамике населения Дальнего Востока, остается высокий уровень смертности. Сопоставление данных в рамках анализируемого периода затруднено в силу объективных выбросов 2020 г., когда показатели смертности резко возросли в связи с ростом летальных случаев от вируса COVID-19, но и до 2018 г. скорость ее снижения оставалась крайне низкой. Хотя совокупная смертность в рамках анализируемого периода не превышала среднероссийский показатель, по отдельным причинам макрорегион продолжает лидировать⁵. Высокий уровень смертности в результате воздействия внешних причин (в 1,5 раза больше, чем в среднем по стране) формируется, прежде всего, за счет сверхсмертности в Чукотском автономном округе, где данный показатель многократно превышает средний по стране (по итогам 2020 г. в 2,5 раза). В 2020 г. в макрорегионе смертность по причинам болезней органов дыхания выросла на 53,6% против 27,7% в среднем по стране; по причинам болезней органов пищеварения - на 22,5% против 19,0%.

² Республика Бурятия и Забайкальский край вошли в состав ДФО в 2018 году на основании Указа Президента Российской Федерации от 3 ноября 2018 года № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 года № 849».

³ Хотя «в 2013–2017 гг. в округе произошло значительное снижение младенческой смертности (в 2,2 раза) по сравнению с РФ (1,5 раза) и ДФО (1,9 раза),... все же уровень младенческой смертности в ЧАО остается высоким (10,7‰). По этому показателю он занимает второе место после Еврейской автономной области (10,8‰). Об уровне неблагополучия для детей в первые годы жизни на Чукотке свидетельствует статистика вероятности смерти с момента рождения до 5 лет, причем обращает на себя внимание тот факт, что для города этот показатель мало чем отличается от других территорий (9,4%), тогда как для коренного населения этот показатель самый высокий (39,6%) среди субъектов федерации ДФО (84 место среди субъектов РФ)» [Авдеев, Сидоркина, Ушакова, 2020, с.138].

⁴ Что стало известно про пандемию из годовых данных Росстата по демографии / RBC. 2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/06/2021/60c4f6c19a794732b5523fa4>

⁵ Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти в расчете на 100000 населения за год / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31270>

Тревогу вызывает стабильное превышение среднероссийских показателей по уровню смертности населения трудоспособного возраста. Особенно это характерно для Чукотского автономного округа⁶ (176,1% в 2013 г. и 170,5% в 2019 г.), Еврейской автономной области⁷ (154,2% и 146,5%), Магаданской области (15,8% и 148,6%), Амурской области (141,7% и 145,0%), Забайкальского края (126,0% и 133,7%), Камчатского края (124,5% и 121,8%). В остальных субъектах разница меньше, но, тем не менее, достаточно существенная. Данные Росстата за 2020 год неожиданно демонстрируют в целом по макрорегиону относительное сокращение разрыва от средних показателей смертности по стране (со 123,0% в 2013 г. до 119% в 2020 г.). Последнее обусловлено, прежде всего, тем, что первая волна коронавируса на Дальнем Востоке была относительно полой, и высокие показатели смертности начали фиксироваться только с осени, в то время как потери населения западной части страны начали фиксироваться с самого начала пандемии. Однако это не изменило положения аутсайдеров среди субъектов ДФО, где смертность трудоспособных граждан продолжает оставаться крайне высокой, что негативно отражается на ожидаемой продолжительности жизни.

Завершившийся в 2020 г. первый этап реализации Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г.⁸ показал, что по всем

целевым параметрам, включая ожидаемую продолжительность жизни, подавляющее большинство субъектов ДФО не достигло запланированных значений, хотя прирост за 2013–2019 гг. по макрорегиону составил +2,41 года против 2,58 лет в среднем по стране. Безусловно, рост смертности населения в 2020 г. прервал едва наметившуюся положительную динамику увеличения продолжительности жизни по всем субъектам РФ, включая и ДФО [Грицко, 2021]. Если в целом по стране за первый год пандемии показатель снизился практически на -2 года, то в ДФО – пока на -1,07 года. В региональном разрезе наиболее значительный прирост ожидаемой продолжительности жизни (+5,98 лет за 2013–2019 гг.), равно как и самое сильное падение (-2,27 года в 2020 г. по отношению к 2019 г.) было отмечено в Чукотском автономном округе⁹ (рис. 2).

Высокие показатели смертности и низкая продолжительность жизни обусловлены, в том числе, низким уровнем благосостояния и качества социальной среды, недоступностью квалифицированного медицинского обслуживания (дефицитом врачебных кадров в центральных районных больницах и амбулаториях, закрытием фельдшерско-акушерских пунктов в сельской местности), а также низкой обращаемостью населения в учреждения здравоохранения, что порой связано с объективной удаленностью последних от мест прожи-

⁶ На Чукотке «сверхсмертность» мужчин в трудоспособном возрасте в 2013–2016 гг. в 1,8 раза превышала аналогичный показатель для женщин. Длительное время сохраняется относительно высокая доля умерших от несчастных случаев, отравлений и травм, то есть от внешних причин [Авдеев, Сидоркина, Ушакова, 2020, с.138].

⁷ «Высокие показатели смертности населения автономии от внешних причин, особенно от самоубийств, свидетельствуют о наличии тяжелого затяжного психоэмоционального напряжения у населения... Отсутствие рабочих мест, низкий уровень и качество жизни, неуверенность в завтрашнем дне, увеличение потребления алкоголя и злоупотребление им являются, на наш взгляд, причинами многих несчастных случаев, отравлений и травм с внезапными смертельными исходами» [Суховеева, 2018, с.90].

⁸ Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года: утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р (с изменениями и дополнениями от 23 декабря 2019 г. № 3146-р)

⁹ «По показателю ожидаемой продолжительности жизни Чукотка существенно отстает даже от аутсайдеров. Особенно, когда речь идет о мужском населении сельской местности, где ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2018 г. составляла 46,85 лет! Такого нет ни на одной территории Российской Федерации» [Авдеев, Сидоркина, Ушакова, 2020, с.138].

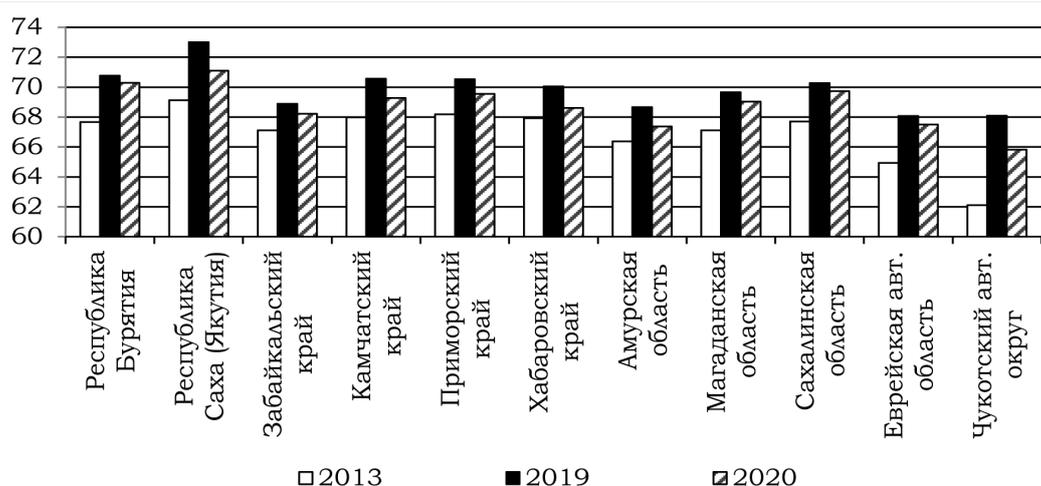

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении¹⁰, лет

вания, отсутствием развитой сети транспорта и автомобильных дорог. При этом материально-техническая база медицинских учреждений, во всяком случае за пределами крупных городов, характеризуется высоким износом, граничащим с аварийным состоянием, отсутствием современной диагностической аппаратуры, включая квалифицированных специалистов по ее обслуживанию, изношенностью инженерных коммуникаций, что требует значительных ресурсов для ее развития и укрепления.

Благосостояние населения. Основным критерием благосостояния населения является уровень его доходов, формируемый, в первую очередь, за счет оплаты труда. В 2013–2020 гг. номинальная заработная плата в экономике ДФО выросла почти на 60%, в то время как в среднем по России – на 71,5%. Если еще в 2013 г. оплата труда среднестатистического дальневосточника по номиналу (за счет соответствующих надбавок и коэффициентов, компенсирующих удаленность и природно-климатические условия жизни) превышала среднероссийский уровень на 26,4%, то в 2020 г. преимущество сократилось до 17,2%.

Согласно данным Минвостокразвития¹¹, «превышение уровня зарплаты в ДФО над среднероссийской зарплатой уменьшилось в 2015–2020 гг. на 9 п.п., а темп роста номинальной заработной платы в среднем по РФ (150,9%) уверенно превышал темп роста зарплаты в макрорегионе (139,8%), что, очевидно, является важным фактором относительного сближения стоимости основной потребительской корзины в макрорегионе по сравнению со средней ценой по РФ – отставание в уровне доходов формирует более жесткое спросовое ограничение для дальневосточных потребителей» [Минакир, 2021. С.12].

Номинальный прирост среднемесячной заработной платы дальневосточников, достигшей в 2020 г. почти 60 тыс. руб. на человека, составил +5,4% к 2019 г., в отличие от среднего по России, где сравнительный прирост за тот же период достиг +6,0%. Отстает дальневосточная средняя заработная плата и по темпам прироста в реальном исчислении: если в целом по стране рост реальной оплаты труда за 2020 г. составил 102,5% по отношению к 2019 г., то в макрорегионе – всего 101,4%. Среди

¹⁰ Ожидаемая продолжительность жизни / ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: сентябрь 2021)

¹¹ Об итогах деятельности Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики за 2020 г. и планах на 2021 г. / Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. 2021. URL: https://minvr.gov.ru/upload/iblock/729/doklad-ob-itogakh_pd.pdf (дата обращения: июнь 2021).

субъектов ДФО, традиционных лидеров по размеру номинальной заработной платы, максимальный прирост реального содержания сохранили Чукотский автономный округ (110,7% к 2019 г.) и, значительно отстав от него, Магаданская область (104,5%) и Камчатский край (102,4%), сумевшие обеспечить опережающие темпы роста оплаты труда (в том числе за счет бюджетного сектора экономики) по сравнению с ростом индекса потребительских цен (рис. 3). Для Сахалинской области, равно как и для Республики Саха (Якутия), данная стратегия не сработала, в результате уровень реальной заработной платы на острове в 2020 году оказался ниже уровня 2019 г. на -0,1% , а в республике прирост составил всего +1,3%. Но самым провальным 2020 год стал для работников организаций Хабаровского края, где номинальный прирост заработной платы (101,4% по сравнению с 2019 годом) за счет стремительного удорожания потре-

бительских товаров и услуг (индекс потребительских цен составил 104,9%) привел к обесцениванию реальной оплаты труда (-2,3% по сравнению с 2019 г.).

«Еще проблематичнее ситуация с реальными доходами населения, среднегодовой темп роста которых в 2010–2014 гг. заметно превышал среднероссийский (3,8% против 2,7%), а в 2015–2019 гг. снижался синхронно с падением реальных доходов в целом по стране, хоть и не такими быстрыми темпами (минус 0,9% против минус 1,4%)» [Минакир, 2021. С. 12]. В результате опережающего роста индекса потребительских цен, который за 2013–2020 гг. составил 151,1%, по сравнению с ростом номинальных среднедушевых доходов (149,1% за тот же период), реальные доходы населения в 2020 г. не смогли достигнуть даже уровня доходов 2013 г. (98,8%)¹². Наиболее значительные потери в содержании реальных доходов понесли жители Еврейской автономной

Рис. 3. Заработная плата и доходы населения в субъектах ДФО в 2020 г.

¹² Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели: 2019. Стат. сб. / Росстат. М., 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: август 2021); Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2020 году: стат. бюлл. / Росстат. М., 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260>. (дата обращения: сентябрь 2021)

области (86,8% относительно 2013 г.), Республики Бурятия (89,4%), Забайкальского края (89,7%), поскольку рост номинальных доходов в этих регионах (136–140% к уровню 2013 г.) катастрофически отстал от роста цен на потребительские товары и услуги (153–157%).

Лидерами по покупательной способности доходов населения на протяжении всего периода 2013–2020 гг. традиционно оставались регионы, в которых сохранялась и самая высокая покупательная способность заработной платы: Чукотский автономный округ (3,73 прожиточных минимума на среднедушевой доход населения и 5,08 – на оплату труда), Сахалинская область (3,67 и 5,57 соответственно), Магаданская область (3,23 и 4,86) (табл. 2). Тем не менее, даже быстрый рост заработной платы в экономиках региона для 9 из 11 субъектов ДФО не смог обеспечить ста-

тистически наблюдаемое улучшение покупательной способности среднедушевых доходов по сравнению с 2013 г., за исключением 2 регионов: Магаданской области (+0,16 п.п.) и Приморского края (+0,07). Самым уязвимым как обычно стал низкий рост номинальных пенсий, в результате которого реальный уровень жизни пенсионеров Республики Бурятия, Республики Саха (Якутия), Забайкальского и Приморского краев, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотского автономного округа в 2020 г. снизился в диапазоне 0,05–0,25 п.п., что при малой базе играет существенное значение. Ключевую роль в минимизации потерь для большей части регионов сыграл рост оплаты труда, формируемой в природно-ресурсном секторе экономики территорий: в Сахалинской области (+1,04 п.п.), Магаданской области (+0,73), Амурской

Таблица 2.

Соотношение доходов и минимальной стоимости жизни в субъектах ДФО и в целом по РФ¹³

Территория	Отношение к прожиточному минимуму					
	среднемесячной начисленной заработной платы		среднемесячных начисленных пенсий		среднедушевых денежных доходов	
	2013	2020	2013	2020	2013	2020
Республика Бурятия	3,64	3,26	1,28	1,15	2,90	2,01
Республика Саха (Якутия)	4,10	4,29	1,19	1,16	2,78	2,55
Забайкальский край	3,79	3,45	1,25	1,08	2,76	1,95
Камчатский край	3,45	3,79	1,08	1,07	2,51	2,49
Приморский край	3,19	3,57	1,06	1,15	2,59	2,66
Хабаровский край	3,43	3,36	1,15	1,16	2,96	2,67
Амурская область	3,39	3,95	1,09	1,20	2,74	2,63
Магаданская область	4,13	4,86	1,13	1,11	3,07	3,23
Сахалинская область	4,53	5,57	1,22	1,26	3,69	3,67
Еврейская автономная область	2,94	2,98	1,02	0,98	2,19	1,77
Чукотский автономный округ	5,10	5,08	1,35	1,11	3,94	3,73
Российская Федерация	4,08	4,40	1,34	1,36	3,55	3,05

¹³ Регионы России. Социально-экономические показатели: 2019. Стат. сб. / Росстат. М., 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: август 2021); Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2020 году: стат. бюлл. / Росстат. М., 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260>. (дата обращения: сентябрь 2021); Величина прожиточного минимума / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/30957> (дата обращения: октябрь 2021).

области (+0,56), Приморском крае (+0,38), Камчатском крае (+0,34), Республике Саха (Якутия) (+0,19), в отличие от Республики Бурятия (-0,38 п.п.), Забайкальского края (-0,34), Хабаровского края (-0,07), Чукотского автономного округа (-0,02). В противном случае картина в целом по ДФО была бы еще печальнее даже с чисто статистической точки зрения из-за прогрессирующей «пенсионной бедности».

Следует констатировать, что в течение всего анализируемого периода, несмотря на реализацию всевозможных проектов и программ, направленных на повышение уровня жизни, на создание благоприятных условий для развития предпринимательства и материальную поддержку социально незащищенных слоев населения, включая период пандемии 2020 года, когда были задействованы механизмы по компенсации выпадающих доходов от вынужденной изоляции и целенаправленно шли выплаты семьям с детьми, пенсионерам, инвалидам и другим категориям граждан, уровень бедности существенно не снижался. Доля лиц с денежными доходами ниже уровня прожиточного минимума балансирует в пределах 15–16,5%, оставаясь выше среднего по стране (12,1% в 2020 г.) При этом «лидерами» по уровню бедности остаются Еврейская автономная область (23,7% от общей численности населения живут ниже черты бедности), Республика Саха (Якутия) (21,0%), Республика Бурятия (20,0%), Забайкальский край (17,4%), Амурская область (15,2%), Камчатский край (14,9%), Приморский край (13,0%), превышающие средние значения по стране. Более того, за анализируемый период первая тройка ухудшила свои показатели относительно 2013 г. (на -2,8, -4,7, -4,1 п.п. соответственно). Включение в 2018 г. в состав ДФО двух субъектов (Республики Бурятия и Забайкальского края) с низкими показателями уровня жизни спровоцировало прирост уровня бедности в целом по макрорегиону (+1,3 п.п в 2018 г., +1,7 в 2019 г., +1,1 в 2020 г.).

Заключение. Экономические условия последних лет не способствовали положительной динамике уровня благосостояния населения Дальнего Востока, в первую очередь, в силу отсутствия роста реальных денежных доходов. Пандемия коронавируса и введение карантинных мер лишь усугубили это положение. Сокращение доходов населения в результате функционирования экономики в условиях жестких ограничений деятельности и социальной активности естественным образом способствуют откладыванию рождения детей на более благоприятный период. Отсутствие объективной информации относительно дальнейшего распространения инфекции, количества предстоящих волн пандемии будут сказываться на формировании репродуктивных установок и в последующие годы. Снижение ожидаемой продолжительности жизни на фоне сохранения высоких показателей смертности в макрорегионе ставит под сомнение вероятность достижения целевых индикаторов, заложенных в стратегические документы демографического характера.

Представленный анализ демонстрирует масштаб проблем, которые для Дальнего Востока, провозглашенного «территорией новых возможностей», все-таки требуют пристального внимания и специальных инструментов по действительно принципиальному решению о кардинальном повышении уровня жизни в макрорегионе. Во всяком случае, существующее положение в области формирования доходов не способно создать позитивную мотивацию ни для потенциальных мигрантов, ни для тех, кто принимает решение уехать или остаться. А порой на это решение оказывает влияние наличие доступной и высококачественной социальной среды, создание которой содержится в перечне «ожидаемых дальневосточных прорывов»¹⁴. Один из таких прорывов вероятнее всего будет связан с системой оказания медицинской помощи, которая испытала шок в связи с распространением инфекции коронавируса COVID-19 в 2020 г.

¹⁴ Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-п. URL: <https://minvr.gov.ru/upload/iblock/fdc/nats-programma.pdf> (дата обращения: июнь 2021)

Список источников:

1. Авдеев Ю. А., Сидоркина З. И., Ушакова В. Л. Тенденции демографического развития в районах российской восточной Арктики // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 3. С.130–144. DOI: 10.19181/ population.2020.23.3.12
2. Аганбегян А. Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 3. С. 165–187. DOI: 10.14530/se.2019.3.165-187.
3. Грицко М. А. Социально-демографические параметры Дальнего Востока России в условиях реализации документов стратегического развития // *Власть и управление на Востоке России*. 2021. № 2 (95). С. 36–46. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46.
4. Исаев А. Г. Оценка эффекта государственных капиталовложений на частные инвестиции в Дальневосточном федеральном округе // *Регионалистика*. 2017. № 3. С. 26–34.
5. Минакир П. А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // *Экономика региона*. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1016–1029. doi 10.17059/2017-4-4
6. Минакир П. А. «Восточная государственная социально-экономическая политика»: миссия (не)выполнима? // *Пространственная экономика*. 2021. Т. 17. № 2. С. 7–15. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.007-015>;
7. Найден С. Н. Реализация государственной политики на Дальнем Востоке // *Власть и управление на Востоке России*. 2020. № 4 (93). С. 24–36. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-24-36
8. Суховеева А. Б. Современные тенденции смертности населения Еврейской автономной области // *Региональные проблемы*. 2017. Т. 20. № 2. С. 84–93.
9. Minakir P. A., Naiden S. N. Social Dynamics in the Russian Far East: Failure of the Institutional Paradigm // *Regional Research of Russia*. 2021. Vol. 11. No. 2, pp.139–150 DOI: 10.1134/S2079970521020118

References:

1. Avdeev Yu. A., Sidorkina Z. I., Ushakova V. L. Demographic development trends in the Russian Eastern Arctic *Narodonaselenie* [Population], 2020, vol. 23, no. 3, pp. 130–144. DOI: 10.19181/ population.2020.23.3.12 (In Russian).
2. Aganbegyan A. G. Development of the Far East: a National Program in the Context of National Projects *Prostranstvennaya Ekonomika* = Spatial Economics, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 165–181. DOI: 10.14530/se.2019.3.165-187. (In Russian).
3. Gritsko M. A. Socio-demographic parameters of the Far East of Russia in the conditions of the implementation of documents of strategic development *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2021, no. 2 (95), pp. 36–46. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46. (In Russian).
4. Isaev A. G. Evaluation of the Effect of Public Investment on Private Investment in Far Eastern Federal District *Regionalistika* [Regionalistics], 2017. no. 3, pp. 26–34. (In Russian).
5. Minakir P. A. «Turn to the East» Policy: Expectations and Reality *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2017. vol. 13, no. 4, pp.1016-1029 (In Russian).
6. Minakir P. A. 'Eastern State Socio-Economic Policy': Mission (Not) Possible? *Prostranstvennaya Ekonomika* = Spatial Economics, 2021, vol. 17, no. 2, pp. 7–15. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.007-015> (In Russian)
7. Naiden S. N. Implementation of State Policy in the Far East *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2020, no. 4 (93), pp. 24–36 (In Russian).
8. Sukhoveeva A. B. Current Mortality Tendencies Among the Population of Jewish

Autonomous Region *Regional'nyye problemy* [Regional'nyye Problemy], 2017, no. 20 (2), pp. 84–93. (In Russian).

9. Minakir P. A., Naiden S. N. Social Dynamics in the Russian Far East: Failure of the Institutional Paradigm *Regional'nyye issledovaniya* [Rossii Regional Research of Russia], 2021, vol. 11, no. 2, pp.139–150. DOI: 10.1134/S2079970521020118

Статья поступила в редакцию 28.10.2021; одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 26.11.2021.

The article was submitted 28.10.2021; approved after reviewing 23.11.2021; accepted for publication 26.11.2021.

Информация об авторах

С. Н. Найден – д-р экон. наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе, Институт экономических исследований ДВО РАН

М. А. Грицко – канд. экон. наук, ученый секретарь, Институт экономических исследований ДВО РАН

Information about the authors

S. N. Nayden – Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Research, The Economic Research Institute of FEB RAS

M. A. Gritsko – Candidate of Economic Sciences, Scientific Secretary, The Economic Research Institute of FEB RAS

Научная статья

УДК 332.14(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-65-71

Дальневосточный федеральный округ как объект геоселективной региональной политики Российской Федерации на современном этапе

Ольга Владимировна Сидоренко

Хабаровский государственный университет экономики и права, Хабаровск, Россия,
ovsidorenko@rambler.ru

Аннотация. Данное исследование основано на концептуальной позиции о том, что селективная региональная политика является самостоятельным направлением региональной политики государства, и её механизм зависит от реализуемой в стране модели региональной политики: «эффективность» или «равенство». Дополнены теоретико-методологические основы селективной региональной политики государства, включающие её понятие и виды. В зависимости от целей установлено два вида стимулирующей селективной политики: оздоровительная и геоселективная. Выявлено новое направление селективной региональной политики – геоселективная региональная политика, которая представляет собой избирательное государственное воздействие посредством стимулирования экономической деятельности и повышения качества жизни на геостратегических территориях с целью обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности государства. Установлено, что в Российской Федерации реализуется особый вид селективной региональной политики, так как объектами стимулирования выступают геостратегические регионы. Уникальность Дальневосточного федерального округа состоит в том, что все дальневосточные субъекты Российской Федерации отнесены к приоритетным геостратегическим территориям. На примере регионов Дальневосточного федерального округа как геостратегических территорий показан механизм реализации геоселективной региональной политики в Российской Федерации.

Ключевые слова: геоселективная региональная политика, геостратегические регионы, регионы Дальневосточного федерального округа

Для цитирования: Сидоренко О. В. Дальневосточный федеральный округ как объект геоселективной региональной политики Российской Федерации на современном этапе // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 65–71. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-65-71>

The Far-Eastern federal district as an object of geo-selective regional policy of the Russian Federation

Olga V. Sidorenko

The Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russia,
ovsidorenko@rambler.ru

Abstract. This study is based on the conceptual position that selective regional policy is an independent direction of the state's regional policy and its mechanism depends on the model of regional policy implemented in the country: «efficiency» or «equality». The theoretical and methodological foundations of the selective regional

policy of the state have been supplemented, including: concept and types. Depending on the goals, two types of stimulating selective policies can be established: health-improving and geo-selective. A new direction of selective regional policy is revealed – geo-selective regional policy, which is a selective state influence by stimulating economic activity and improving the quality of life in geostrategic territories in order to ensure national security and territorial integrity of the state. It has been established that a special type of selective regional policy is being implemented in the Russian Federation, since geostrategic regions are the objects of incentives. The uniqueness of the Far-Eastern federal district lies in the fact that all the Far-Eastern constituent entities of the Russian Federation are classified as the priority geostrategic territories. On the example of the regions of the Far-Eastern federal district as the geostrategic territories, the mechanism of implementation of the geo-selective regional policy in the Russian Federation is shown.

Keywords: *geo-selective regional policy, geostrategic regions, regions of the Far-Eastern federal district*

For citation: Sidorenko O. V. The Far-Eastern federal district as an object of geo-selective regional policy of the Russian Federation // *Power and Administration in the East of Russia*. 2021. No. 4 (97). Pp. 65–71. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-65-71>

Согласно теоретико-методологическим положениям государственного регулирования территориального развития [Сидоренко, 2011], избирательная (селективная) региональная политика выступает отдельным направлением региональной политики государства. Целенаправленное избирательное воздействие осуществляется на отдельные регионы, выбор которых зависит от реализуемой в государстве одной из двух моделей региональной политики [Armstrong, Taylor, 1993]. Соответственно, при реализации модели «равенства» объектами селективной политики являются проблемные регионы, при «модели эффективности» – развитые регионы.

На современном этапе в Российской Федерации объектами избирательного (селективного) воздействия выступают геостратегические территории страны, в отношении которых применяются различные инструменты государственного стимулирования регионального развития.

Геостратегическая территория Российской Федерации – «территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического

развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности»¹.

Геостратегические территории Российской Федерации определены в Стратегии пространственного развития на территории Российской Федерации, их два вида: приоритетные и приграничные.

К приоритетным геостратегическим территориям относится 21 субъект Российской Федерации, в том числе все регионы Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО);

Приграничные геостратегические территории представляют собой 22 субъекта Российской Федерации, расположенные на границе с другими государствами.

Данное обстоятельство позволяет выявить новое направление селективной региональной политики – геоселективная региональная политика.

Под геоселективной региональной политикой автор понимает избирательное государственное воздействие посредством стимулирования экономической деятельности и повышения качества жизни на геостратегических территориях с целью обеспечения национальной

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации 13 февраля 2019 года №207-р. – URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 02.09.21).

безопасности и территориальной целостности государства.

В рамках развития научно-методологических положений селективной региональной политики автором дополнена предложенная ранее [Сидоренко, 2011] классификация её видов (рис. 1).

В зависимости от целей можно выделить два вида стимулирующей селективной политики: оздоровительная и геоселективная.

Основной целью оздоровительной (санирующей²) селективной политики является проведение активных государственных мер, направленных на социально-экономическое развитие проблемных территорий: трансформация экономического потенциала, реструктуризация экономики, создание условий для развития бизнеса.

Целью геоселективной региональной политики является повышение уровня социально-экономического развития геостратегических территорий с целью сохранения территориальной целостности и обеспечения национальной безопасности страны.

Цель данной статьи – изучить механизм реализации геоселективной региональной политики в Российской Федерации на примере территорий ДФО и

подтвердить гипотезу о формировании новой модели региональной политики государства.

Уникальность ДФО состоит в том, что все дальневосточные субъекты Российской Федерации отнесены к приоритетным геостратегическим территориям.

Основным методом селективной региональной политики развития территорий ДФО является государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа», одной из основных задач которой является «развитие центров экономического роста субъектов РФ, входящих в состав ДФО»³.

Центры экономического роста регионов ДФО определены в увязке с инвестиционными проектами, являющимися основой экономического роста и занятости населения. Всего в регионах ДФО создано 56 центров экономического роста (табл. 1).

С целью стимулирования экономической активности в центрах экономического роста дальневосточных регионов государство использует разнообразный набор инструментов: государственное инвестирование строительства инфраструктурных объектов, территории опережающего социально-экономического

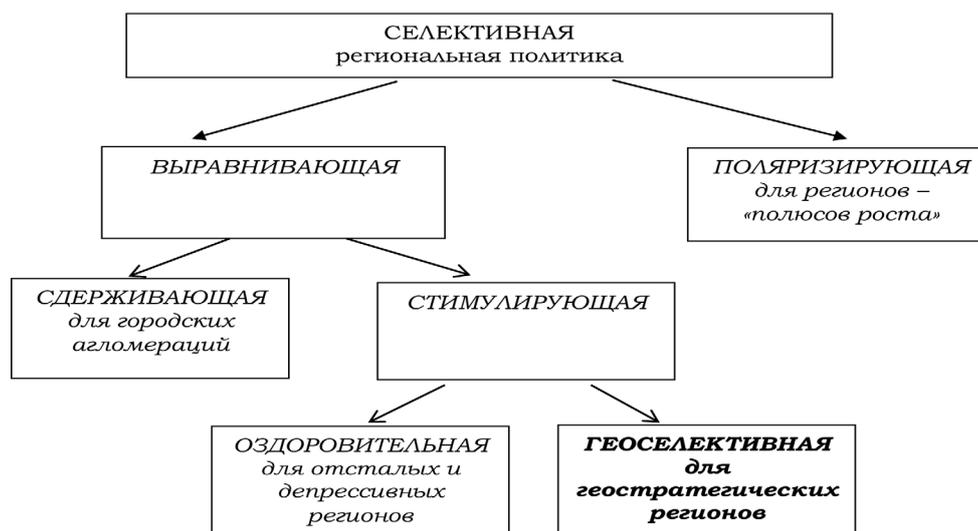

Рис. 1. Классификация видов селективной региональной политики государства

² Под санацией (оздоровлением) территорий автором понимается система мер по решению проблемы депрессивности или отсталости того или иного территориального образования.

³ Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/14478/> (дата обращения: 06.09.2021).

Таблица 1

Центры экономического роста субъектов ДФО

Регион ДФО	Центры экономического развития
Республика Саха (Якутия)	Якутская столичная агломерация, Западная комплексная провинция, Северо-Якутская опорная зона, Восточная горнорудная провинция, Южный промышленный комплекс.
Камчатский край	Авачинская (Петропавловск-Елизовская) агломерация, Юго-Западная зона, Центральнo-Камчатская зона.
Магаданская область	Магаданская агломерация, Яно-Колымская золоторудная провинция.
Сахалинская область	«Юг», «Запад», «Восток», «Север», «Курильский».
Хабаровский край	Агломерация «Комсомольск-на-Амуре - Амурск – Солнечный», Хабаровская агломерация, Николаевский центр развития, Верхнебуреинский центр развития, Ванино-Советско-Гаванский транспортно-промышленный узел.
Приморский край	Владивостокская агломерация, Уссурийский агропромышленный узел, Южный промышленный узел, Арсеньевский промышленный узел, Север Приморья.
Амурская область	Центры развития: газопереработки, добычи полезных ископаемых, агропромышленный, туристско-рекреационный, энергетический, космический.
Еврейская автономная область	Городская агломерация г. Биробиджан, Облученский, Ленинский, Смидовичский и Октябрьский муниципальные районы.
Чукотский автономный округ	Центры развития: Анадырский и Чаун-Билибинский – центр развития цветной металлургии.
Забайкальский край	«Кодаро-Удоканский», «Балейский», «Красночикойский», «Амазарский», «Краснокаменский», «Комсомольский», «Первомайский», Читинская агломерация, «Агинский», «Нерчинский», «Приграничный».
Республика Бурятия	Улан-Удэнская агломерация, центры развития: Приграничный, Восточный, Южный, Байкальский, Северный.

Источник: составлено по данным⁴.

⁴ Постановление Правительства Магаданской области от 26 декабря 2019 г. № 917-пп «Об организации работы по реализации плана социального развития центров экономического роста Магаданской области». URL: <http://docs.cntd.ru/document/550128611> (дата обращения 06.09.2021); Постановление администрации Приморского края от 29 июня 2018 г. № 303-па «Об утверждении Плана социального развития центров экономического роста Приморского края» (с изменениями на 25 декабря 2019 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/550134325> (дата обращения 06.09.2021); План социального развития центров экономического роста Чукотского автономного округа. URL: <https://fond87.ru/?p=3652&lang=ru> (дата обращения 06.09.2021); Распоряжение Правительства Республики Бурятия от 22 мая 2019 г. № 270-р «Об утверждении Плана социального развития центров экономического роста Республики Бурятия» (с изменениями на 22 января 2020 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/561406892> (дата обращения: 06.09.2021); Распоряжение Правительства Забайкальского края от 24 мая 2019 г. № 173-р «Об утверждении Плана социального развития центров экономического роста Забайкальского края» (в ред. № 383-р от 25.10.2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/561406892> (дата обращения 06.09.2021); Распоряжение Правительства Еврейской автономной области от 22 июня 2018 г. № 209-рп «Об утверждении Плана социального развития центров экономического роста Еврейской автономной области» (с изменениями на 27 декабря 2019 года). URL: <https://minek.75.ru/dokumenty/prochee/136536-v-red-383-r-ot-25-10-2019> (дата обращения 06.09.2021); Распоряжение Правительства Амурской области от 29 июня 2018 года № 80-р «Об утверждении Плана социального развития центров экономического роста Амурской области» (с изменениями на 20 декабря 2019 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/550127778> (дата обращения: 06.09.2021); Распоряжение Правительства Камчатского края от 25 июня 2018 г. № 270-РП «Об утверждении Плана социального развития центров экономического роста Камчатского края на период до 2025 года» (с изменениями на 29 ноября 2018 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/550133901> (дата обращения: 06.09.2021). Распоряжение Правительства Сахалинской области от 25 июня 2018 г. № 347-р «Об утверждении Плана социального развития центров экономического роста Сахалинской области» (с изменениями на 23 декабря 2019 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/561462098> (дата обращения: 06.09.2021). Распоряжение Правительства Хабаровского края от 25 июня 2018 г. № 362-рп «Об утверждении Плана социального развития центров экономического роста Хабаровского края» (с изменениями на 12 марта 2020 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/465353234> (дата обращения: 06.09.2021). Распоряжение главы Республики Саха (Якутия) от 25 июня 2018 г. № 489-РГ «О плане социального развития центров экономического роста Республики Саха (Якутия)» (с изменениями на 19 декабря 2019 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/550139458> (дата обращения: 06.04.2020).

развития (ТОР), режим Свободного порта Владивосток (СПВ) и др.

На строительство объектов социальной инфраструктуры в центрах роста дальневосточных регионов выделено 94253,259 млн рублей⁵.

Кроме выделения средств федерального бюджета на развитие центров экономического роста, часть финансовых средств на строительство и модернизацию социальной инфраструктуры поступает в субъекты ДФО из дальневосточных разделов государственных

программ. Так, в 29 государственных программах включены «дальневосточные разделы».

С целью стимулирования инвестиционной деятельности в центрах экономического роста ДФО с 2015 г. создаются ТОР. В настоящее время в центрах экономического роста ДФО функционирует 22 ТОР. Автором в таблице 2 представлено размещение территорий социально-экономического развития в центрах экономического роста ДФО.

Анализ системы методов и инструмен-

Таблица 2

Размещение ТОР в центрах экономического роста ДФО

Субъект ДФО	Центр экономического роста	ТОР
Республика Саха (Якутия)	Якутская столичная агломерация	«Якутия»
	Южный промышленный комплекс	«Южная Якутия»
Камчатский край	Авачинская (Петропавловск-Елизовская)	«Камчатка», режим «Свободный порт Владивосток»
Сахалинская область	«Юг»	«Южная», «Горный воздух», режим «Свободный порт Владивосток»
	«Курильский»	«Курилы»
Хабаровский край	Агломерация «Комсомольск-на-Амуре – Амурск – Солнечный»	«Комсомольск»
	Верхнебуреинский центр развития	
	Хабаровская агломерация	«Хабаровск»
	Ванино-Советско-Гаванский транспортно-промышленный узел	режим «Свободный порт Владивосток»
Приморский край	Николаевский центр развития	«Николаевск»
	Владивостокская агломерация	«Надежденская», режим «Свободный порт Владивосток»
	Уссурийский агропромышленный узел	«Михайловский»
Амурская область	Южный промышленный узел	«Большой камень»
	Туристско-рекреационный центр развития	«Приамурская»
	Центр развития газопереработки	«Свободный»
Еврейская автономная область	Агропромышленный центр развития	«Белогорск»
	Облученский муниципальный район	«Амуру-Хинганская»
Чукотский автономный округ	Облученский муниципальный район	«Амуру-Хинганская»
Забайкальский край	Анадырский центр развития, Чаун-Билибинский – центр развития цветной металлургии	«Чукотка»
	Читинская агломерация, «Нерчинский»	«Забайкалье»
Республика Бурятия	«Краснокаменский»	«Краснокаменск»
	Южный центр развития	«Бурятия», «Селенгинск»

Источник: составлено автором по данным³.

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 14 марта 2018 г. № 254 «Об утверждении Правил предоставления и распределения иных межбюджетных трансфертов на реализацию мероприятий планов социального развития центров экономического роста субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа» (с изменениями на 27 декабря 2019 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/556851301> (дата обращения: 08.09.2021); Постановление Правительства РФ от 30.07.2019 г. № 1681 «О распределении иных межбюджетных трансфертов, предоставляемых в 2018 - 2021 годах из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию мероприятий планов социального развития центров экономического роста субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа». URL: <https://minvr.ru/about/struktura/> (дата обращения: 02.09.2021).

тов реализации селективной региональной политики Российской Федерации показал, что с целью стимулирования социально-экономического развития дальневосточных территорий применяется разнообразный спектр методов и инструментов селективной региональной политики.

Резюмируя, отметим, что:

– на современном этапе в Российской Федерации реализуется новый вид селективной региональной политики, что обуславливает необходимость развития теории государственного регулирования территориального развития путем разработки научно-методологических положений избирательного воздействия государства, объектом которого выступают геостратегические территории;

– дополнены научно-методологические положения селективной региональной политики, а именно: обосновано определение «геоселективная региональная политика», в классификацию видов селективной региональной политики вклю-

чены геоселективная и оздоровительная; – оценка механизма реализации государственной региональной политики развития регионов ДФО как геостратегических территорий РФ показала, что в ДФО применяется широкий спектр методов и инструментов стимулирования регионального развития: государственная программа, создание особых организационно-правовых режимов в форме ТОР и Свободный порт Владивосток, государственное финансирование объектов социальной инфраструктуры, налоговые льготы. Это подтверждает вывод о том, что в России на современном этапе реализуется геоселективная региональная политика, которая представляет собой избирательное воздействие органов государственного управления посредством стимулирования экономической деятельности и повышения качества жизни на геостратегических территориях с целью обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности государства.

Список источников:

1. Федеральный закон от 31.07.1998 г. № 145–ФЗ «Бюджетный кодекс Российской Федерации». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 05.09.2021).
2. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» (с изменениями от 25 марта 2020 г.). URL : <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения : 07.09.2021).
3. Сидоренко О. В. Формирование селективной региональной политики социально-экономического развития проблемных регионов : диссертация на соискание ученой степени доктора наук. Байкальский государственный университет экономики и права. Иркутск. 2011.
4. Armstrong, H., Taylor, J. *Regional Economics and Policy*. L. Harvester Wheatsheaf. (1993).

References:

1. Federal Law of July 31, 1998, No. 145-FZ «Budget Code of the Russian Federation». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (date of access: 05.09.2021). (In Russian).
2. Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 308 «On approval of the state program of the Russian Federation» Social and economic development of the Far Eastern Federal District «(as amended on March 25, 2020). (In Russian). URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (date of access: 09/07/2021). (In Russian).

3. Sidorenko O. V. Formation of a selective regional policy of socio-economic development of problem regions: dissertation for the degree of Doctor of Science. Baikal State University of Economics and Law. Irkutsk. 2011. (In Russian).

4. Armstrong, H., Taylor, J. Regional Economics and Policy. L. Harvester Wheatsheaf. (1993).

Статья поступила в редакцию 19.11.2021; одобрена после рецензирования 02.12.2021; принята к публикации 06.12.21.

The article was submitted 19.11.2021; approved after reviewing 02.12.2021; accepted for publication 06.12.21.

Информация об авторе

О. В. Сидоренко – д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Хабаровский государственный университет экономики и права

Information about the author

O. V. Sidorenko – Doctor of economic science, associate professor, Head of the Department of State and Municipal Management, The Khabarovsk State University of Economics and Law

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 332.144

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-72-81

Рейтинговая оценка экономической безопасности муниципальных образований региона

Марина Сергеевна Сюпова

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 003624@pnu.edu

Аннотация. Обеспечение экономической безопасности муниципальных образований выступает одним из ключевых условий стабильного социально-экономического развития региона. В последнее время растет внутрирегиональная дифференциация территорий, что повышает риск формирования негативных факторов, снижающих качество жизни населения. Для нейтрализации и предотвращения острых социальных и экономических проблем необходим постоянный мониторинг текущего состояния муниципальной экономики. В качестве такого инструмента управления может быть использована рейтинговая оценка экономической безопасности муниципальных образований региона. Ранжирование территорий позволяет наглядно представить относительные преимущества и недостатки развития территорий. Кроме того, систематический сравнительный анализ контролируемых социально-экономических параметров позволит региональным органам власти оценивать результаты деятельности органов местного самоуправления и повышать эффективность региональной социально-экономической политики. В статье предложена методика рейтинговой оценки экономической безопасности муниципальных образований, в ходе которой представляется возможным наглядно оценить глубину исследуемых угроз на уровне каждой территории. С этой целью в основу предлагаемой методики положена система показателей, позволяющих выявить основные проблемные зоны социально-экономического состояния территорий. Для формирования рейтинга исследуемые показатели нормируются и рассчитываются интегральные индексы, характеризующие уровень экономической безопасности муниципальных образований. В методике предложены критериальные границы оценки уровня муниципальной экономической безопасности (высокий; выше среднего; средний; кризисный; критический). По результатам исследования составлен рейтинг муниципальных районов Хабаровского края. Исследование показало, что территории края характеризуются неустойчивым социально-экономическим состоянием. Лидирующие позиции в рейтинге занимают районы со средним уровнем экономической безопасности. Большинство муниципальных районов края имеют кризисный уровень экономической безопасности, что предусматривает разработку комплекса мероприятий, направленных на устранение существующих проблем.

Ключевые слова: рейтинговая оценка, экономическая безопасность, муниципальные образования, регион

Для цитирования: Сюпова М. С. Рейтинговая оценка экономической безопасности муниципальных образований региона // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 72–81. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-72-81>

Rating assessment of economic security of municipalities in the region

Marina S. Syupova

The Pacific State University, Khabarovsk, Russia, 003624@pnu.edu

Abstract. *Ensuring the economic security of municipalities is one of the key conditions for stable socio-economic development of the region. Recently, intraregional differentiation of territories has been growing, which increases the risk of the formation of negative factors that reduce the quality of life of the population. In order to neutralize and prevent acute social and economic problems, constant monitoring of the current state of the municipal economy is necessary. As such a management tool, a rating assessment of the economic security of municipalities in the region can be used. The ranking of territories allows you to visualize the relative advantages and disadvantages of the development of territories. In addition, a systematic comparative analysis of controlled socio-economic parameters will allow regional authorities to evaluate the results of the activities of local governments and improve the effectiveness of regional socio-economic policy. The article proposes a methodology for rating the economic security of municipalities, during which it is possible to visually assess the depth of the threats studied at the level of each territory. To this end, the proposed methodology is based on a system of indicators that identify the main problem areas of the socio-economic condition of the territories. To form the rating, the studied indicators are normalized and integral indices characterizing the level of economic security of municipalities are calculated. The methodology proposes criteria for assessing the level of municipal economic security (high; above average; average; crisis; critical). According to the results of the study, a rating of municipal districts of the Khabarovsk Territory was compiled. The study showed that the territories of the region are characterized by an unstable socio-economic condition. The leading positions in the rating are occupied by areas with an average level of economic security. Most municipal districts of the region have a crisis level of economic security, which provides for the development of a set of measures aimed at eliminating existing problems.*

Keywords: *rating assessment, economic security, municipalities, regions*

For citation: Syupova M. S. Rating assessment of economic security of municipalities in the region // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 72–81. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-72-81>

Введение. Экономическая безопасность муниципальных образований является важнейшим звеном в системе национальной экономической безопасности. Именно на муниципальном уровне формируются основные условия жизнедеятельности населения, что определяет качество жизни и степень защищенности граждан от факторов, оказывающих отрицательное воздействие на благополучие. В последние годы на фоне кардинальных технологических перемен и перехода на инновационное развитие страны в субъектах РФ усиливается дифференциация социально-экономического развития отдельных территорий, что представляет

собой угрозу экономической безопасности и социальной стабильности региона. В связи с этим возрастает потребность в разработке инструментария, позволяющего региональным органам управления регулярно контролировать текущее состояние ключевых параметров муниципальных образований и оценивать уровень межтерриториальных диспропорций. В основу такого инструментария может быть положена рейтинговая оценка экономической безопасности муниципальных образований. Сравнительный анализ ключевых параметров территорий позволит своевременно выявлять существующие риски и угрозы их устойчи-

вого развития и повысит эффективность принимаемых управленческих решений, направленных на выравнивание и повышение социально-экономического пространства региона.

Рейтинг территорий: преимущества и недостатки. Рейтинг по своей сути выполняет функцию преобразования больших объемов информации в мнения и рекомендации по принятию решения наиболее компактным образом [Логинова, Мурашова, 2011]. Главное назначение рейтинга – повышение информационной прозрачности общества, содействие расстановке субъектов в сфере деятельности по ключевым факторам успешности.

В современной системе государственного и муниципального управления метод ранжирования территорий по различным социально-экономическим характеристикам получил широкое распространение, что обусловлено следующими преимуществами его практического применения.

Во-первых, рейтингование как технология сопоставления и упорядоченности позволяет получить оценку текущего социально-экономического состояния территорий и наглядно представить относительные преимущества и недостатки их развития. С данной точки зрения, рейтинги представляют собой источник получения своевременной информации о привлекательности и конкурентоспособности территорий, что снижает информационную неопределенность при формировании экономических и управленческих решений.

Во-вторых, рейтинг выступает инструментом проведения социально-экономического мониторинга. Результаты регулярной рейтинговой оценки по единой методологии и выборочным данным формируют информационную базу, которая отражает динамику и тенденции развития экономики и социальной сферы территорий и одновременно является основой для анализа эффективности деятельности государственных и муниципальных органов власти. В частности, систематическая оценка контролируемых социально-экономических параметров позволяет оценить качество регио-

нального и муниципального управления как в межвременном, так и межтерриториальном разрезе. В свою очередь, это помогает вышестоящим органам власти более точно выстраивать работу по устранению существующих различий и служит ориентиром при выборе приоритетных направлений территориального регулирования. Данные рейтинга могут быть также использованы для мониторинга целевых стратегических показателей (индикаторов), что позволит контролировать степень их достижения, и, тем самым, оценивать деятельность территориальных органов власти с точки зрения эффективности принятых управленческих решений.

В-третьих, рейтинги могут быть использованы как индикаторы «отклика» территориальных образований и их населения на протекающие социально-экономические процессы. В этом случае территории, опираясь на результаты оценки своего социально-экономического положения, формируют либо корректируют стратегии дальнейшего развития, а также привлекают внимание тех стейкхолдеров, в которых территория особенно нуждается.

Важно также отметить, что с методологической точки зрения рейтинговая оценка довольно проста в применении, и в отличие от других методов все модели данной группы позволяют настраивать оценку с учетом её специфики и целей.

В то же время практика построения рейтингов подвергается постоянной критике со стороны исследователей. К основным недостаткам данного метода анализа относят, прежде всего, субъективный характер, что свойственно оценкам, в которых участвуют эксперты. Возможность влияния экспертов на результаты ранжирования позволяет авторам [Демидов, 2013] предположить, что для рейтинговых оценок характерна политическая ангажированность и предвзятость. Ряд исследователей отмечают [Логинова, Мурашова, 2011], что рейтинги одинаковой целевой направленности имеют ряд погрешностей, и их итоги могут значительно различаться при использовании разного набора социально-экономических показателей, методов обработки информации

и построения интегральных показателей. Позиции территорий в разных рейтингах могут отличаться также из-за различий в количестве и составе ранжируемых территорий. В качестве недостатка применения рейтингов выделяют также трудности, связанные с получением исходной информации и интерпретации несопоставимых социально-экономических показателей [Попова, Пантюхина, 2018], что приводит сравнительный анализ в некоторую закрытую и недоступную для понимания операцию упорядочения.

Методика рейтинговой оценки экономической безопасности муниципальных образований. Муниципальная экономическая безопасность носит комплексный характер в совокупности факторов, обеспечивающих устойчивое социально-экономическое развитие муниципального образования и гарантирующих защищенность интересов населения от угроз различного характера. Исходя из этого, оценка экономической безопасности муниципального образования предусматривает количественное определение совокупности негативных факторов (угроз), препятствующих стабильному социально-экономическому развитию территории.

Предлагаемая методика ранжирования территорий нацелена на получение объективной, сравнительной оценки экономической безопасности муниципальных образований региона, в ходе которой представляется возможным наглядно оценить глубину исследуемых угроз на уровне каждой территории. Данная методика базируется на следующих принципах:

- основными критериями при выборе источника информации выступают: точность, объективность, доступность, возможность отслеживания процессов в динамике, а также простота и незначительная трудоемкость сбора первичной информации. Опираясь на данные критерии, в качестве источников информации будут использованы данные официальной статистики и отчетная информация, предоставляемая органами государственного и муниципального управления;

- система исследуемых социально-

экономических показателей должна отражать относительные характеристики состояния территории, что обеспечивает корректность проводимых сравнений. При отборе показателей также учитывается их релевантность, т. е. степень соответствия целям исследования и «управляемость» со стороны органов государственной и муниципальной власти;

- в методике отсутствуют субъективные количественные оценки, назначаемые экспертами. Показатели имеют равнозначный характер, так как каждый из них отражает определенную угрозу социально-экономического состояния муниципального образования;

- используемые технологии расчетов позволяют обеспечить сопоставимость исследуемых показателей и оценить уровень экономической безопасности муниципального образования в межтерриториальном разрезе.

На начальном этапе ранжирования муниципальных образований по уровню экономической безопасности формируется система исходных показателей. Данная совокупность показателей должна отражать основные риски и угрозы, препятствующие устойчивому развитию муниципальной экономики и снижающие степень её конкурентоспособности и независимости. Исходя из этого, был выделен следующий набор показателей:

X_1 – индекс промышленного производства (% к предыдущему году), который отражает темпы экономического роста территории. Низкие темпы роста экономики характеризуют её неустойчивость и способствуют снижению производственного потенциала;

X_2 – доля убыточных предприятий (%), характеризует эффективность деятельности предприятий, расположенных на территории муниципального образования. Высокое значение данного показателя приводит к сокращению объемов производства и негативно сказывается на уровне доходов населения. Кроме того, в результате снижения прибыльности предприятий сокращаются доходы местного бюджета, растет уровень финансовой зависимости территории;

X_3 – объем инвестиций в основной капитал на душу населения (тыс. руб.),

характеризует уровень инвестиционной привлекательности муниципального образования. Низкий объем инвестиционных вложений повышает износ основных фондов предприятий и снижает уровень конкурентоспособности производимой ими продукции на внутренних и внешних рынках. Кроме того, слабая инвестиционная активность негативно влияет на устойчивость экономического роста в перспективе;

X_4 – число субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. чел. населения (ед.), отражает привлекательность территории для ведения бизнеса. Развитие малого и среднего предпринимательства способствует повышению конкуренции и эффективности производства. Кроме того, малый бизнес создает дополнительные рабочие места, что положительно влияет на уровень муниципальной экономической безопасности;

X_5 – доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не соответствующая нормативным требованиям (%). Данный показатель отражает качество дорог и уровень благоустройства муниципалитета. Его значение определяет потребительские свойства работы автомобильного транспорта и уровень личной безопасности жителей муниципального образования при движении по дорогам;

X_6 – уровень официально зарегистрированной безработицы (%), отражает ситуацию на муниципальном рынке труда. Высокий уровень безработицы, с одной стороны, сопровождается снижением объемов производства вследствие недоиспользования трудового потенциала. С другой, отсутствие возможности трудоустройства формирует миграционные настроения среди жителей территории. Кроме того, высокая безработица повышает социальную напряженность на территории муниципалитета, растет преступность;

X_7 – общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя (кв. м), характеризует уровень обеспеченности населения жильем, который выступает важнейшим критерием качества жизни. Мониторинг данного по-

казателя формирует представление об объемах и динамике жилищного строительства на территории муниципального образования. Низкий уровень обеспеченности жильем существенно снижает привлекательность территории для проживания, что, в конечном счете, приводит к потере трудового и производственного потенциала муниципальной экономики;

X_8 – покупательная способность заработной платы (раз), определяется как отношение среднемесячной начисленной заработной платы к прожиточному уровню. Данный показатель позволяет оценить уровень бедности населения. Его низкое значение следует рассматривать как одну из угроз муниципальной экономической безопасности;

X_9 – уровень бюджетной самостоятельности (%), показывает долю налоговых и неналоговых доходов в общей сумме доходов муниципального бюджета. Чем выше значение данного показателя, тем в меньшей степени муниципальные власти зависят от финансовых решений региональных органов управления.

На следующем этапе для приведения разнородных исследуемых показателей в сопоставимый вид проводится их нормирование по формуле линейного масштабирования:

$$Y_{in} = \frac{X_{in} - X_{min}}{X_{max} - X_{min}} \quad (1),$$

$$Y_{in} = 1 - \frac{X_{in} - X_{min}}{X_{max} - X_{min}} \quad (2),$$

где Y_{in} – нормированная оценка i -го показателя по n -му муниципальному образованию; X_{in} – значение i -го показателя в n -ом муниципальном образовании; X_{max} – максимальное значение показателя по совокупности исследуемых территорий; X_{min} – минимальное значение показателя из совокупности территорий.

Формула (1) используется для показателей, рост которых повышает уровень экономической безопасности (показатели-стимулы), формула (2) – для показателей, рост которых снижает уровень экономической безопасности территории (показатели-дестимулы).

Нормированные значения показате-

лей отражают положение территории по отношению к другим, что позволяет оценить уровень угроз, присущих той или иной территории. Значения Y_{in} колеблются в интервале от 0 до 1. Чем выше Y_{in} , тем меньше уровень существующих угроз в данной сфере.

Для формирования рейтинга необходимо определить интегральный показатель муниципальной экономической безопасности. Формула его расчета представляет собой среднее арифметическое из нормированных значений i -го показателя по n -му муниципальному образованию:

$$I_n = \frac{\sum Y_{in}}{k} \quad (3),$$

где I_n – интегральный индекс экономической безопасности n -го муниципального образования, k – количество показателей, исследуемых по каждому муниципальному образованию.

Интегральный индекс (I_n) также лежит в пределах от 0 до 1. Чем выше значение интегрального индекса (I_n), тем выше уровень экономической безопасности муниципального образования. Низкие значения I_n свидетельствуют о наличии негативных факторов, ограничивающих

стабильное и устойчивое развитие муниципальной экономики. Для упрощения интерпретации полученных результатов предлагается использовать следующие критериальные границы оценки уровня муниципальной экономической безопасности (табл. 1). Данные критерии оценки могут быть использованы также в ходе анализа угроз экономической безопасности территорий.

Ранжирование территорий проводится в порядке убывания интегральных показателей: по мере уменьшения I_n снижаются позиции территории в рейтинге.

Результаты исследования. Для апробации предложенной методики была проведена рейтинговая оценка экономической безопасности муниципальных районов Хабаровского края. Для сравнительного анализа использовались данные за 2020 г.

Муниципальные районы Хабаровского края значительно различаются между собой по уровню исследуемых социально-экономических показателей. Это определило результаты оценки угроз экономической безопасности территорий (табл. 2). Из таблицы 2 видно, что положение большинства районов в разрезе отдельных показателей весьма неоднозначно. По отдельным показателям ситуация в

Таблица 1

Уровни оценки экономической безопасности (ЭБ) муниципальных образований

Уровень ЭБ	Критериальные границы	Комментарии
Высокий	1,0 – 0,8	отсутствие проблем зон социально-экономического развития
Выше среднего	0,79 – 0,6	наблюдаются некоторые нарушения исследуемых процессов, возможны «точечные» угрозы социально-экономического характера
Средний	0,59 – 0,4	состояние муниципальной экономики характеризуется наличием совокупности негативных факторов (угроз), что предусматривает корректировку соответствующих механизмов муниципальной политики
Кризисный	0,39 – 0,2	выделенные угрозы представляют собой серьезные социально-экономические проблемы, для устранения которых необходимо внедрение дополнительных мер и мероприятий; данные территории требуют особого внимания со стороны вышестоящих органов власти
Критический	0,19 – 0,0	глубина выявленных угроз требует активных действий со стороны региональных органов управления

Источник: составлено автором

Таблица 2

**Оценка угроз экономической безопасности муниципальных районов
Хабаровского края**

Муниципальные районы	Y ₁	Y ₂	Y ₃	Y ₄	Y ₅	Y ₆	Y ₇	Y ₈	Y ₉
Амурский	0,22	0,74	0,06	0,06	0,10	0,91	0,37	0,24	0,54
	кризисный	выше среднего	критический	критический	критический	высокий	кризисный	критический	средний
Аяно-Майский	0,33	0,86	0,63	0,53	0,00	0,73	0,49	1,00	0,28
	кризисный	высокий	выше среднего	средний	критический	выше среднего	средний	высокий	кризисный
Бикинский	0,05	0,89	0,01	0,01	0,00	0,59	0,26	0,02	0,86
	критический	высокий	критический	критический	критический	средний	кризис	критический	высокий
Ванинский	0,43	0,76	0,54	0,53	0,27	1,0	0,31	0,33	0,8
	средний	выше среднего	средний	средний	критический	высокий	кризисный	кризисный	кризисный
Верхнебуреинский	0,08	0,66	0,31	0,31	0,36	0,81	0,76	0,33	0,74
	критический	выше среднего	кризисный	кризисный	кризисный	высокий	выше среднего	кризисный	выше среднего
Вяземский	0,33	0,44	0,00	0,00	0,08	0,19	0,22	0,00	0,48
	кризисный	средний	критический	критический	критический	критический	кризисный	критический	средний
Комсомольский	1,00	0,53	0,68	0,68	0,15	0,70	0,00	0,25	1,00
	высокий	средний	выше среднего	выше среднего	критический	выше среднего	критический	кризисный	высокий
Им. Лазо	0,38	0,66	0,01	0,01	0,53	0,11	0,49	0,02	0,64
	кризисный	выше среднего	критический	критический	выше среднего	критический	средний	критический	выше среднего
Нанайский	0,85	0,33	0,06	0,01	0,54	0,80	0,03	0,08	0,58
	высокий	кризисный	критический	критический	средний	высокий	критический	критический	средний
Николаевский	0,26	0,6	0,09	0,06	0,11	0,81	0,85	0,28	0,52
	кризисный	выше среднего	критический	критический	критический	высокий	высокий	кризисный	средний
Охотский	0,00	0,76	1,00	0,09	0,00	0,59	1,00	0,44	0,38
	критический	выше среднего	высокий	критический	критический	средний	высокий	средний	кризисный
Им. П. Осипенко	0,19	0,00	0,02	1,00	0,02	0,28	0,32	0,09	0,66
	критический	критический	критический	высокий	критический	кризисный	кризисный	критический	выше среднего
Советско-Гаванский	0,36	0,51	0,52	0,52	0,59	0,91	0,44	0,52	0,6
	кризисный	средний	средний	средний	средний	высокий	средний	средний	средний
Солнечный	0,09	0,26	0,02	0,01	1,00	0,60	0,21	0,14	0,54
	критический	кризисный	критический	критический	высокий	выше среднего	кризисный	критический	средний
Туруго-Чумиканский	0,26	0,00	0,13	0,13	0,00	0,82	0,00	0,17	0,31
	кризисный	критический	критический	критический	критический	высокий	критический	критический	кризисный
Ульчский	0,03	0,15	0,24	0,24	1,00	0,00	0,39	0,13	0,00
	критический	критический	кризисный	кризисный	высокий	критический	кризисный	критический	критический
Хабаровский	0,11	1,00	0,12	0,21	0,42	0,80	0,23	0,20	0,84
	критический	высокий	критический	кризисный	средний	высокий	кризисный	критический	высокий

Источник: рассчитано автором по данным: Социально-экономическая ситуация в городских округах и муниципальных районах Хабаровского края: статистический бюллетень 2020г.

районах характеризуется как кризисная или даже критическая ($0,00 \leq Y_{in} \leq 0,39$). Наряду с этим, межтерриториальная сравнительная оценка других показателей свидетельствует об отсутствии угроз на территории конкретного района ($1,00 \leq Y_{in} \leq 0,79$). Существующая асимметрия в уровне различных параметров территории отражает неустойчивость их социально-экономического состояния.

Рейтинг муниципальных районов Хабаровского края по уровню экономической безопасности был сформирован по результатам рассчитанных значений интегральных индексов. Из таблицы 3 видно, что среди муниципальных районов Хабаровского края отсутствуют территории с высоким уровнем экономической безопасности. Лидирующие позиции в рейтинге занимают районы со средним уровнем экономической безопасности ($0,59 \leq I_n \leq 0,4$). Среди районов-лидеров – территории, которые либо прилегают к городским округам региона (Комсо-

мольский, Хабаровский), либо выступают «точками» экономического роста региона (Ванинский, Советско-Гаванский, Охотский).

Для большинства муниципальных районов Хабаровского края уровень экономической безопасности ниже среднего, что свидетельствует о наличии на их территории серьезных социально-экономических проблем. Данные территории требуют не только соответствующей корректировки основных механизмов муниципальной экономической политики, но и особого внимания со стороны региональных органов власти. Уровень экономической безопасности Вяземского района находится на критическом уровне, что предусматривает разработку комплекса мероприятий, направленных на повышение комплексного социально-экономического состояния территории.

Таким образом, предложенная методика позволяет осуществлять пространственно-динамический анализ

Таблица 3

Рейтинг муниципальных районов Хабаровского края по уровню экономической безопасности

Муниципальный район	Интегральный индекс экономической безопасности (I_n)	Уровень ЭБ	Место в рейтинге
Комсомольский	0,56	средний	1
Ванинский	0,55	средний	2
Советско-Гаванский	0,53	средний	3
Верхнебуреинский	0,46	средний	4
Охотский	0,45	средний	5
Аяно-Майский	0,42	средний	6
Хабаровский	0,40	средний	7
Николаевский	0,39	кризисный	8
Нанайский	0,37	кризисный	9
Амурский	0,36	кризисный	10
Им. Лазо	0,33	кризисный	11
Солнечный	0,32	кризисный	12
Бикинский	0,29	кризисный	13
Им. П. Осипенко	0,28	кризисный	14
Ульчский	0,24	кризисный	15
Тугуро-Чумиканский	0,20	кризисный	16
Вяземский	0,19	критический	17

Источник: составлено автором

экономической безопасности муниципальных образований региона и выявить основные проблемные зоны, характерные для исследуемых территорий.

Формирование рейтинга позволяет также наглядно представить степень межтерриториальной дифференциации в регионе.

Список источников:

1. Демидов Я. П. Теория и практика современного рейтингования: критические заметки // *Экономический анализ: теория и практика*. 2013. 8(311). С. 14–19.
2. Логинова В. А., Мурашова Е. В. Особенности рейтинговой оценки конкурентоспособности территориальных экономических систем (на примере муниципальных образований) // *Вестник ТОГУ*. 2011. № 2 (21). С. 165–174
3. Полякова И. А., Полякова Е. М., Иващенко Ю. И. Сравнительный анализ территориальных различий на основе обобщенной рейтинговой оценки // *Учет и статистика*. 2017. №2 (46). С. 55–62.
4. Попова В. Б. Пантюхина Т. С. О методических подходах к оценке дифференциации уровня социально-экономического развития регионов // *Актуальные вопросы совершенствования бухгалтерского учета, статистики и налогообложения: материалы VII международной научно-практической конференции 15 февраля 2018 года*. Т.2. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 2018. С. 248–255.
5. Попова В. Б., Ушакова И. Н. Рейтинговая оценка социально-экономического развития регионов // *Социально-экономическое развитие России и регионов в цифрах статистики: Материалы V международной научно-практической конференции*. В 2-х томах, Тамбов, 14 декабря 2018 года. Тамбов: Издательский дом «Державинский». 2019. С. 46–52.
6. Сюпова М. С. Угрозы и индикаторы муниципальной экономической безопасности // *Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ»*. 2020. Том 11. № 2. С. 160–165 URL: https://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2020/TGU_11_74.pdf
7. Сюпова М.С. Основные подходы к оценке экономической безопасности муниципальных образований // *Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ»* 2021. Том 12. № 1. С. 255–259 URL: https://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2021/TGU_12_42_1.pdf
8. Устюжина О. Н. Методические основы разработки рейтинга социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // *Вестник АГТУ. Серия: Экономика*. 2013. №2. С. 79–84.
9. Чистопольская Е. В., Щербань Е. Г. Формирование методики рейтинговой оценки комплексного социально-экономического развития муниципальных образований региона // *Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/e/n/formirovanie-metodiki-reytingovoy-otsenki-kompleksnogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-munitsipalnyh-obrazovaniy-regiona>.
10. Шогенов Б. А., Купова М. К., Жамурзаева Д. М. Социально-экономический мониторинг с рейтинговой оценкой состояния и развития муниципальных образований региона // *Региональная экономика: теория и практика*. 2012. 44(275). С. 21–27.

References:

1. Demidov Y. P. Theory and practice of modern rating: critical notes *Ekonomicheskiiy analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 2013, 8 (311), pp. 14–19. (In Russian).
2. Loginova V. A., Murashova E. V. Features of the rating assessment of the competitiveness of territorial economic systems (on the example of municipalities) *Vestnik TOGU* [Bulletin of the TOGU], 2011, no.2(21), pp. 165–174. (In Russian).
3. Polyakova I. A., Polyakova E. M., Ivashchenko Yu. I. Comparative analysis of terri-

torial differences based on a generalized rating assessment *Uchet i statistika* Accounting and statistics, 2017, no. 2 (46), pp. 55–62. (In Russian).

4. Popova V. B. Pantyukhina T. S. On methodological approaches to assessing the differentiation of the level of socio-economic development of regions. Topical issues of improving accounting, statistics and taxation: materials of the VII International Scientific and Practical Conference on February 15, 2018, vol. 2. Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 2018. pp. 248–255. (In Russian).

5. Popova V. B., Ushakova I. N. Rating assessment of socio-economic development of regions. Socio-economic development of Russia and regions in statistics figures : Materials of the V International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes, Tambov, December 14, 2018. Tambov: Publishing House Derzhavinsky, 2019, pp. 46–52. (In Russian).

6. Syupova M. S. Threats and indicators of municipal economic security *Uchenyye zametki TOGU* [Scientific Notes of PNU], 2020, vol. 11, no. 2, pp. 160–165. URL: https://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2020/TGU_11_74.pdf (In Russian).

7. Syupova M.S. Basic approaches to assessing the economic security of municipalities *Uchenyye zametki TOGU* [Scientific Notes of PNU], 2021, vol. 12, no. 1, pp. 255–259. URL: https://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2021/TGU_12_42_1.pdf (In Russian).

8. Ustyuzhina ON Methodical bases of development of the rating of socio-economic development of the constituent entities of the Russian Federation *Vestnik AGTU. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of ASTU. Series: Economics], 2013, no. 2, pp. 79–84. (In Russian).

9. Chistopolskaya E. V., Shcherban E. G. Formation of the methodology of rating assessment of complex socio-economic development of municipalities of the region *Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Ekonomika. Upravleniye. Pravo* [Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Economy. Management. Right], 2018, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/e/n/formirovanie-metodiki-reytingovoy-otsenki-kompleksnogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-munitsipalnyh-obrazovaniy-regiona>. (In Russian).

10. Shogenov B. A., Kupova M. K., Zhamurzayeva D. M. Socio-economic monitoring with a rating assessment of the state and development of municipalities in the region *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 2012, 44(275), pp. 21–27. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 22.10.2021; одобрена после рецензирования 03.11.2021; принята к публикации 10.11.2021

The article was submitted 22.10.2021; approved after reviewing 03.11.2021; accepted for publication 10.11.2021.

Информация об авторе

М. С. Сюпова – канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Тихоокеанский государственный университет

Information about the author

M. S. Syupova – Candidate of Economic, Associate Professor, the chair of economic and national economic, The Pacific State University

Научная статья

УДК 314.15(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-82-98

Первые итоги реализации национального проекта «Демография» в Хабаровском крае

Галина Николаевна Строева¹, Елизавета Николаевна Телушкина²

^{1,2}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹gstro@mail.ru

²liztel@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются первые итоги реализации национального проекта «Демография» в Хабаровском крае, проведен анализ степени соответствия планируемых и фактически достигнутых показателей. Оценка современной ситуации в сфере демографического развития в Хабаровском крае обуславливает важность реализации данного проекта. Для Хабаровского края вопросы воспроизводства населения соответствующего количества и качества стоят в числе первоочередных и актуальность их только возрастает со временем. Из-за высокой смертности населения трудоспособного возраста и оттока трудоспособного населения в другие регионы страны экономика Хабаровского края развивается недостаточно быстрыми темпами. Снижению естественного прироста населения способствует и устойчивая тенденция сокращения численности женщин репродуктивного возраста. Национальный проект «Демография» должен обеспечить сохранение населения. Выявлен ряд проблем, которые не позволяют сделать национальные проекты эффективным инструментом государственного управления. Так, в паспортах федеральных и региональных проектов (в редакции 2020 г.) не указаны их цели, а предложенные показатели не позволяют однозначно оценить степень достижения национальных целей. Реалистичность и обоснованность контрольных цифр вызывают сомнения. В федеральных и региональных проектах по одинаковым направлениям используются различные по составу и числу наборы показателей. Анализ выявленных проблем реализации национального проекта «Демография» требует разработки и обоснования дополнительных мероприятий как на федеральном, так и на региональном уровнях, подкрепленных соответствующим финансированием из федерального бюджета. Даны предложения по совершенствованию методики разработки проектов в сфере демографического развития.

Ключевые слова: демография, регион, национальный проект, федеральный проект, региональный проект, государственная программа, уровень жизни

Для цитирования: Строева Г. Н., Телушкина Е. Н. Первые итоги реализации национального проекта «Демография» в Хабаровском крае // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 82–98. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-82-98>

First results of implementation of the national project «Demography» in the Khabarovsk territory

Galina N. Stroevea¹

Elizaveta N. Telushkina²

^{1,2}The Pacific State University, Khabarovsk, Russia

¹gstro@mail.ru

²liztel@rambler.ru

Abstract. *The article discusses the first results of implementation of the national project «Demography» in the Khabarovsk territory, analyzes the degree of compliance of the planned and actually achieved indicators. Assessment of the current situation in the field of demographic development in the Khabarovsk territory determines the importance of implementation of this project. For the Khabarovsk territory, the issues of reproduction of the population of the appropriate quantity and quality are among the top priorities and their relevance only increases with time. Due to the high mortality rate of the working-age population and the outflow of working-age population to other regions of the country, the economy of the Khabarovsk territory is not developing fast enough. The steady decline in the number of women of reproductive age also contributes to the decrease in natural population growth. The national project «Demography» should ensure the preservation of the population. A number of problems have been identified that do not allow making national projects an effective tool of public administration. Thus, the passports of federal and regional projects, as amended in 2020, do not specify their goals, and the proposed indicators do not allow us to unambiguously assess the degree of achievement of national goals. The realism and validity of the control figures are questionable. Federal and regional projects in the same areas use different sets of indicators in terms of composition and number. The analysis of the identified problems in the implementation of the national project «Demography» requires the development and justification of additional measures, both at the federal and regional levels, supported by appropriate funding from the federal budget. Suggestions are given to improve the methodology for developing projects in the field of demographic development.*

Keywords: *demography, region, national project, federal project, regional project, state program, standard of living*

For citation: Stroevea G. N., Telushkina E. N. First results of implementation of the national project «Demography» in the Khabarovsk territory // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 82–98. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-82-98>

Введение. Современная Россия – это страна, обладающая самой большой территорией в мире, но находящаяся только на девятом месте среди всех стран мира по численности населения. По данным Росстата, начиная с 1991 г., численность населения страны в результате естественной убыли сократилась на 14 569,8 тыс. человек. В течение многих лет эти потери населения перекрывались за счет прироста

мигрантов, а в 2013–2015 г. даже имел место естественный прирост населения, составивший за три года всего 86 387 человек. В основном благодаря миграционному приросту численность населения России течение 2010–2017 гг. хотя и незначительно, но росла. За последние три года численность постоянного населения страны сократилось на 709,5 тыс. человек¹. Остановить процесс дальнейшего

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели 2002, 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>

сокращения численности населения и наращивать собственный человеческий потенциал страны можно только путем принятия действенных мер по увеличению рождаемости и снижению смертности населения.

С целью преодоления демографического кризиса 09.10.2007 г. Указом Президента РФ № 1351 была утверждена «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». В этом документе сформулированы основные причины неблагоприятной демографической ситуации в стране, определены цели и задачи демографической политики России. Указом Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. обозначены национальные цели до 2024 г., в том числе и в области демографического развития страны². Достижение национальных целей должно обеспечиваться путем реализации национальных проектов, один из которых «Демография».

Российские регионы из-за различий в экономико-географическом положении и уровне социально-экономического развития находятся в разных стартовых условиях и имеют различные возможности по достижению целевых показателей национальных проектов. У субъектов РФ есть возможности вносить в национальные проекты детализированные корректировки, учитывающие региональные особенности [Костюков, Свечинская, 2020. С. 133]. Поэтому очень важно проводить постоянный мониторинг реализации нацпроектов и государственных программ в регионах.

Различные аспекты разработки и реализации национальных проектов (далее – нацпроект или НП), федеральных проектов (далее – ФП), региональных проектов (далее – РП) и государственных программ (далее – ГП) в Российской Федерации находят отражение в научной литературе. О значимости национальных проектов как инструмента управления экономикой и социальной сферой, а также об особенностях формирования и реализации регионального «среза» на-

ционального проектирования говорится в работе Бухвальда Е. М. и Иванова О. Б. Авторы отмечают, что одни регионы разрабатывают региональные проекты, полностью воспроизводя структуру федеральных проектов. В других регионах полной «проекции» федеральных проектов на региональный уровень нет, их участие в проектной деятельности носит селективный характер [Бухвальд, Иванов, 2019. С. 45].

О важности точности определения стартовых значений целевых показателей при разработке нацпроектов для обеспечения достижения запланированных значений говорится в работе Романова В. Г. и Романовой И. В. Авторы считают, что при сложившейся практике определения стартовых позиций повысить значение суммарного коэффициента рождаемости до установленного в нацпроекте уровня 1,7‰ будет крайне сложно [Романов, Романова, 2019. С. 81]. Анализ методологических и организационных недостатков разработки национальных проектов проведен сотрудниками института народнохозяйственного прогнозирования РАН [Бондарева, Комков, 2019. С. 369–379].

Ряд работ посвящен оценке первых итогов и анализу особенностей реализации нацпроекта «Демография» в субъектах РФ [Позубенкова, 2020; Костюков, Свечинская, 2020].

Цель данной работы – провести анализ реализации нацпроекта «Демография» в Хабаровском крае за 2019–2020 гг., оценить его влияние на изменение демографической ситуации в регионе.

При выполнении исследования использовались методы системного и сравнительного анализа.

Информационная база. Указом Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. были обозначены национальные цели демографического развития страны до 2024 г. (обеспечить устойчивый естественный рост численности населения и повысить ожидаемую продолжительность жизни до 78 лет) и целевые индикаторы (ожидаемая продолжительность

² «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

здоровой жизни – 67 лет; суммарный коэффициент рождаемости – 1,7 рождений на одну женщину)³.

Однако уже через год после начала реализации нацпроектов стало понятно, что поставленных целей вряд ли удастся достигнуть к 2024 г. Поэтому 21.07.2020 Президентом РФ был подписан новый Указ, в котором в качестве одной из национальных целей развития страны до 2030 г. определено сохранение населения, здоровье и благополучие людей. Для оценки достижения данной цели установлены следующие показатели: устойчивый рост численности населения РФ; ожидаемая продолжительность жизни (78 лет); доля граждан систематически занимающихся физической культурой и спортом (70%); снижение уровня бедности по сравнению с показателем 2017 г. в два раза⁴.

Цели и задачи нацпроектов выполняются через реализацию федеральных и региональных проектов. В свою очередь, федеральные и региональные проекты реализуются как составляющие части государственных программ. Причем, очень часто реализация одного проекта проходит в рамках нескольких программ. Это объясняется тем, что государственные программы разрабатываются по отраслевому принципу, а национальные проекты призваны решать вполне определенные, четко обозначенные цели. К числу таких проектов относится и нацпроект «Демография», мероприятия которого реализуются в рамках государственных программ развития социальной сферы, здравоохранения, образования, физической культуры и спорта, развития рынка труда [Ярёменко, 2019. С. 35–36].

Нацпроект «Демография» включает пять федеральных проектов: «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости», «Старшее поколение», «Укрепление общественного здоровья», «Спорт – норма жизни». Боль-

шинство регионов реализуют региональные проекты по этим пяти направлениям. В Хабаровском крае названия региональных проектов полностью соответствуют названиям федеральных проектов.

Демографическая ситуация в Хабаровском крае. На протяжении многих десятилетий демографическая ситуация в Хабаровском крае также как и в других субъектах РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ, продолжает оставаться достаточно сложной. За десять лет, прошедших с 2010 г., численность населения края сократилась на 47 760 человек (с 1 342 887 человек на начало 2011 г. до 1 301 127 человек на начало 2021 г.). В течение 2012–2016 гг. в регионе происходил естественный прирост населения, однако его величина была значительно меньше миграционной убыли населения.

Величина суммарного коэффициента рождаемости в Хабаровском крае на протяжении всех десяти лет была, хотя и незначительно, но выше, чем в среднем по стране, и ниже, чем в среднем по Дальневосточному федеральному округу. Рост данного показателя отмечался до 2015 г., когда было достигнуто его максимальное значение (1,85 детей на одну женщину). Для сравнения, в среднем по России в 2015 г. родилось 1,78 детей на одну женщину, а по ДФО – 1,89. Начиная с 2016 г. значение суммарного коэффициента рождаемости стало сокращаться и в 2020 г. всего на 0,02 превысило уровень 2011 г. (табл. 1).

В течение 2011–2018 гг. для Хабаровского края было характерно стабильное снижение численности умерших (с 19 509 чел. в 2011 г. до 17 005 чел. в 2018 г.). Но в 2019 г. в крае умерло 17 551 человек, в 2020 г. – 20 448 человек⁵. Значения общих коэффициентов рождаемости и смертности в крае хуже среднероссийских показателей. Особую озабоченность вызывает

³ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 25.11.2021).

⁴ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/63714.html/> (дата обращения 25.11.2021).

⁵ Рождаемость, смертность и естественный прирост населения. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31617> (дата обращения 25.11.2021).

смертность населения трудоспособного возраста. Сокращение численности населения трудоспособного возраста приводит к возникновению дефицита рабочей силы, что, в свою очередь, является фактором, сдерживающим экономическое развитие региона. Несмотря на существенное сокращение смертности населения трудоспособного возраста с 2011 г. по 2018 г. его величина превышала средние значения по России и ДФО. Коронавирусная инфекция COVID-19 стала основной причиной резкого увеличения смертности населения в 2020 г.

Основная причина сокращения численности населения Хабаровского края – миграционный отток жителей края в

другие регионы страны и зарубежные страны [Грицко, Поливаева, 2020. С. 50]. Миграционный прирост населения имел место лишь однажды (в 2011 г.). Минимальные потери края в миграционном обмене составили в 2012 г. (каждые 10 000 населения сократились на 4 человека), максимальные – в 2018 г. (на 37 человек сократились каждые 10 000 населения).

В миграционном обмене с другими регионами страны Хабаровский край постоянно теряет свое население. В течение всего анализируемого периода регион ни разу не имел миграционного прироста населения за счет межрегиональной миграции. По величине коэффициента межрегионального миграционного прироста

Таблица 1

**Показатели изменения численности населения Хабаровского края
в 2011–2020 гг., человек**

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Абсолютное изменение	-412	-392	-2171	-1607	-3753	-1258	-4992	-6829	-5830	-14516
Естественный прирост	-2254	139	804	928	1174	328	-1302	-1898	-3119	-7162
Миграционный прирост	1842	-531	-2975	-2535	-4927	-1586	-3690	-4931	-2711	-7354
Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину)	1,57	1,7	1,74	1,79	1,85	1,78	1,64	1,6	1,59	1,59
Коэффициент межрегионального миграционного прироста, на 10000 населения	-0,5	-35,5	-19,7	-43,8	-51,2	-33,4	-31,2	-31,5	-24,8	-40,7
Смертность населения трудоспособного возраста, на 100000 чел.	791,3	718,9	669,9	689,4	648,8	645,4	603,3	600,2	607,1	647,6
Общий коэффициент смертности, ‰	14,5	13,6	13,3	13,3	13,4	13,1	13,0	12,8	13,3	15,6
Общий коэффициент рождаемости, ‰	12,9	13,8	13,9	14,0	14,3	13,4	12,0	11,4	10,9	10,6

Источник: составлено авторами⁶

⁶ Бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283>; Коэффициент межрегиональной (внутренней) миграции на 10000 населения. Витрина статистических данных URL: <https://showdata.gks.ru/report/274822/>; Суммарный коэффициент рождаемости. ЕМИСС: URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517>. Смертность населения трудоспособного возраста (на 100 тыс. населения) ЕМИСС: URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59267> (дата обращения 30.11.2021).

населения (Кмпр), исчисляемого отношением межрегионального миграционного прироста к среднегодовой численности населения, все регионы страны могут быть разделены на 6 групп: активные, умеренные и слабые реципиенты (3 группы) или доноры (3 группы) [Кельник, 2008. С. 41]. Хабаровский край по величине данного коэффициента, рассчитанного на 10 000 населения, в течение восьми лет входил в группу регионов «слабые доноры» ($-43 < \text{Кмпр} \leq 0$), а в 2014 и 2015 гг. – в группу «умеренные доноры» ($-86 < \text{Кмпр} \leq -43$).

Потери населения края в межрегиональном обмене частично компенсируются за счет притока мигрантов из зарубежных стран, преимущественно из стран СНГ. Увеличению притока мигрантов из стран СНГ в определенной степени способствовала реализация государственной программы «Оказание содействия добровольному переселению в Хабаровский край соотечественников, проживающих за рубежом»⁷. Отрицательное сальдо международной миграции Хабаровский край имел в 2013 г. (-337 человек), 2018 г. (-761 человек) и 2020 г. (-2 032 человек). Введение карантинных мер в связи с COVID-19 стало основной причиной потерь населения региона в международном обмене.

Возможности территории к воспроизводству населения во многом определяются гендерной структурой населения и численностью женщин репродуктивного возраста. В зависимости от способности женского организма к деторождению в возрастном цикле женщин выделяют репродуктивный период, когда у них рождается наибольшее число детей. Всемирная организация здравоохранения таким периодом считает возраст от 15 до 55 лет, в российской статистической практике это период – от 15 до 49 лет.

Гендерная структура населения Ха-

баровского края отличается неоднородностью по разным возрастным группам. Если для всего населения края в целом характерно преобладание женского населения над мужским (в среднем за 10 лет на 1 000 мужчин приходилось 1 098 женщин), то в возрастной группе 15-49 лет отмечается перевес мужского населения над женским (на 1 000 женщин приходилось в среднем 1 073 мужчины).

Динамика численности мужчин и женщин репродуктивного возраста характеризуется устойчивой тенденцией сокращения. При этом ежегодные темпы сокращения численности женщин данного возраста в Хабаровском крае превышают темпы сокращения численности мужчин. За последние десять лет численность женщин в возрасте 15–49 лет сократилась на 41 135 чел. (с 350 080 на 01.01.2012 г. до 308 945 на 01.01.2021 г.), а мужчин – на 35 458 чел. (с 369 752 на 01.01.2012 г. до 334 294 на 01.01.2021 г.). Численность женщин 25–29 лет уменьшилась на 33,5% (с 58 622 на 01.01.2012 г. до 39 003 на 01.01.2021 г.)⁸.

За 2019 г. численность женщин 15–49 лет сократилась на 3 794 человек, а за 2020 г. – на 5 727 человек. Основная причина такого сокращения численности женщин – миграция. За 2020 г. край потерял в миграционном обмене с другими регионами России и зарубежными странами 3 435 женщин (1 999 из них в возрасте 15–49 лет), а за 2019 г. – 1 896 женщину (1 025 из них в возрасте 15–49 лет). Важно отметить, что в миграционной убыли женщин в течение этих двух лет преобладают женщины 15–49 лет. Их доля от общей убыли женщин в результате миграции составила 54,06% в 2019 г. и 58,20% в 2020 г.⁹

Самым репродуктивным возрастом у женщин Хабаровского края является возраст от 25 до 34 лет. Наибольший вклад

⁷ О государственной программе Хабаровского края «Оказание содействия добровольному переселению в Хабаровский край соотечественников, проживающих за рубежом»: постановление Правительства Хабаровского края от 25 октября 2013 г. N 355-пр. URL: <https://www.khabkrai.ru/khabarovsk-krai/Proekty/Gosudarstvennye-celevye-programmy/51198> (дата обращения 30.11.2021).

⁸ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения 30.11.2021).

⁹ Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения. Витрина статистических данных. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения 30.11.2021).

в общую рождаемость вносят женщины 25–29 лет. В течение последнего десятилетия отмечается снижение рождаемости у женщин 15–25 лет. Наибольшее значение суммарного коэффициента рождаемости было достигнуто в 2015 г. (1,85 рождений на одну женщину), тогда же отмечается всплеск рождаемости у женщин трех возрастных групп, вошедших в интервал от 25 до 39 лет (рис. 1).

В Хабаровском крае также, как и в других регионах России, наблюдается постепенное смещение возраста, в котором происходят первые роды, в сторону увеличения. Еще в начале 90-х годов прошлого века женщины, рожавшие первого ребенка в возрасте старше 24 лет, официальная медицина считала старородящими, затем так стали называть женщин старше 28 лет. Сейчас используется термин «возрастные первородящие», таковыми считают женщин старше 35 лет. Трансформация репродуктивного поведения российских женщин объясняется изменениями жизненных целей и установок. У современных молодых женщин доминируют такие ценности, как получение образования, самореализация, карьерный рост, материальное благополучие, путешествия и многое другое. Поэтому рождение детей переносится на более позднее время.

Сокращение численности женщин активного детородного возраста названо в отчетах о реализации региональных проектов Хабаровского края в качестве причины недостижения запланированных значений показателей рождаемости в 2019 и 2020 гг. (табл. 2).

Величина возрастных коэффициентов рождаемости определяется двумя параметрами: численностью женщин детородного возраста и числом родившихся живыми. В течение первых пяти лет анализируемого периода число родившихся живыми в Хабаровском крае постепенно росло (с 17 255 чел. в 2011 г. до 19 085 чел. в 2015 г.), а затем с 2016 г. начался устойчивый процесс снижения величины данного показателя (в среднем на 6,3% ежегодно). Численность женщин детородного возраста в течение всех 10 лет сокращалась ежегодно в среднем на 1,38%. Число родившихся в 2019 г. снизилось на 4,5%, в 2020 г. – на 4,3%, женщин 15–49 лет за это время стало меньше на 1,2 и 1,5% соответственно. Темпы сокращения числа родившихся живыми опережают темпы снижения численности женщин. А в 2012–2015 гг. число родившихся росло при уменьшении численности женщин. Если вспомнить, что возрастные коэффициенты рождаемости исчисляются отношением числа родив-

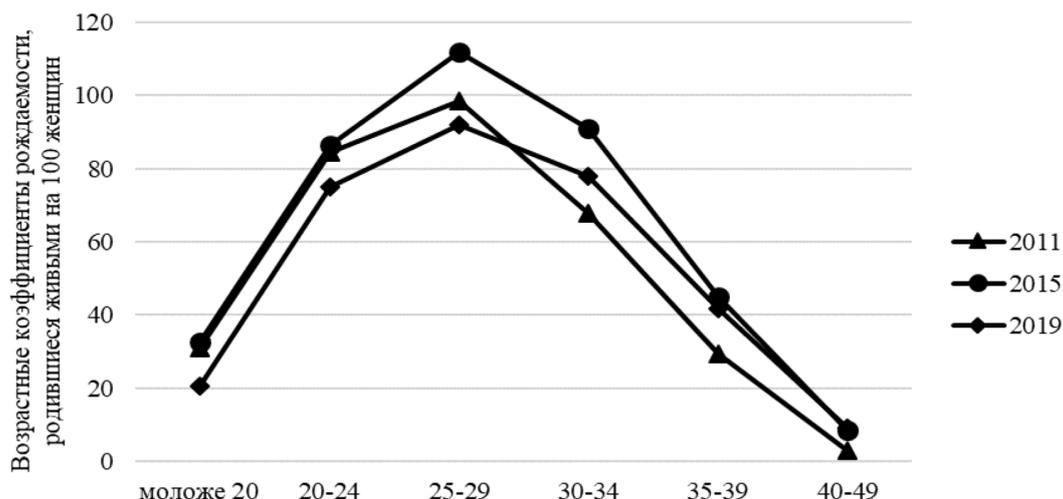

Рис. 1. Возрастные коэффициенты рождаемости в Хабаровском крае в 2011, 2015 и 2019 гг.¹⁰

¹⁰ Построено по: Хабаровский край. Статистический ежегодник. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/66942> (дата обращения 30.11.2021).

шихся у женщин определенной возрастной группы к среднегодовой численности женщин этой группы, то напрашивается вывод: основная причина недостижимости проектных показателей – снижение числа родившихся живыми.

На величину показателя «число родившихся живыми» оказывают влияние различные факторы. К основным из них можно отнести состояние репродуктивного здоровья женщин и мужчин, прерывание беременности, качество работы родовспомогательных учреждений. Бесплодие женщин и мужчин – это серьезная медико-демографическая проблема, с ко-

торой в разной степени столкнулись все регионы России.

Для оценки качества работы родовспомогательных учреждений используются показатели материнской и перинатальной смертности. Показатель материнской смертности дает представление о том, сколько женщин умирает от осложнений беременности, родов и послеродового периода. Коэффициент перинатальной смертности характеризует долю мертворожденных и умерших в возрасте до 7 дней в общей численности всех родившихся.

Одна из основных причин женского

Таблица 2

**Показатели регионального проекта Хабаровского края
«Финансовая поддержка семей при рождении детей»**

Показатель	2019			2020		
	план	факт	% выполнения	план	факт	% выполнения
1. Реализация РП в рамках ГП «Развитие социальной защиты населения Хабаровского края»¹¹						
1. Коэффициент рождаемости в возрастной группе 25–29 лет (число родившихся на 1 000 женщин соответствующего возраста)	97,8	92,05	94,12	94,0	90,3	96,06
2. Коэффициент рождаемости в возрастной группе 30–34 года (число родившихся на 1 000 женщин соответствующего возраста)	86,2	77,94	90,42	80,30	72,80	90,66
3. Суммарный коэффициент рождаемости, число детей, рожденных одной женщиной на протяжении всего репродуктивного периода (15–49 лет) (единиц)	1,87	1,587	84,86	1,616	1,546	95,67
Реализация РП в рамках ГП «Развитие здравоохранения Хабаровского края»¹²						
1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	69,63	70,28	100,93	72,2	69,96	96,89
2. Количество циклов экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), выполненных семьям, страдающим бесплодием, за счет средств базовой программы обязательного медицинского страхования, тыс. человек*	0,9	1,329	147,7	1,3	1,3	103,6

*РП «Поддержка семей с детьми» предусмотрено проведение 1300 циклов ЭКО. В 2020 г. в ГП количество циклов ЭКО приведено в соответствии с РП.

¹¹ Отчет о ходе реализации программы «Развитие социальной защиты населения Хабаровского края» за 2019 год, 2020 год URL: <https://www.khabkrai.ru/khabarovsk-krai/Proekty/Gosudarstvennyye-celevyye-programmy/168> (дата обращения 30.11.2021).

¹² Отчет о ходе реализации программы «Развитие здравоохранения Хабаровского края» за 2019 год, 2020 год URL: <https://www.khabkrai.ru/khabarovsk-krai/Proekty/Gosudarstvennyye-celevyye-programmy/164> (дата обращения 30.11.2021).

бесплодия – аборты. Несмотря на то, что в течение последних шести лет общее число абортот сократилось, на каждые 100 родов в Хабаровском крае приходилось в среднем 62 аборта. Это в 1,4 раза выше, чем среднем по России (табл. 3).

В последнее время во многих странах мира, в том числе и в России, получила распространение идеология чайлдфри. Приверженцы данной идеологии заявляют о своей неготовности к рождению детей.

Простое воспроизводство населения территории возможно только при условии, что величина суммарного коэффициента рождаемости составит 2,15 детей на 1 женщину. Достичь такого значения коэффициента возможно только путем кратного увеличения числа многодетных семей.

Число нетрудоспособных членов семьи, в первую очередь тех, кто не участвует в формировании семейного дохода, относится к факторам, дифференцирующим население по величине среднедушевых денежных доходов. Все выплаты социального характера, в том числе и пособия на детей, считаются факторами, нивелирующими разрыв в

доходах населения.

Уходя в декретный отпуск, женщины теряют около 60% своей заработной платы, так как размер пособия, выплачиваемого по уходу за ребенком до 1,5 лет, составляет 40% от среднего заработка. При этом на законодательном уровне установлен минимальный и максимальный размер данного пособия. До достижения ребенком трехлетнего возраста женщина получает ежемесячное пособие, размер которого равен прожиточному минимуму. Рождение второго и следующих детей приводит к еще большему снижению среднедушевого денежного дохода семьи.

Малообеспеченным семьям с детьми государством оказывается финансовая помощь. Размер социальных выплат семьям, имеющим детей, зависит от среднедушевого дохода семьи и величины прожиточного минимума, установленного в регионе. Выплаты материнского капитала оказывают влияние на решение семей о рождении второго и последующих детей и способствуют увеличению числа многодетных семей. На рис. 2 видно, что в Хабаровском крае стабильно сокраща-

Таблица 3

Показатели естественного движения населения Хабаровского края в 2011–2020 гг.

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Общий коэффициент брачности, на 1000 чел. населения	10,2	9,9	9,7	9,4	8,7	7,7	7,8	6,6	7,4	6,3
Общий коэффициент разводимости, на 1000 чел. населения	6	5,9	6,1	6,2	5,4	5,2	5,2	5	5,2	4,8
Материнская смертность, на 100000 родившихся живыми	5,8	5,4	10,7	5,3	21,0	5,6	6,3	6,6	6,9	14,5
Коэффициент перинатальной смертности, на 1000 родившихся живыми и мертвыми	10,19	12,90	11,95	9,25	9,51	11,21	11,52	7,37	7,36	6,84
Мертворожденные, на 1000 родившихся живыми и мертвыми	6,45	7,90	8,49	7,03	7,90	9,33	10,09	6,58	6,88	5,83
Число абортов на 100 родов	97	88	78	73	61	62	68	61	61	57

Источник: Естественное движение населения Российской Федерации – 2011–2020 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269>. Демографический ежегодник России 2019 URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 30.11.2021).

ется число рождений первенцев, их доля в общем числе родившихся сократилась с 42,6% в 2015 г. до 37,6% в 2018 г.

Среди малоимущего населения преобладают семьи с детьми до 18 лет. В Хабаровском крае их доля в 2015–2019 гг. превышала 73%. Максимальное значение составило 87,2% в 2019. Благодаря финансовой поддержке, оказываемой государством семьям с детьми, доля бедного населения в крае сократилась с 14,1% в 2015 г. до 12,0% в 2020 г. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в Хабаровском крае в среднем на 6,5 п.п. ниже, чем в среднем по ДФО, и на 0,1 п.п. ниже, чем в среднем по России.

Номинальные денежные доходы населения ежегодно растут, однако темпы роста реальных денежных доходов населения Хабаровского края отстают от темпов роста цен (табл. 4).

Выполнение основного мероприятия ГП «Развитие социальной защиты населения Хабаровского края» – «Реализация РП «Финансовая поддержка семей при рождении детей» – должно обеспечить соци-

альную и экономическую устойчивость семьи, снижение семейного неблагополучия, стимулирование рождаемости. В рамках данного мероприятия жителям края были осуществлены следующие выплаты¹³:

– ежемесячные денежные выплаты при рождении третьего ребенка или последующих детей получили 11 456 семей за 2019 г. (общая сумма 1 699,7 млн рублей) и 11 402 семьи за 2020 г. (общая сумма 1 832,7 млн рублей) (размер выплаты вырос с 14 158 до 15 248 рублей в месяц). План выполнен на 100%;

– ежемесячные денежные выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка получили 3 829 семей в 2019 г. (общая сумма 640,2 млн рублей) и 9 963 семьи в 2020 г. (общая сумма 1 546,8 млн рублей) (размер выплаты вырос с 14 051 до 15 181 рублей в месяц). План выполнен в полном объеме;

– единовременные денежные выплаты при рождении первого ребенка произведены на 4 095 детей в 2019 г. (сумма составила 112,17 млн рублей) и на 4 201 ребенка в 2020 г. (сумма составила

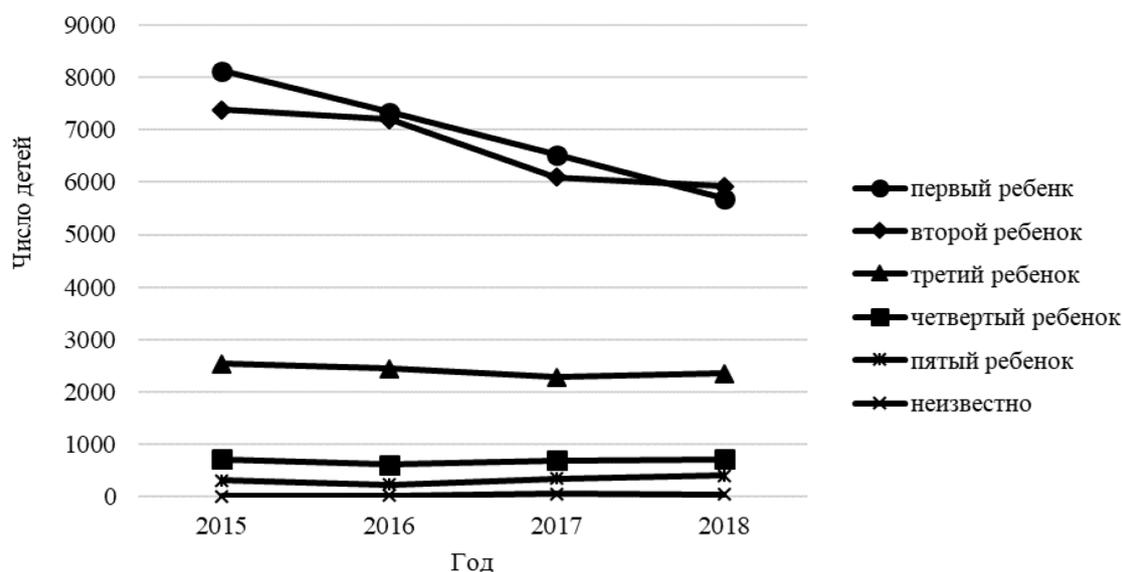

Рис. 2. Динамика родившихся живыми в Хабаровском крае по очередности рождения в 2015–2018 гг.¹⁴

¹³ Отчет о ходе реализации программы «Развитие социальной защиты населения Хабаровского края» за 2019 год, 2020 год URL: <https://www.khabkrai.ru/khabarovsk-krai/Proekty/Gosudarstvennye-celevye-programmy/168> (дата обращения 30.11.2021).

¹⁴ Построено по: Демографический ежегодник России 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения 30.11.2021).

Таблица 4

**Отдельные показатели уровня жизни населения Хабаровского края
в 2015–2020 гг.**

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	14,1	13,0	12,5	12,2	12,2	12,0
Реальные денежные доходы населения, в % к предыдущему году	97,4	95,5	97,8	101,5	100,7	96,2
Реальный размер назначенных пенсий, в % к предыдущему году	97,3	101,0	97,0**)	104,2	100,2	102,0
Индекс потребительских цен, %	113,1	106,1	102,6	104,0	104,2	104,9
Ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет*, руб.						
по уходу за первым ребенком	2718,3	2908,6	2908,6	3065,7	3142,4	3227,5
по уходу за вторым и последующими детьми	5436,7	5817,2	5817,2	6131,4	6284,7	6554,9

* Без районных коэффициентов.

** Не включая единовременную денежную выплату.

Источник: составлено авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели - 2020 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm. Социально-экономические индикаторы бедности в 2013-2020 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13293>. Хабаровский край. Статистический ежегодник. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/66942> (дата обращения 30.11.2021).

127,8 млн рублей) (размер выплаты вырос с 28 102 до 30 362 рублей). В 2019 г. неосвоенными остались 54,4 млн рублей, так как семьи, у которых дети родились в декабре 2019 г. решили оформить эту выплату в 2020 г. и получить ее в повышенном размере;

– средствами регионального (семейного) капитала распорядились 544 семьи в 2019 г. (размер капитала при рождении второго ребенка составил 135 907,8 рублей) и 1 228 семей в 2020 г. (размер капитала при рождении второго ребенка составил 184 985,1 рублей). Не были освоены 219,6 млн рублей.

Материальное благополучие семьи определяется занятостью супругов и размером получаемых ими доходов, поэтому очень важно, чтобы рынок труда обеспечивал предложение рабочих мест как для мужчин, так и для женщин [Зайцева, Гончарова, 2019. С. 980]. Уровень безработицы женщин в Хабаровском крае в

2015–2018 гг. был, хотя и незначительно, но ниже уровня безработицы мужчин, а в 2019 г. он составил 3,8%, как у мужчин, так и у женщин.

Благодаря реализации РП «Содействие занятости» уровень занятости женщин с детьми дошкольного возраста вырос с 72,6% в 2019 г. до 73% в 2020 г., однако запланированное значение в 73,5% не было достигнуто из-за приостановки деятельности значительной части предприятий и организаций, вызванной проведением противоэпидемических мероприятий. План по профессиональной подготовке и переобучению таких женщин в 2020 г. перевыполнен на 1,05%¹⁵.

Результатом реализации ГП «Развитие образования в Хабаровском крае» стало завершение в 2019 г. строительства четырех детских садов (три в г. Хабаровск и один п. Дормидонтовка Вяземского района). Это способствовало тому, что в 2020 г. дошкольное образование стало

¹⁵ Отчет о ходе реализации государственной программы Хабаровского края «Развитие рынка труда и содействие занятости населения Хабаровского края» в 2020 году. URL: <https://www.khabkrai.ru/khabarovsk-krai/Proekty/Gosudarstvennyye-celevye-programmy/171> (дата обращения 30.11.2021).

доступным для всех детей в возрасте от 1,5 до 3-х лет¹⁶.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении – это один из основных показателей, положенных в основу определения индекса человеческого развития – интегрального показателя, используемого для оценки уровня жизни населения. Долголетие населения определяется различными факторами: генетикой; уровнем развития здравоохранения; экологией и состоянием окружающей среды; уровнем образования, образом и стилем жизни, которые, в свою очередь, зависят от уровня благосостояния. Поэтому ожидаемая продолжительность жизни при рождении широко используется при проведении международных и межрегиональных сравнений, а также в стратегическом планировании социально-экономического развития территории [Шпакова, 2021. С. 168].

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Хабаровском крае стабильно увеличивалась до 2018 г. (с 66 лет в 2011 г. до 70,19 лет в 2018 г.). Но в 2019 г. она сократилась до 70,05 лет, а в 2020 г. составила только 68,61 лет. Величина данного показателя по России в среднем на 3 года выше, чем в Хабаровском крае, что отчасти можно объяснить стремлением жителей края, достигших пенсионного возраста, переехать в западные регионы страны с более благоприятными природно-климатическими условиями. Снижение продолжительности жизни населения в регионе также связано с коронавирусной инфекцией COVID-19, от которой умирают в первую очередь люди старших возрастных групп (около 80% от общего числа умерших от данного заболевания).

Одним из факторов, влияющих на продолжительность жизни человека, является образ жизни, который он ведет. Цель РП Хабаровского края «Укрепление общественного здоровья» – увеличить долю лиц, ведущих здоровый образ жизни.

Реализация данного проекта характеризуется низким уровнем достижимости целевых индикаторов. За два года на 100% был выполнен только показатель продаж алкогольной продукции на душу населения в 2019 г. Особую озабоченность вызывает недостижимость запланированных значений по показателям смертности женщин 16–54 лет (97% в 2019 г. и 88,6% в 2020 г.) и мужчин 16–59 лет (92,3% в 2019 г. и 82,5% в 2020 г.)¹⁷. Приостановление из-за пандемии проведения профилактических медицинских осмотров, позволявших выявлять на ранней стадии многие заболевания (в первую очередь онкологические и сердечно-сосудистой системы), стало одной из причин увеличения смертности населения.

В 2020 г. Хабаровский край вошел в число «пилотных» регионов, где реализуются мероприятия проекта «Укрепление общественного здоровья». Благодаря реализации данного проекта в крае создана система мониторинга структуры и качества питания жителей.

В числе мероприятий РП «Старшее поколение» – работа мобильных бригад для доставки пожилых сельских жителей на плановую диспансеризацию в районные поликлиники, медицинских работников на дом к пожилым гражданам, создание системы долговременного ухода за пожилыми гражданами и инвалидами. Такие конкретные мероприятия показывают жителям края важность и необходимость реализации национальных проектов, которые направлены на сохранение здоровья и благополучия граждан страны.

Изменения программных документов в 2020 г. Итоги реализации НП «Демография» в 2019 г. показали невозможность достижения многих целей и целевых показателей (в первую очередь увеличение естественного роста численности населения и суммарного коэффициента рождаемости), обозначенных в Указе Президента РФ № 204 от 7 мая

¹⁶ Отчет о ходе реализации государственной программы Хабаровского края «Развитие образования в Хабаровском крае» в 2019, 2020 году. URL: <https://minobr.khabkrai.ru/Programmy/289/Informaciya-ohode-ispolneniya> (дата обращения 30.11.2021).

¹⁷ Паспорт регионального проекта Хабаровского края «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек». URL: <https://np.khabkrai.ru/Proekty/Demografiya/RP-quot-Ukreplenie-obschestvennogo-zdorovya-quot>. ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59774> (дата обращения 05.12.2021).

2018 г. Поэтому 21.07.2020 г. Президентом РФ был подписан Указ № 474, в котором определены национальные цели развития России до 2030 г. и целевые показатели, характеризующие их достижение, а также дано указание Правительству РФ привести содержание национальных проектов в соответствие с поставленными целями. Число национальных целей сокращено с девяти до пяти, также изменены их формулировки.

Таблица 5 дает представление о различиях в формулировках целей и наборах целевых показателей в двух Указах Президента РФ и НП «Демография» в редакции 2018 и 2020 гг. Цель и целевые показатели НП «Демография» в редакции 2020 г. полностью приведены в соответствии с Указом Президента № 474 от 21.07.2020 г.

Несмотря на то, что региональные проекты Хабаровского края воспроизводят название и структуру федеральных проектов, формулировки целей и целевые индикаторы в них не совпадают. В паспорте НП «Демография» (2018 г.) были сформулированы 2 цели и 5 задач, выполнение которых обеспечивается путем реализации 5-ти федеральных проектов, разработанных под каждую задачу.

ФП «Финансовая поддержка семей при рождении детей» (2018 г.) направлен на выполнение задачи: «Внедрение механизмов финансовой поддержки семей при рождении детей», его цель – увеличить суммарный коэффициент рождаемости до 1,7. Цель аналогичного РП Хабаровского края, утвержденного Губернатором Хабаровского края 15 июля 2019 г., – увеличить суммарный коэффициент рождаемости (до 2,02 детей на 1 женщину в 2024 г.)¹⁸.

В Хабаровском крае региональный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей» вписан в структуру двух государственных программ «Развитие здравоохранения Хабаровского края» (ГП1) и «Развитие социальной защиты населения Хабаровского края» (ГП2).

Получить представление о различиях

в наборах целевых индикаторов национального проекта «Демография» (НП), федерального и регионального проектов «Финансовая поддержка семей при рождении детей» и государственных программ Хабаровского края, в рамках которых реализуется региональный проект, позволяет таблица 6.

В паспорте ФП «Укрепление общественного здоровья», утвержденного в 2018 г., изначально было предусмотрено изменение четырех из семи целевых показателей в процессе реализации проекта. Предполагалось заменить показатели розничных продаж табачной и алкогольной продукции на душу населения на относительные показатели, характеризующие распространенность потребления данных видов продукции среди населения; темп прироста первичной заболеваемости ожирением – на долю граждан с избыточной массой тела; обращаемость в медицинские организации по вопросам здорового образа жизни – на долю лиц, ведущих здоровый образ жизни. Однако в паспорте данного проекта в 2020 г. пока изменений не произошло. Очевидно это связано со сложностью методики расчета показателей.

Выводы и предложения. Динамика показателей естественного движения населения Хабаровского края говорит о том, что несмотря на реализацию нацпроекта «Демография» стабилизировать демографическую ситуацию в регионе пока не удалось.

Анализ паспортов федеральных проектов, приведенных в соответствии с Указом Президента № 474 от 21.07.2020 г., показал, что из их содержания исчезли формулировки целей проектов, также не обозначены задачи. Предложенные целевые показатели не позволяют эту цель сформулировать в явном виде.

Одна из важных проблем, которые встают перед разработчиками проектов, независимо от их уровня (национальный, федеральный или региональный), – проблема формулирования цели. Целью национального проекта должно стать

¹⁸Паспорт регионального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей», утвержденный Губернатором Хабаровского края 15 июля 2019 года. URL: <https://mszn.khabkrai.ru/Deyatelnost/Gosudarstvennye-programmy/Regionalnyj-proekt-quot-Finansovaya-podderzhka-semej-pri-rozhdenii-detej-quot-/868> (дата обращения 30.11.2021).

Таблица 5

Цели и показатели национального проекта «Демография» в 2018 и 2020 гг.

Цель	Целевой показатель	Цель	Целевой показатель
Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г.		Указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020 г.	
1. Обеспечить устойчивый естественный рост численности населения РФ 2. Повысить ожидаемую продолжительность жизни до 78 лет 3. Обеспечить устойчивый рост реальных доходов граждан, а также уровня пенсионного обеспечения выше темпа инфляции 4. Снизить в 2 раза уровень бедности	1. Повысить ожидаемую продолжительность здоровой жизни до 67 лет	Сохранение населения, здоровье и благополучие людей	1. Устойчивый рост численности населения РФ
	2. Увеличить суммарный коэффициент рождаемости до 1,7		2. Повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет
	3. Увеличить долю граждан, ведущих здоровый образ жизни		3. Увеличение доли граждан систематически занимающихся физической культурой и спортом до 70%
	4. Увеличить долю граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом до 55%		4. Снизить уровень бедности по сравнению с показателем 2017 г. в 2 раза
Паспорт НП «Демография» 2018 г. ¹⁹		Паспорт НП «Демография» 2020 г. ²⁰	
1. Увеличить ожидаемую продолжительность здоровой жизни до 67 лет	1. Снижение смертности населения старше трудоспособного возраста	Сохранение населения, здоровье и благополучие людей	1. Обеспечение устойчивого роста численности населения РФ
	2. Увеличить суммарный коэффициент рождаемости до 1,7 детей на 1 женщину		2. Повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет
2. Увеличить долю граждан, ведущих здоровый образ жизни	3. Обращаемость в медицинские организации по вопросам здорового образа жизни, тыс. чел.		3. Снижение уровня бедности по сравнению с показателем 2017 г. в 2 раза
	4. Число лиц, которым рекомендованы паспорта здоровья в центрах здоровья, млн чел.		4. Увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом до 70%
	5. Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, %		

Источник: составлено авторами.

¹⁹ Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 N 16). URL: <http://government.ru/info/35559/> (дата обращения 30.11.2021).

²⁰ Паспорт национального проекта «Демография». URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/editor/f4/a3/> (дата обращения 30.11.2021).

Таблица 6

Показатели НП «Демография», ФП и РП «Финансовая поддержка семей при рождении детей», ГП1 «Развитие здравоохранения Хабаровского края» и ГП2 «Развитие социальной защиты населения Хабаровского края»

Целевой индикатор	2018 г.					2020 г.				
	НП	ФП	РП	ГП1	ГП2	НП	ФП	РП	ГП1	ГП2
Коэффициенты рождаемости в возрастной группе 25-29 лет	-	+	+	-	+	-	-	+	-	-
Коэффициенты рождаемости в возрастной группе 30-34 года	-	+	+	-	+	-	-	+	-	-
Суммарный коэффициент рождаемости вторых детей	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-
Суммарный коэффициент рождаемости третьих и последующих детей	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-
Коэффициент рождаемости в возрасте 35-39 лет	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-
Суммарный коэффициент рождаемости	+	+	+	-	-	-	-	+	-	-
Количество циклов экстракорпорального оплодотворения, выполненных семьям, страдающим бесплодием, за счет средств базовой программы обязательного медицинского страхования, тыс. чел.	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-
Доля семей с детьми, персонально проинформированных о возникновении прав на получение мер социальной поддержки, от выразивших согласие на получение проактивного уведомления или обратившихся посредством посещений, %	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
Доля семей с детьми, получивших меры социальной поддержки на основании заявления или проактивно, %	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
Доля семей с детьми, получивших государственный сертификат на материнский (семейный) капитал, %	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-
Численность семей с детьми, охваченных мерами социальной поддержки, тысяч семей	-	-	-	-	-	+	+	-	-	-
Количество семей с тремя и более детьми, получивших ежемесячную денежную выплату, назначаемую в случае рождения третьего ребенка или последующих детей до достижения ребенком возраста 3 лет	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
Количество семей, получивших единовременную выплату при рождении первого ребенка и материнский капитал при рождении второго ребенка	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+

Источник: составлено авторами по: Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 г. № 16). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317388/. Паспорт федерального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей» URL: <https://minsoc.75.ru/deyatel-nost/trud-i-demografiya/demograficheskaya-politika/129930-nacional-nyu-proekt-demografiya>. Паспорт регионального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей», утвержденный Губернатором Хабаровского края 15 июля 2019 г. О государственной программе Хабаровского края «Развитие социальной защиты населения Хабаровского края». Постановление Правительства Хабаровского края от 16 мая 2012 г. № 152-нр. URL: <https://www.khabkrai.ru/khabarovsk-krai/Proekty/Gosudarstvennye-selevye-programmy/168>. О государственной программе Хабаровского края «Развитие здравоохранения Хабаровского края». Постановление Правительства Хабаровского края от 22 октября 2013 г. № 350-нр. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465306539> (дата обращения 30.11.2021).

достижение прогрессивных нормативных значений как результата социально-экономического процесса либо создание определенного масштабного объекта. Другая, не менее важная проблема – определение индикаторов и их проектных значений, позволяющих однозначно оценить достижение поставленной цели. На наш взгляд, паспорт проекта обязательно должен содержать следующие разделы: цель – определенный результат, который необходимо достигнуть к окончанию реализации проекта; задачи – действия, необходимые и достаточные для достижения цели; целевые индикаторы – количественные показатели, однозначно характеризующие уровень достижения цели; мероприятия – действия, направленные на выполнение поставленных задач; источники и объемы финансирования; сроки реализации проекта.

Например, цель НП «Демография» – сохранение населения. Добиться этого можно путем обеспечения естественного прироста населения (задача), увеличивая рождаемость и снижая смертность населения. Целевые индикаторы: суммарный коэффициент рождаемости (рост), общий коэффициент смертности (снижение). Мероприятия: оказание финансовой поддержки семей при рождении детей; проведение ЭКО семьям, страдающим бесплодием, за счет средств базовой программы обязательного медицинского страхования.

Очень важно, чтобы для оценки достижения результатов федеральных и региональных проектов, а также государственных программ использовались одни и те же показатели, а их целевые значения необходимо дифференцировать с учетом региональных особенностей.

Список источников:

1. Бондарева Н. Н., Комков Н. И. Организационно-методические вопросы разработки и реализации национальных проектов // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2019. Т. 10. № 3. С. 369–379. DOI: 10.18184/2079-4665.2019.10.3.369-379.
2. Грицко М. А., Поливаева О. Г. Демографический потенциал Дальнего Востока: ожидания и реальность // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 48–59. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-48-59.
3. Зайцева Е. В., Гончарова Н. В. Анализ влияния пронаталисткой политики на воспроизводство населения и положение многодетных семей // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2019. Том 18. № 6. С. 967–988.
4. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Национальные проекты России: региональное измерение // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 1. С. 37–53. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10067
5. Кельник А. В. Миграционная привлекательность региона: показатели и особенности оценки // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2008. № 10. С. 41–46.
6. Костюков К. И., Свечинская Т. А. Оценка социально-демографической ситуации в регионе в рамках реализации национального проекта «Демография» // Kant. 2020. № 4 (37). С. 132–138. DOI: 10.24923/2222243X.202037.29.
7. Позубенкова Э. И. Население Пензенской области в контексте задач национального проекта «Демография» // Сурский вестник. 2020. № 1 (9). С. 66–70.
8. Романов В. Г., Романова И. В. Национальный проект «Демография»: стартовая позиция Забайкальского края // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Т.25. №9. С. 79–96. DOI: 10.21209/2227924520192597996
9. Шпакова Р. Н. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении как целевой показатель в национальных проектах и региональных стратегиях социально-экономического развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. №84. С. 165–186. DOI:10.24412/2070-1381-2021-84-165-186.
10. Ярёмченко И. А. Национальные проекты, госпрограммы, национальные цели. Как они скоординированы // Журнал Бюджет. 2019. №10 (202). С.34–37.

References:

1. Bondareva N. N., Komkov N. N. Organizational and Methodological Issues of the RF National Projects' Development and Implementation MIR *Modernizatsiia. Innovatsii. Razvitiie* [Modernization. Innovation. Research], 2019, no. 10(3), pp. 369–379. (In Russian).
2. Gritsko M. A., Polivaeva O. G. Demographic potential of the Far East: expectations and reality *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia], 2020, no. 4 (93), pp. 48–59. DOI 10.22394 / 1818-4049-2020-93-4-48-59.
3. Zaitseva E. V., Goncharova N. V. Analysis of the Influence of Pronatalistic Policy on Reproduction of Population and Position of Large Families *Vestnik Ural'skogo federal'nogo universiteta . Seriya ekonomika i upravleniye* [Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management], 2019, vol. 18, no 6, pp. 967–988. (In Russian).
4. Ivanov O. B., Buchwald E. M. National projects of Russia: regional dimension *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [ETAP: economic theory, analysis, practice], 2019, no. 1, pp. 37–53. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10067. (In Russian).
5. Kelnik A. V. Migration attractiveness of the region: indicators and assessment features *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D: Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series D: Economic and legal sciences], 2008, no. 10, pp. 41–46. (In Russian).
6. Kostyukov K. I., Svechinskaya T. A. Assessment of the socio-demographic situation in the region within the framework of the national project “Demography” *Kant* [Kant], 2020, no. 4 (37), pp. 132–138. DOI: 10.24923/2222243KH.202037.29. (In Russian).
7. Pozubenkova E. I. Population of Penza region in the context of tasks of the national project “Demography” *Surskiy vestnik* [Sursky Bulletin], 2020, no.1 (9), pp. 66–70. (In Russian).
8. Romanov V. G., Romanova I. V. National project “Demography”: the starting position of Transbaikal region *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Transbaikal State University], 2019, vol. 25, no. 9, pp. 79-96. DOI: 10.21209/2227-924520192597996 (In Russian).
9. Shpakova R. N. Life Expectancy at Birth as a Target in National Projects and Regional Socio-Economic Development Strategies *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [State Administration. Electronic bulletin], 2021, no. 84. pp. 165–186. DOI:10.24412/2070-1381-2021-84-165-186. (In Russian).
10. Yaremenko I. A. National projects, state programs, national goals. How they are coordinated *Zhurnal Byudzhet* [Budget Journal], 2019, no. 10 (202), pp. 34–37. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 21.10.2021; одобрена после рецензирования 21.11.2021; принята к публикации 24.11.2021.

The article was submitted 21.10.2021; approved after reviewing 21.11.2021; accepted for publication 24.11.2021.

Информация об авторах

Г. Н. Строева – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Тихоокеанский государственный университет

Е. Н. Телушкина – канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Тихоокеанский государственный университет

Information about the authors

G. N. Stroeveva – Candidate of Sociology, associate professor, associate professor of the economic theory and national economy chair, The Pacific State University

E. N. Telushkina – Candidate of Economics, associate professor of the economic theory and national economy chair, The Pacific State University

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 364

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-99-109

Социальные изменения в условиях пандемии COVID-19

Ирина Анатольевна Гареева

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, gar_ia@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ современной социальной ситуации в условиях пандемии COVID-19. Опыт пандемии анализируется в социологическом аспекте в оценках и отношениях, моделях поведения, мнениях населения к социальным явлениям и процессам в условиях ковид-ситуации. В теоретико-методологическом отношении автор опирается на теорию социальных изменений П. Штомпка, теоретический концепт «сообщество судьбы» М. Вебера и социальную теорию в глобальной среде Sklair (2013). В эмпирическом аспекте автор прибегает к анализу данных социологических опросов общественного мнения. В статье использованы результаты социологических исследований общероссийского уровня. Анализируется ряд взаимосвязанных аспектов ситуации пандемии: пандемия как эпидемиологическое явление, связанное с появлением и распространением нового коронавируса; как медицинское явление, связанное с медицинскими и противоэпидемическими мерами борьбы с коронавирусом; как социально-политическое явление, связанное с решениями и мерами органов власти всех уровней; как социально-экономическое явление, обусловленное изменениями поведения, установок, жизненных сценариев населения и связанное ограниченными мерами вызвавших спад как национальных, так и мировых экономик; как культурное явление, суть которого заключается в изменении повседневных, привычных практик и появление новых, ранее отсутствующих или не востребованных; как экзистенциальное явление – приобретение массового опыта, связанного с болезнью и ее последствиями, переживаниями за близких, переживание потерь. Цель – на основе комплексного анализа обозначить основные социальные изменения и тенденции развития общественных отношений в условиях пандемии и действующих ограничительных мер, выявить факторы, действующие как дестабилизирующие. В задачи исследования включалось следующее: описать контуры социальных изменений, происходящих под влиянием пандемии; проанализировать реакцию граждан на ситуацию пандемии, а также на противоэпидемические меры принимаемые правительствами; исследовать проблему влияния распространения вируса на социальную структуру общества. Сделаны выводы о том, что современная ковид-ситуация, которую уже назвали «черным лебедем», – трудно прогнозируемое явление. Происходящие социальные изменения очевидны, а процесс адаптации развивается неравномерно. Анализ социологических опросов, проводимых среди населения, свидетельствует, что намечается тенденция к нормализации повседневной жизни, однако в условиях пандемии COVID-19 формируется новая социальная реальность, к которой человечество пока не готово.

Ключевые слова: население, пандемия COVID-19, социальные изменения, социальные ограничения, социальная дистанция, социологические исследования

Для цитирования: Гареева И. А. Социальные изменения в условиях пандемии COVID-19 // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 99–109. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-99-109>

Social changes in the society in the context of the COVID-19 pandemic

Irina A. Gareeva

The Pacific State University, Khabarovsk, Russia, gar_ia@mail.ru

Abstract. *The article presents an analysis of the current situation in the context of the COVID-19 pandemic. The experience of pandemic is analyzed from sociological perspective in assessments and attitudes, behavioral models, and public opinion about social phenomena and processes in a COVID-19 situation. In the theoretical and methodological terms, the author relies on the theory of social change by P. Shtompka, theoretical concept of “community of fate” by M. Weber and social theory in the global environment Sklair (2013). In the empirical aspect, the author resorts to the analysis of data from sociological polls of public opinion. The article uses the results of sociological research at the all-Russian level. The article analyzes a number of interrelated aspects of pandemic situation, such as: pandemic as epidemiological phenomenon associated with the emergence and spread of a new coronavirus; as a medical phenomenon associated with the medical and anti-epidemic measures to combat coronavirus; as a socio-political phenomenon associated with the decisions and measures of the authorities at all levels; as a socio-economic phenomenon caused by changes in behavior, attitudes, life scenarios of the population and associated with the restrictive measures that caused the recession of both national and world economies; as a cultural phenomenon, the essence of which is to change every day, customary practices and the emergence of new ones that were previously absent or not in demand; - as an existential phenomenon - the acquisition of mass experience associated with the disease and its consequences, worries about loved ones, the experience of loss. The goal is, on the basis of comprehensive analysis, to identify the main social trends in the development of public relations in the context of pandemic and existing restrictive measures, to identify negative factors acting as destabilizing ones. The research objectives included the following: describe the contours of social changes occurring under the influence of the pandemic; analyze the reaction of citizens to the situation of pandemic, as well as to the anti-epidemic measures taken by the governments; investigate the problem of influence of spread of the virus on the social structure of the society. It is concluded that the modern COVID situation, which has already been called the «black swan», is a difficultly predictable phenomenon. The ongoing social changes are obvious, and the adaptation process is developing unevenly. An analysis of sociological surveys conducted among the population shows that there is a tendency towards the normalization of everyday life, however, in the context of the COVID-19 pandemic, a new social reality is being formed, for which humanity is not yet ready.*

Keywords: *population, COVID-19 pandemic, social change, social constraints, social distance, sociological research*

For citation: Gareeva I. A. Social changes in the society in the context of the COVID-19 pandemic// Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 99–109. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-99-109>

Введение. Мир уже не будет прежним. Киноиндустрия часто представляет картины массовых заражений, охватывающих практически все население Земли. Главные герои в стремлении спасти мир

ищут все возможные способы воздействия на инфекцию. Потери среди человечества огромны, но главные герои не сдаются и будут вознаграждены. Современная реальность уже неоднократно ставила чело-

человечество в подобные ситуации¹.

В марте 2020 года Всемирная организация здравоохранения объявила пандемию коронавируса. Человечество не в первый раз за историю своего существования сталкивается с инфекционными заболеваниями, охватывающими большие территории и поражающими значительную численность населения. Пандемии меняли ход истории, влекли за собой социальные, экономические и политические последствия. Чума Антонина (165–180 и 250 годы н.э.) унесла порядка пяти миллионов человек. Отсутствие иммунитета и высокие контакты способствовали быстрому распространению болезни среди населения и высокой смертности. Юстинианова чума (541–750 годы н.э.) унесла 25–30 миллионов человеческих жизней. По данным Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) в настоящее время чума регистрируется в Мадагаскаре, Перу и Конго, а в период с 2010 по 2015 гг. было зарегистрировано 584 смертей от этого заболевания.

Испанский грипп 1918–1919 гг., по данным некоторых исследователей, унес жизни от 25 до 50 миллионов человек. Высокая смертность объяснялась не только отсутствием иммунитета, но и несовершенством существующих систем здравоохранения. В результате в системы здравоохранения были включены и системы по контролю заболеваний, а также выработана и принята концепция бесплатной медицины. Азиатский грипп 1957 г., унесший жизни более 1 млн человек, вызванный вирусом гриппа А – H2N2, известен тем, что в период эпидемии была быстро изобретена вакцина против вируса, что позволило ограничить распространение вируса и выработать коллективный иммунитет. Таким образом, массовые инфекционные и вирусные заболевания изменяют социальную реальность не меньше войн, природных и техногенных катаклизмов.

В книге П. Сорокина «Человек и обще-

ство в условиях бедствий» приведены размышления о социальных катастрофах. Автор их описывает как «четыре монстра», под которыми подразумеваются войны, революции, голод и эпидемии. По мнению автора, эпидемии являются постоянными спутниками трех остальных «монстров». Описывая эпидемии, П. Сорокин привлекает исторические хроники и литературные произведения. «Нет нужды доказывать, что бубонная чума, тифы, лихорадка, оспа и другие серьезные заболевания изменяют ощущения, эмоции и чувства своих жертв. Общая характеристика изменений, вызываемых всеми этими болезнями, – это страдание, страх смерти, бред и чувство слабости... Эти изменения происходят не только из-за биологических особенностей самой болезни, но и благодаря большой перемене в социальных отношениях... Болезнь погружает жертву в состояние некоего социального вакуума» [Сорокин, 2012. С.5–9].

В период с 2011 по 2018 гг., по данным Всемирной организации здравоохранения, в мире зарегистрировано 1483 случае эпидемий в 172 странах².

Исторический опыт свидетельствует, что эпидемии и пандемии выходят за рамки ответственности только медицины. Эпидемии приводили к исчезновению целых империй. Так, чума, разразившаяся в 6 веке н.э., привела к распаду Римской империи.

Более 2 миллионов человек коренного населения Центральной Америки унесли эпидемии кори и оспы. Эти заболевания были завезены конкистадорами на территорию Америки. Некоторые исследователи рассматривают завоз особо опасных инфекций на территорию Америки как «бактериологический геноцид». В результате эпидемий к 1700 году коренное индейское население Карибского бассейна практически вымерло полностью. Эпидемии изменяют социальные привычки, культурные нормы, быт.

Корь и оспа – одни из высококонтакт-

¹ Ученые смоделировали худшие последствия эпидемии коронавируса // *Ruposters.ru*. URL: <https://ruposters.ru/news/06-03-2020/smodelirovali-posledstviya-epidemii-koronavirusa.-> Дата обращения: 06.11.2021.

² [World At Risk [Electronic resource],-GPMB.- Mode of access : https://apps.who.int/gpmb/assets/annual_report/GPMB_annualreport_2019.pdf3.- Дата обращения -11.11.2021.

ных заболеваний, характеризующиеся высокой смертностью. Эпидемии оспы неоднократно распространялись по всем территориям стран мира, унося большое количество человеческих жизней. Эти инфекции отличаются тем, что источником болезни является только человек. В 1967 г. Всемирной организацией здравоохранения была введена вакцинация от оспы. Благодаря усилиям ВОЗ вакцинация проводилась повсеместно. В 1977 г. ВОЗ было объявлено, что был зарегистрирован последний случай заболевания оспой на территории Африки, а в 1980 г. ВОЗ заявила об искоренении вируса оспы по всему миру. В национальном календаре РФ в настоящее время вакцинация от оспы не предусмотрена.

Несколько иная ситуация с корью. Периодически в средствах массовой информации сообщается, что вспышки кори отмечаются в различных регионах земного шара. В 2014 г. зарегистрировано 369 случаев кори. Наиболее частые вспышки кори отмечаются в странах Африки, расположенных к югу от Сахары, тогда как Северная и Южная Африка объявлены территориями, свободными от кори. Следует отметить, что в странах Африки, где до сих пор регистрируются случаи заболеваний корью, популяционный иммунитет составляет всего 50%. Вспышки кори отмечались на территории США, Германии и других стран. Это может быть связано с большой миграционной активностью населения других стран в Германию и США.

В статье «Экономика эпидемий» А. Егоров рассматривает генезис научного познания социальных последствий от пандемий и взаимосвязь между негативными проявлениями эпидемий и уровнем развития человеческого общества [Егоров, 2020. С.7–11].

Абухович Ю. К. в статье «Экономические и социальные последствия влияния эпидемий на развитие экономики» указывает как минимум два возможных ущерба в условиях эпидемий: непосредственный (карантинные мероприятия, лечение, ликвидация последствий) и опосредованный (разрыв хозяйственных связей, спад производства, снижение темпов развития экономики). Во время вспышек

атипичной пневмонии в 2002–2003 гг. экономические потери составили 40 млрд долл. США; свиного гриппа в 2009–2010 – 55 млрд долл. США; лихорадки Эболы в 2013–2016 гг. – 53 млрд долл. США. Совокупные человеческие потери при этих эпидемиях составили 30100 человек. Всемирный банк высказывает опасения, что если предположить сценарий, схожий с пандемией гриппа 1918 г. (испанка), то предполагаемые потери современной экономики могут составить 3 трл долл. США [Абухович, 2020. С.46-49].

Бахтуразова Т. В. и соавторы в статье «Угрозы промышленной политике, торговле, обмену знаниями в условиях всемирной чрезвычайной ситуации» анализирует сложившуюся ситуацию и указывает на введение международных ограничений на путешествия, перевозку товаров, приостановку выдачи рабочих виз иностранным гражданам, отказ от проведения мероприятий международного значения. Студенты, обучающиеся за рубежом, туристы, оказавшиеся в зарубежных странах в момент объявления чрезвычайной ситуации по всему миру, в срочном порядке возвращались на родину с последующим карантином [Бахтуразова, Майоров, Еделев, 2020. С. 42–45].

Горенков Д. В. и соавторы отмечают, что эпидемические ситуации, и, в частности, эпидемия COVID-19, продолжают оставаться актуальной проблемой мирового общественного здравоохранения, оказывая непомерную нагрузку (лечение, уход, реабилитация) на систему [Горенков, Хантимилова, Шевцов, Рукавишников, Меркулов, Олифер, 2020. С. 6–20].

По данным телефонных опросов, проводимых ФОМ еженедельно, по одной трети респондентов признают, что пандемия в целом сильно повлияла на них (34%) и оценивают ее влияние как слабое (37%), каждый четвертый уверен, что пандемия не оказала какого-либо последствия (25%). Следует признать, что только четвертая часть опрошенных не ощутила на себе влияние пандемии (25%), при этом четверо из десяти респондентов считают, что пандемия очень сильно повлияла на жизнь близких и знакомых (42%). Чаще всего респонденты указыва-

ли на эпидемиологические ограничения «ношение масок, соблюдение социальной дистанции, поддержка гигиены рук». По данным опроса выявлено, что люди стали менять привычки – «прекратили посещать кино, музеи, спортивные залы и бассейн, развлекательные мероприятия, прекратили поездки за рубеж и по территории РФ». Люди отмечали, что стали нервозны, тревожны, присутствует страх заболеть самому или страх за здоровье своих близких, волнения за будущее, «за завтрашний день». Таким образом, пандемия COVID-19 повлияла на все сферы общественной и индивидуальной жизни одновременно и масштабно как для населения всех стран мира, так и для отдельного человека³.

Таким образом, предшествующий опыт встречи человечества с различными грозными инфекциями, а также эпидемии современности (такие как эпидемии птичьего и свиного гриппа, лихорадка Эбола, ВИЧ) могли и должны были насторожить мировое сообщество в том, что вирусные заболевания могут стать глобальными и способны вызывать серьезные последствия. Причинами распространения вирусных заболеваний становятся высокая мобильность населения, активные миграционные потоки из районов земного шара неблагоприятных по эпидемиологической ситуации, высокая плотность населения, национальные пищевые предпочтения, экологический туризм и другие.

Обсуждение результатов. Еще в 60-х гг. прошлого столетия, справившись с чумой, натуральной оспой, полиомиелитом, человечество стало больше сосредотачивать свое внимание на неинфекционных заболеваниях, таких как, сердечно-сосудистые и онкологические, болезни обмена, заболевания опорно-двигательного аппарата. Использование антибиотиков и хорошие терапевтические эффекты этих препаратов, внесение обязательной вакцинации в Национальные календари давали надежды, что теперь все инфекции управляемые. Однако вирусные заболева-

ния не поддавались антибиотикотерапии и требовали совершенно иных подходов лечения и поведения. Большинство инфекционных агентов, вызывающих эпидемии и пандемии, пришли из животного мира. Так, малярия и ВИЧ достались человечеству от обезьян, от свиней – коклюш, от коров – туберкулез, грипп – от уток. Инфекционные агенты обладают способностью горизонтального переноса генов, то есть для выживания и размножения они способны к обмену генами между собой. Таким образом, генетический перенос и мутации способствует наличию огромного количества штаммов вирусов. Наличие естественных природных резервуаров вирусов и идеальные условия для распространения (рынки живого товара, где соседствуют дикие виды животных, домашний скот и большое скопление людей, как например китайские рынки) в современных условиях явились одними из важнейших факторов постоянной циркуляции высококонтагиозных и опасных для человека вирусов.

Первые случаи заболеваний COVID-19 были зарегистрированы в Китае, однако быстро переместились в европейские страны. Поэтому Всемирная организация здравоохранения признала, что вновь возникшее заболевание COVID-19 приняло характер пандемии. Так, если в начале марта (01.03.2020 г.) было зарегистрировано 88352 случаев заболеваний, 3001 умерших и 42728 выздоровевших, то уже в конце марта (31.03.2020 г.) было зарегистрировано 856910 случаев заболеваний, 42107 умерших и 177141 выздоровевших⁴. Уже неоднократно инфекционные заболевания, принимавшие характер эпидемий и пандемий (такие как испанский грипп 1918 г., азиатский грипп 1957 г., гонконгский грипп 1968 г., атипичная пневмония 2002 г., птичий грипп 2003 г, свиной грипп 2009 г.), брали свое начало на территории Китая.

Правительства государств мира принимали различные ограничительные меры для предотвращения распростра-

³ Спецпроект коронаФОМ (к-ФОМ) <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14389>. Дата обращения – 10.11.2021.

⁴ Коронавиру COVID-19: общая статистика (сведения за март 2020 г.) <https://index.minfin.com.ua/reference/coronavirus/2020-03/>. – Дата обращения 05.11.2021.

нения инфекции. По данным аналитического бюллетеня НИУ ВШЭ (Основные компоненты политики правительств стран G 20 в условиях пандемии) наиболее высокие индексы строгости ограничений (шкала от 0 до 100) отмечались в Индии – 100, Аргентине и Бразилии – 100, Италии – 93, Франции – 91, Кореи – 88, России – 87, ЮАР – 85, Китае – 80. Наименьшие индексы строгости ограничений отмечались в Японии – 28, в Германии и Франции – 51. Однако, по мере распространения инфекции и увеличения численности заболевших и умерших, индексы строгости ограничений в некоторых странах изменялись в сторону увеличения (Япония, Китай, Германия)⁵.

Были закрыты границы, прекращены железнодорожные и авиасообщения, запрещены массовые культурные и спортивные мероприятия, вузы и школы переведены на дистанционное обучение, организации и учреждения перешли на удаленный режим работы. Повсеместно принимались строгие эпидемиологические мероприятия, такие как санитарные обработки помещений и улиц, обязательный «масочный режим» и социальная дистанция, а в некоторых территориях и комендантский час [Абрамов, Багдасарян, Бышок, Володенков, Евстафьева, Егоров, Комлева, Крамаренко, Манойло, Михайленок, Петренко, Прокофьев, 2020. С. 1–83].

В ситуации пандемии можно выделить ряд взаимосвязанных аспектов:

- пандемия как эпидемиологическое явление, связанное с появлением и распространением нового коронавируса;
- как медицинское явление, связанное с медицинскими мерами борьбы с коронавирусом;
- как социально-политическое явление, обусловленное решениями и мерами органов власти всех уровней;
- как социально-экономическое явление, связанное с ограничительными мерами, вызвавшими спад как национальных, так и мировых экономик;
- как культурное явление, суть которо-

го заключается в изменении повседневных привычных практик и появление новых, ранее отсутствующих или не востребованных;

- как экзистенциальное явление – приобретение массового опыта, связанного с болезнью и ее последствиями, переживаниями за близких, переживание потерь [Воронов, 2021. С 42-68].

История медийного пространства еще не знала примеров постоянного освещения мировыми СМИ разворачивающихся событий. Каждый день новостной блок начинался с сообщений о том, сколько заразилось, выздоровело, умерло. Миллионы телезрителей смотрели один сериал в жанре «шокирующих сенсаций». Люди осознавали, что они находятся в новой реальности, однако эту реальность формировали не объективные условия, а СМИ, нагнетая неопределенность, неуверенность и массовый психоз. Противоречивая информация толкала людей на необдуманные поступки – товары первой необходимости молниеносно исчезали с прилавков магазинов, возник острый дефицит лекарственных средств, масок, средств дезинфекции.

Стремительное естественное распространение вируса по странам и континентам сопровождалось распространением панических призывов в социальных сетях. Использование таких «вирусных» технологий (один «заразившийся» вирусной информацией способен заразить до 30–40 человек, находящихся с ним в контакте в социальных сетях, за несколько часов) способствовало быстрому распространению резонансной информации.

Комментируя сложившуюся ситуацию с коронавирусом, К. Малофеев, учредитель телеканала «Царьград», высказал следующее: «Мы живём с вирусами многие годы... И пандемии в истории человечества были... Однако то, что происходит сегодня, на 90% – паника. Несчастливые люди просто не знают, кому верить, путаются в обилии информации». К. Малофеев считает, что против людей идет информационная атака, сопрово-

⁵ Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и мире. № 6. – 19.06.2020. и № 8. – 03.07.2020). Дата обращения 05.11.2021.

ждающаяся фейками. Людей вводят в заблуждение, распространяя всё новые и новые слухи⁶.

Поэтому эффективность мер по борьбе с коронавирусом была незначительной, так как ограничительные карантинные меры осуществлялись на фоне дезинформации населения, замалчивания и массового провокационного, панического «вброса» информации.

Стали распространяться и закрепляться в повседневности такие практики как самоизоляция, социальное дистанцирование, использование защитных средств, таких как маски, перчатки, постоянное мытье рук или их обработка дезинфицирующими средствами. Изменились такие повседневные практики как рукопожатия, поцелуи, обнимания. Теперь, во время встречи люди или избегали телесных приветствий, или применяли новые формы приветствий – локтями, кулаками, ботинками.

Термин «социальное дистанцирование» был предложен Э. Богардусом, который под социальным дистанцированием понимал разделение межличностного пространства в дистанции от 1,2 метров до 3,6 метров. В условиях коронавирусной пандемии социальная дистанция рассматривается как санитарно-эпидемиологическая мера немедикаментозного характера, направленная на разобщение и замедление распространения инфекции. Однако, социальное дистанцирование порождает чувство оторванности, разобщения, одиночества, чувство нахождения «один на один» с угрозой здоровью, жизни, стабильности.

Ряд авторов описывают еще одно социальное явление, которое себя проявило в условиях пандемии – это стигматизация. Социальной стигматизации подвергались лица, находившиеся в контакте, на самоизоляции, обследуемые и перенесшие коронавирусную инфекцию [Туркулец, Туркулец, Листопадова, 2020].

Таким образом, концепт «инфекционный синдром» в современных условиях пандемии стал применим не только к ме-

дицинскому явлению, как следствие инфекционного заболевания, но и к социальному.

По мнению К. Рекаса, который пытается дать оценку «инфекционному синдрому» в социальной области, в условиях пандемии происходит углубление и консолидация экстремальной атомизации («социальное дистанцирование», боязнь поручней и ручек дверей, отказ от встреч, рукопожатий и т. д.). Американский клинический психолог Стивен Тейлор в книге «Психология пандемии» описывает страх как эмоциональную, поведенческую и физиологическую реакцию на воспринимаемые угрозы. Эмоция страха является мощным драйвером, мобилизующим человека или группу на определенные действия, в частности, в условиях пандемии, на действия, предупреждающие распространение инфекции. Однако в данной ситуации коллективный страх становится чрезмерно интенсивным или постоянным, и это становится проблемой.

В повседневных взаимодействиях нередко отмечались проявления конфликтов и споры, насмешки, масочные конфликты. Многие авторы описывают новые, совершенно иные факторы, приводящие к расслоению общества. В повседневной речи появились новые термины и слова – «коронопаника», «коронабесие», «маскобесие» [Голованова, Маджаева, 2020. С. 48–57].

Таким образом, «инфекционный синдром» в социальном проявлении выражается в постоянном страхе, нетерпимости и агрессии, ярком проявлении стигматизации, обесценивание того, что считалось важным буквально вчера. В условиях пандемии трансформируется и само общество, так из «общества потребления» становится «обществом безопасности».

В социальной структуре общества также можно наблюдать изменения – формирование групп населения, основанных на отношении к происходящим событиям. Так, отдельные авторы выделяют следующие различающиеся группы в условиях коронавирусной ситуации:

⁶ Эксперты комментируют скандальные фейки в интернете о засекреченной эпидемии коронавируса // Первый канал. [сайт]. URL: <https://www.1tv.ru/news/2020-03-03/381453> (дата обращения: 03.04.2020.)

- корона-паникеры – люди, признающие факт пандемии, существование вируса и при этом считающие, что принимаемые меры и ограничения недостаточные;

- корона-лоялисты – люди признающие факт пандемии и существование вируса и при этом считающие, что принимаемые меры и ограничения достаточные;

- корона-скептики – люди, признающие факт пандемии и существование вируса, но при этом считающие, что опасность преувеличена, а принимаемые меры и ограничения избыточные;

- корона-диссиденты – люди, убежденные в фейковой природе вируса, отрицающие факт пандемии и негативно относящиеся к принимаемым мерам и ограничениям [Воронов, 2021. С. 42–68].

В условиях ковид-ситуации В. Г. Кузнецова, предлагает следующие основания расслоения общества (типологизацию):

- те, кто активно поддерживают вводимые меры и ограничения в условиях пандемии – ковид-бенефицианты;

- те, у кого социальное и экономическое положение пока существенно не пострадало – ковид-лоялисты, они лояльны по отношению к проводимым мерам и ограничениям;

- та часть населения, которые пострадали от последствий пандемии и в социальном, и в экономическом отношении (потеря работы, снижение дохода, банкротство) – ковид-аутсайдеры и которые явно недовольны проводимой политикой.

Автор обосновывает групповое разделение общества на основе социально-экономического фактора в ситуации санитарно-эпидемиологического неблагополучия [Кузнецов, 2020. С. 202–211].

Новые формы социального расслоения описывают Касьянов В. В., Гафиатулина Н. Х, Викулов И. М. Они рассматривают следующие типы – это ковид-диссиденты и ковид-настороженные. Ковид-диссидентов авторы представляют как группу «более осведомлённую в нарушении их прав и свобод», и этот уровень рассматривают как «уровень осмысленности». Эта группа исходит из недоверия всему, что происходит в обществе, то есть «ничему

не верю». Ковид-настороженная группа (группа обывательского уровня) выполняет все предписания и ограничения, воспринимает всю подаваемую информацию СМИ и властями как истинную и проверенную [Касьянов В. В., Гафиатулина Н. Х, Викулов И. М. 2021. С. 237-242].

Такие классификации представляются нам вполне обоснованными, так как в условиях недостаточной информации, часто противоречивой и неподтвержденной, поведение, мнения и отношения людей к происходящему разительно отличаются, что и может быть факторами дифференциации.

На обывательском уровне мнения людей очень противоречивы. Существует большая группа людей, которые несмотря на происшедшие события (высокая заболеваемость и смертность населения от коронавирусной инфекции, открытие «ковидных» госпиталей) все равно считают, что ситуация надумана и смоделирована. Эту группу называют «ковид-диссидентами», то есть – это люди, имеющие радикальную позицию, позицию «тех, кто уверен, что коронавируса не существует». Социальный портрет ковид-диссидента выглядит следующим образом: это неработающие граждане (19%), оценивающие свое материальное положение как «плохое» или «очень плохое», жители сельской местности (34%), без высшего или средне-специального образования. Следует отметить, что среди ковид-диссидентов были горожане с высшим образованием, имеющие постоянную работу и оценивающие материальное положение как хорошее. Однако, в условиях усугубления ковид-ситуации социальные изменения происходят достаточно стремительно. Так, по данным январского опроса 2021 года доля ковид-диссидентов уменьшилась, и изменился их социальный портрет. Теперь в числе ковид-диссидентов, подвергающихся сомнению наличие пандемии, – люди с хорошим материальным положением [Закутина, 2020]

О первых вакцинах против коронавируса было заявлено уже в конце 2020 года, а в начале 2021 года медицинские учреждения приступили к вакцинации населения. Пережитый негативный опыт,

вызвавший панику и нервное потрясение среди населения, породил страх и недоверие по отношению к вакцинации. Усиление массового страха приводит к быстрой утрате уверенности людей. Так, по данным опроса ВЦИОМ «Отношение россиян к вакцинации: мониторинг», проведенного 18 ноября 2021 г., две трети россиян опасаются, что они или их близкие могут заболеть коронавирусом (64%), каждый седьмой из респондентов уже переболели сами или перенесли их близкие родственники (14%), каждый восьмой уверен, что с ним ничего не случится (13%), и только менее десятой части опрошенных не задумывались над этим вопросом (6%)⁷. По данным отчета ВЦИОМ, подавляющее большинство россиян, опасавшихся заболеть в период февраль – май 2020 г., составляло 81%, а к марту 2021 г. снизилось до 58%. Только 35% респондентов сделали прививку, из них 31% привиты российскими вакцинами, а 30% респондентов дали ответ, что не намерены вакцинироваться. Следует отметить, что для достижения популяционного иммунитета необходимо, чтобы число вакцинированных составляло не менее 95%. Учитывая настроенность одной трети россиян не вакцинироваться, популяционный иммунитет вряд ли будет достигнут быстро. Однако позитивная настроенность по отношению к вакцинации отмечается у большинства респондентов. Так, 61% россиян считают, что вакцинация снижает смертность среди привитых, а 25% эту мысль не поддерживают; 65% респондентов, допускают, что даже после вакцинации можно заразиться ковидом, но у вакцинированных заболевание протекает гораздо легче, 27% не согласны с этим. Следует отметить, что 64% респондентов согласны с мнением, что призывать людей отказываться от вакцинации – значит подвергать риску их жизнь и здоровье, 27% респондентов с этим не согласны; 77% респондентов считают, что решение вакцинироваться либо нет – это их личное дело и право каждого.

Опрос ВЦИОМ «Отношение россиян к

мерам по борьбе с коронавирусом», проведенный 21 октября 2021 г., продемонстрировал, что большинство респондентов поддерживают меры, которые реализуются в связи с эпидемиологической ситуацией. Две трети респондентов в качестве мер считают обязательной вакцинацию от коронавируса всех работников медицинских организаций (64%), одна треть опрошенных эту практику не поддерживают (31%); более половины поддерживают допуск граждан на массовые мероприятия и общественные места только при наличии QR-кода (56%), среди вакцинированных эту мысль поддерживают три четвертых опрошенных (74%). Чуть более двух третьих респондентов поддерживают обязательную вакцинацию работников федеральных органов власти, государственных учреждений, предприятий и корпораций и силовых структур (68%). Четвертая часть респондентов не считают это необходимым (26%). Две трети респондентов считают, что при наличии QR-кода можно разрешить продажу авиабилетов для поездок в другие страны (64%)⁸.

Заключение. Таким образом, окончательные выводы о последствиях пандемии коронавируса делать рано. Ковид-ситуацию как трудно прогнозируемое явление называют «черным лебедем». Социальные изменения, происходящие в условиях эпидемии, очевидны, а процесс адаптации к социальным реалиям развивается неравномерно. Социологические опросы, проводимы среди населения, свидетельствуют, что пандемия разделила их повседневный мир на «до» и «после». Тенденция к нормализации повседневной жизни имеется, люди научились воспринимать все ограничения как неизбежные, актуализировать свои потребности, максимально приближая их безопасным, противостоять потоку тревожных новостей, корректировать свой жизненный сценарий. Следует признать, что пандемия COVID-19 формирует новую социальную реальность, к которой человечество пока не готово.

⁷ «Отношение россиян к вакцинации: мониторинг» <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vakcinacija-ot-koronavirusa-otnoshenie-rossijan>. – Дата обращения 27.11.2021.

⁸ «Отношение россиян к мерам по борьбе с коронавирусом» // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-rossijan-k-meram-po-borbe-s-koronavirusom>. – Дата обращения – 22.10.2021.

Список источников:

1. Абрамов А. В., Багдасарян В. Э., Бышок С. О., Володенков С. В., Евстафьева Д. Г., Егоров В. Г., Комлева Н. А., Крамаренко Н. С., Манойло А. В., Михайленок О. М., Петренко А. И., Прокофьев В. О. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. С. 1–81.
2. Абухович Ю. К. Экономические и социальные последствия влияния эпидемий на развитие экономики // Научные стремления. 2020. С.46–49.
3. Бахтуразова Т. В., Майоров М. К., Еделев Д. А. Угрозы промышленной политике, торговле, обмену знаниями в условиях всемирной чрезвычайной ситуации // Вестник университета. № 4. 2020. С.42–45.
4. Голованова Е. И., Маджаева С. И. О словаре эпохи и пандемии коронавируса // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7(441). Филологические науки. Вып. 121. С.48–57
5. Горенков Д. В., Хантимирова В. А., Шевцов В. А., Рукавишников А. В., Меркулов В. А., Олифер Ю. В. Вспышка нового инфекционного заболевания COVID-19 : В-коронавирусы как угроза глобальному здравоохранению // БИОпрепараты. Профилактика, диагностика, лечение. 2020. 20(1). С.6–20.
6. Воронов В. М. Пандемия COVID- 19 как экзистенциальное и культурное событие: группы, культурные границы и феномен настроения (на примере российского общества) // Журнал фронтальных исследований. 2021. № 1 С. 42–68.
7. Егоров А. В. Экономика эпидемий // Банковское дело. 2020.№ 3. С.7–11.
8. Закутина Е. Отказ от иллюзий. URL: // [https : //COVID 19.fom.ru / post/otkaz-ot-illyuzi](https://COVID19.fom.ru/post/otkaz-ot-illyuzi)
9. Касьянов В. В., Гафиатулина Н. Х., Викулов И. М. Пандемия и система ограничительных мер как фактор травматизации социального здоровья населения // Проблемы социологии. 2021. 1–1. С. 237–242.
10. Кузнецов В. Г., Реституция власти: Пандемия, экспертократия и новая политическая реальность. Москва: Издательство института Гайдара. 2020. С. 202–211.
11. Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствий. «Четыре монстра» Питирима Сорокина. Санкт-Петербург, 2012. Издательство Мирь. С. 5–9. http://mirspb.ru/sites/default/files/pdf/sorokin_text.pdf
12. Туркулец С. Е., Туркулец А. В., Листопадова Е. В., Сокольская М. В. Социальная стигматизация в период пандемии // Социодинамика. 2020. № 5. С. 12–27.
13. Яровая Т., Сидяков Д. Ю. // Социальные последствия пандемии новой коронавирусной инфекции в контексте качественного развития современного российского общества. Евразийский Союз Ученых № 7(76) 2020. С.1–9.

References:

1. Abramov A. V. Baghdasaryan V. E. Byshok S. O. Volodenkov S. V., Evstafieva D. G., Egorov V. G. Komleva N. A. Kramarenko N. S. Manoilo A.V. Mikhailenok O. M. Petrenko A. I. Prokofiev V. O. Pandemic COVID-19: the end of the familiar world? *Vestnik Moskovskogo gosudartsvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyy zhurnal)* [Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal)], 2020, no. 2, pp. 1–81. (In Russian).
2. Abukhovich Yu. K. Economic and social consequences of the impact of epidemics on the development of the economy *Nauchnyye stremleniya* [Scientific aspirations], 2020, pp. 46–49. (In Russian).
3. Bakhturazova T. V., Mayorov M. K., Edelev D. A. Threats to industrial policy, trade, knowledge exchange in the context of a global emergency *Vestnik universiteta* [University Bulletin], no. 4, 2020, pp.42–45. (In Russian).

4. Golovanova E. I., Madzhaeva S. I. About the dictionary of the era and the coronavirus pandemic *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2020, no. 7 (441). Philological sciences, is. 121, pp.48–57. (In Russian).
5. Gorenkov D. V., Khantimirova V. A., Shevtsov V. A., Rukavishnikov A. V., Merkulov V. A., Olifer Yu. V. An outbreak of a new infectious disease COVID-19: B-coronaviruses as a threat to global health *BIOpreparaty. Profilaktika, diagnostika, lecheniye* [BIOPreparat. Prevention, diagnosis, treatment], 2020, 20 (1), pp.6–20. (In Russian).
6. Voronov V. M. The COVID-19 pandemic as an existential and cultural event: groups, cultural boundaries and the phenomenon of mood (on the example of Russian society) *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies]. 2021, no. 1, pp. 42–68. (In Russian).
7. Egorov A. V. Economics of epidemics *Bankovskoye delo* [Banking], 2020, no. 3, pp. 7–11. (In Russian).
8. Zakutina E. Refusal of illusions. URL: // <https://COVID19.fom.ru/post/otkaz-ot-illyuzi> (In Russian).
9. Kasyanov V. V., Gafiatulina N. Kh, Vikulov I. M. Pandemic and the system of restrictive measures as a factor of traumatizing social health of the population *Problemy sotsiologii* [Problems of Sociology], 2021, 1-1, pp. 237–242. (In Russian).
10. Kuznetsov V. G. Restitution of Power: Pandemic, Expertocracy and New Political Reality. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. 2020, pp. 202–211. (In Russian).
11. Sorokin P. Man and society in conditions of disasters. “Four Monsters” by Pitirim Sorokin. St. Petersburg, 2012. Mir Publishing House. pp. 5–9. http://mirspb.ru/sites/default/files/pdf/sorokin_text.pdf (In Russian).
12. Turkulets S. E., Turkulets A. V., Listopadova E. V., Sokolskaya M.V. Social stigmatization during a pandemic *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 2020, no. 5, pp. 12–27. (In Russian).
13. Yarovaya T., Sidyakov D. Yu. *Sotsial’nyye posledstviya pandemii novoy koronavirusnoy infektsii v kontekste kachestvennogo razvitiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva. Yevraziyskiy Soyuz Uchenykh* [Social consequences of a pandemic of a new coronavirus infection in the context of the qualitative development of modern Russian society. Eurasian Union of Scientists], no. 7 (76), 2020, pp.1–9. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; одобрена после рецензирования 06.12.2021; принята к публикации 07.12.2021.

The article was submitted 29.11.2021; approved after reviewing 06.12.2021; accepted for publication 07.12.2021.

Информация об авторе

И. А. Гареева – д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и психологии, Тихоокеанский государственный университет

Information about the author

I. A. Gareeva – Doctor of Sociology, Associate Professor, the chair of social work and psychology, The Pacific State University

Научная статья

УДК 316.346.32-053.6(571.62)

doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-110-117

Пятнадцать фактов о современной студенческой молодежи города Хабаровска: социологический анализ

Юрий Владимирович Березутский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия, berezutskiy-yv@ranepa.ru

Аннотация. В статье представлен социологический анализ состояния современной студенческой молодежи города Хабаровска. Исследовались представления студенческой молодежи о городе Хабаровске и условиях проживания в нем; особенности досуга молодежи; основные проблемы жизнедеятельности; вопросы образования, занятости и профессионального развития; миграционные настроения молодежи; оценки молодежью молодежной политики. Результаты исследования показали, что главной проблемой реализации молодежного потенциала в городе и регионе выступает высокий миграционный отток молодежи, в основе которого проблема видения молодежью перспектив своего развития, уверенности в своем будущем. Установлено, что наибольшее беспокойство студенческой молодежи города Хабаровска вызывают высокая стоимость жизни, необходимость достойной оплаты труда, опасность быть нетрудоустроенным, качество и доступность медицинских услуг, благоустройство территории проживания, жилищная проблема, организация молодежного досуга. При этом один из главных запросов студенческой молодежи по развитию молодежного досуга связан с личностным развитием, развитием интеллектуального досуга. Показано, что молодежью востребованы инновационные образовательные форматы, форумы, тренинги, семинары, подчеркнута актуальность развития творческих направлений деятельности, развлекательных молодежных мероприятий, мест для спорта и культурного отдыха. Особым молодежным запросом выступает развитие молодежного предпринимательства. По мнению автора, содержание муниципальных и региональных программ молодежного развития должно строиться с учетом мнения и запросов молодежного сообщества.

Ключевые слова: молодежь, студенчество, молодежная политика, социальная активность, социальное и профессиональное развитие, миграционные настроения, городской округ Хабаровск

Для цитирования: Березутский Ю.В. Пятнадцать фактов о современной студенческой молодежи города Хабаровска: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 110–117. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-110-117>

Fifteen facts about modern students in Khabarovsk: sociological analysis

Yuriy V. Berezutskiy

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia, berezutskiy-yv@ranepa.ru

Abstract. The article presents a sociological analysis of the state of modern student youth in Khabarovsk. The scientists investigated: the ideas of student youth about the city of Khabarovsk and living conditions in it; peculiarities of youth leisure; basic problems of life; education, employment and professional development; migratory moods of young

people; youth assessments of youth policy. The results of the study showed that the main problem of realizing youth potential in the city and the region is the high migration outflow of young people, which is based on the problem of young people seeing the prospects for their development, confidence in their future. The high cost of living, decent wages, the danger of being unemployed, the quality and accessibility of medicine, the improvement of the territory of residence, the housing problem, youth leisure - these problems worries young people very much today. At the same time, one of the main requests of student youth for the development of youth leisure is associated with personal development, the development of intellectual leisure. Interesting educational formats, forums, trainings, seminars, speakers are in great demand today among young people. But, of course, the development of creative directions, entertainment events, places for sports and cultural recreation is also important. A special youth demand is the development of youth entrepreneurship. All this, ultimately, should fill the municipal and regional youth development programs.

Keywords: youth, students, youth policy, social activity, social and professional development, migration sentiments, Khabarovsk urban district

For citation: Berezutskiy Yu. V. Fifteen facts about modern students in Khabarovsk: sociological analysis // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 110–117. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-110-117>

Введение. Студенческая молодежь как отдельно взятого региона, так и страны в целом, является значительным человеческим ресурсом развития территории. Студенчество обладает мощным образовательным, интеллектуальным, кадровым, демографическим, трудовым ресурсом.

В рамках основных положений теории структуризации Э. Гидденс подчеркивает, что «ресурсы, которыми индивиды руководствуются при взаимодействии, должны рассматриваться и как средства производства социальной жизни, и одновременно как продукты, производимые и воспроизводимые этой деятельностью» [Гидденс, 2018. С. 61–62]. Поэтому анализ состояния студенческой молодежи, ее социального потенциала как большой социальной группы, во многом определяет образ будущего любого общества. Именно молодежь, проявляя дуальность своей социальной природы (являясь одновременно и объектом, и субъектом процесса социализации), выступает отражением того, что происходит в обществе. Она выступает тем «индикатором» социализации, который характеризует эффективность реализации государственной политики в отношении молодежи.

Первоочередную роль государства в создании условий для социализации молодежи подчеркивают М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги, отмечая что «процесс социализации подразумевает создание государством благоприятных условий для

успешной интеграции молодого поколения в культуру современной цивилизации, нравственные, этнические и религиозные традиции, принятия им как ценности этических и правовых норм, общегуманистических принципов образа жизни, а также целостного мировоззрения, являющегося для государства системообразующим» [Горшков, Шереги, 2010. С. 7].

В статье предпринята попытка оценить возможности студенческой молодежи интегрироваться в региональный социум с позиции ее представлений о жизни в городе и устремлений в будущее. Результаты исследования позволили выявить 15 фактов о современной студенческой молодежи, наглядно характеризующих ее состояние, проблемы и перспективы интеграции в социально-экономическое городское пространство.

Описание методики исследования. Материалы статьи опираются на результаты социологического исследования «Современное студенчество Хабаровска: сегодня и завтра», проведенного в марте – апреле 2021 г. социологами Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС. В качестве объекта исследования выступали студенты очной формы обучения вузов г. Хабаровска (анкетный опрос, n=2326; ошибка выборки не превышает ±5%). В опросе приняли участие студенты 8 ведущих вузов: Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС, Дальневосточного государ-

ственного медицинского университета, Тихоокеанского государственного университета, Хабаровского государственного университета экономики и права, Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Дальневосточной государственной академии физической культуры, Дальневосточного филиала РГУП, Дальневосточного института – филиала ВГУЮ (РПА Минюста России). Научный руководитель – к.с.н., доцент Ю.В. Березутский.

Образ Хабаровска в представлениях молодежи как индикатор ее мыслей и действий. С точки зрения социологической теории символического интеракционизма, социальные действия людей детерминированы их представлениями (образами) о тех субъектах (объектах), с которыми выстраиваются эти взаимодействия. Именно образы тех или иных социальных явлений, процессов или объектов (например, образ счастливой молодой семьи, образ социально активного молодого человека, образ успешного молодого предпринимателя и т.п.), наполненные заданными смыслами, по мнению Ю. А. Зубок, и «позволяют молодым людям конструировать свое отношение к ним...; они действуют на основе значений (смыслов), которые придают этим объектам» [Зубок, Чупров, 2016. С. 32]. Если в сознании место проживания имеет образ проблемной территории с отсутствием видения перспектив, то молодежь стремится уехать. И, напротив,

если молодежь видит для себя возможности развития, она будет стремиться развиваться в месте своего проживания. Именно в этом, на наш взгляд, должен заключаться сущностный смысл политики государства в отношении молодежи – конструирование наполненных смыслами образов, подкрепленными реальными условиями жизнедеятельности.

Факт 1. Студенческая молодежь характеризуется противоречивым ассоциативным восприятием образа города Хабаровска. Ответы молодежи на открытый вопрос анкеты мы сгруппировали в множественные типичные ассоциации. Выделив при этом ТОП-10 ассоциаций, увидели, что Хабаровск вызывает у студенчества противоречивые реакции. Для одних он выглядит скучным, серым, тоскливым, сонным и бесперспективным. Для других он видится молодежным, уютным, комфортным, развивающимся (табл. 1). При этом результаты демонстрируют примерно равнозначные оценки молодежью положительных и отрицательных восприятий города.

Факт 2. В оценках студенческой молодежи Хабаровск – город, комфортный для проведения досуга. С такой оценкой согласилось большинство молодых людей (65,1%). Лишь треть опрошенных молодых людей (27,3%) считают Хабаровск некомфортным для досуга городом. Менее десятой части студентов (7,6%) затруднились с оценкой на этот счет.

При этом образ комфортности (неком-

Таблица 1

Результаты ответа на вопрос анкеты: «Если говорить о нашем городе – Хабаровске, то какие ассоциации у Вас он вызывает?»

(в % от числа опрошенных)

Ассоциации	%
Неблагоприятный климат: ветрено, снежно, сыро, холодно	8,6
Скучный, тоскливый, печальный, серый, странный, сонный	7,8
Дом, уют, комфорт	6,8
Город студентов, молодежи, учеба	6,5
Маленький город, провинция, деревня	6,3
Родной город, Родина	5,0
Перспективный, развивающийся	4,8
Бесперспективный, застой	4,6
Дорогой (высокие цены, низкие зарплаты)	4,6
Река Амур	4,5

Источник: составлено автором на основе данных социологического опроса студенчества г. Хабаровска по теме: «Современное студенчество Хабаровска: сегодня и завтра», 2021 г.

фортности) городской жизни существенно влияет на миграционные настроения молодежи. Так, среди тех молодых людей, в образе которых Хабаровск комфортный город, желающих после учебы остаться в нем жить и работать практически в два раза больше (75,6%), чем среди тех молодых людей, в образе которых Хабаровск – город некомфортный (48,3%).

Факт 3. В повседневности студенческой молодежи доминирует пассивный досуг над активным. Фактором, повлиявшим на развитие данной тенденции в текущем году, как и в предыдущем, стали ограничения, обусловленные пандемией коронавируса. Её последствия будут связаны не только со снижением двигательной активности, негативно влияющим на физическое здоровье, но и с нарушением сложившихся социальных контактов и связей, влияющих уже на здоровье психическое. Как отмечают социологи, «пандемия коронавируса поставила перед современным обществом проблемы не только и не столько медицинского характера, сколько социального и коммуникативного» [Ярмак, Страшко, Шкайдерова, 2020. С. 138]. Среди наиболее распространенных видов досуга молодежь отмечала: занимаюсь домашними делами (74,5%), провожу время с друзьями (63,9%), отсыпаясь (56,6%), прогулки по улицам (55,0%), занимаюсь любимым делом, хобби (54,4%), занимаюсь саморазвитием, самообразованием (54,3%), слушаю музыку (54,2%), провожу время в социальных сетях (50,0%), совершаю прогулки по торговым центрам, шопинг (46,6%), читаю книги (43,9%), занимаюсь спортом, фитнесом, туризмом (43,7%) и др.

Факт 4. Интересные места для молодежного досуга – торговые центры. С позиции молодежи в Хабаровске достаточно много интересных мест для проведения досуга. Однако особенностью является то, что, отвечая на открытый вопрос анкеты о наиболее интересных местах молодежного досуга в городе, доминирующее положение занимают торговые центры во главе с «BROSKO MALL» (36,1%). На втором месте находится набережная реки Амур (34,1%), а на третьем месте – кинотеатры (20,9%) и парки (20,1%). За тройкой лидеров молодежных мест досуга расположились ночные клубы и бары (10,4%), кафе (9,4%), городские площади

(7,7%), театры и музеи (7,0%), спортивные площадки, стадионы (4,9%).

Факт 5. Современной студенческой молодежи не хватает в городе интеллектуального досуга. Обобщая ответы молодежи на открытый вопрос анкеты о том, чего в городе не хватает для интересного досуга, мы выделили порядка 30 предложений, лидирующее место среди которых занимают познавательные мероприятия (18,1%). ТОП-10 направлений развития городского молодежного досуга представлен в таблице 2.

Проблемы молодежи как индикатор ее благополучия и устремлений. Проблемное поле жизнедеятельности, отраженное в общественном сознании молодежи, выступает одним из наиболее значимых факторов миграционных настроений молодежи. И это сегодня не только дальневосточная специфика, это общероссийская тенденция: «поиск новых и лучших возможностей, стремление повысить шансы на трудоустройство как на зарубежном, так и на национальном рынке труда толкает молодых людей на профессиональную миграцию» [Смакотина, 2013. С. 99].

Факт 6. Специфика студенческого сознания такова, что самые важные проблемы ее жизнедеятельности сопряжены с уровнем и качеством жизни, а также уверенностью в своем будущем (индикатором чего выступает высокая обеспокоенность проблемой безработицы или опасностью не найти работу). Студенчество сегодня обеспокоено ростом цен на товары и услуги (77,5%), достойной оплатой труда (71,6%), качеством образования (66,2%), безработицей или опасностью не найти работу (63,1%), качеством медицины (58,8%), благоустройством улиц, дворов, дорог (54,0%), коррупцией и произволом чиновников (50,1%), низким уровнем жизни (49,3%), доступности жилья (48,6%), экологией (42,3%).

Факт 7. Проблемы уровня и качества жизни превосходят в молодежном сознании осознание потребности в культурном, духовном, нравственном, творческом развитии. Студенческая молодежь в меньшей степени обеспокоена состоянием культуры и нравственности (23,4%), возможностями творческого развития (19,9%), развитием молодежного предпринимательства (16,8%).

Факт 8. В молодежном сознании доминирует желание уехать из города Хабаровска после получения образования. В целом студенчество разделилось в своих оценках на три примерно равные части (табл. 3). Однако существенную часть «затруднившихся» с оценкой, в силу отсутствия однозначного желания связать свою жизнь с городом Хабаровском, мы все же относим к группе потенциальных мигрантов, их «социальные якоря» слабы. Две трети студенчества готовы уехать из города. И в большинстве – это стремление вообще покинуть территорию Дальнего Востока. Каждый четвертый (23,0%) стремится переехать в Москву или Санкт-Петербург, еще такая же часть (22,9%) – в города центральной части России, а каждый пятый (18,1%) декларирует желание выехать за рубеж. В другие города и населенные пункты Дальнего Востока демонстрируют желание переехать лишь

13,8%. Остальные 22,2% не решили куда уехать, но здесь оставаться не планируют.

Факт 9. Образ бесперспективности – главная причина оттока студенческой молодежи. Отвечая на открытый вопрос анкеты о причинах отъезда, студенты отмечали, что не видят здесь для себя развития, перспектив, не уверены с трудоустройством: «нет развития» (17,7%), «нет перспектив» (16,9%), «неблагоприятный климат» (14,5%), «проблемы с трудоустройством» (11,0%), «дорогое жилье» (10,5%), «мало возможностей для самореализации» (10,5%), «низкий уровень жизни» (10,1%) и др. Отсутствие уверенности в своем будущем и состояние неопределенности выступают определяющей доминантой мотивации отъезда. В условиях отсутствия сформированных в молодежном сознании четких и понятных контуров образа «города, в котором хочется жить», стано-

Таблица 2

Результаты ответа на вопрос анкеты: «Если Вы считаете, что г. Хабаровск не в полной мере комфортен для проведения молодежного досуга, то чего не хватает?» (в % от числа опрошенных)

Направления развития досуга в городе	%
Познавательные мероприятия (форумы, семинары, межвузовские мероприятия, выступления интересных спикеров)	18,1
Доступность мероприятий (бесплатный досуг, скидки студентам, информированность о мероприятиях)	16,1
Развлекательные и досуговые мероприятия (концерты, фестивали)	14,4
Парки, зоны отдыха	12,9
Стадионы для спорта и спортивные площадки	8,0
Творческие мероприятия	6,5
Коворкинг для молодежи	5,6
Торгово-развлекательные центры	4,7
Места для проведения активного отдыха	4,5
Культурные мероприятия	4,5

Источник: составлено автором на основе данных социологического опроса студенчества г. Хабаровска по теме: «Современное студенчество Хабаровска: сегодня и завтра», 2021 г.

Таблица 3

Результаты ответа на вопрос анкеты: «Какие у Вас планы в течение 3–5 лет после получения образования?» (в % от числа опрошенных)

Планы	%
Остаться жить и работать в Хабаровске	28,0
Уехать отсюда	37,6
Трудно ответить, еще не решил	34,4

Источник: составлено автором на основе данных социологического опроса студенчества г. Хабаровска по теме: «Современное студенчество Хабаровска: сегодня и завтра», 2021 г.

вится сложным реализовывать политику по интеграции молодежи в социально-экономическое развитие города.

Занятость молодежи как индикатор уверенности в будущем. Именно наличие возможности иметь интересную работу, способную реализовать устремления молодежи, наличие достойной оплаты труда являются залогом развития территории. Наши многолетние социологические исследования, проводимые на территории населенных пунктов региона, фиксируют, что доминантой «опустынивания» их территорий выступает отсутствие работы. Отсутствие ясного и понятного «образа будущего» или же наличие «образа будущего», не укладывающегося в представления и картину мира молодежи, обуславливает активность в поиске этого желаемого «образа будущего». Как отмечают Ю. А. Зубок и В. И. Чупров: «источником подражания выступает интуитивно ощущаемое будущее, мысленно заглядывая в которое молодой человек определяет для себя актуальные ценности-цели, выстраивает поведенческие стратегии» [Зубок, Чупров, 2019. С. 14].

Факт 10. Большая часть студенческой молодежи ориентирована на работу по специальности. Две трети молодежи (71,4%) связывают получение образования со своей будущей профессией (в сумме вариантов ответа «полностью ориентируюсь на свою специальность» – 45,5% и «рассчитываю на возможность совмещать работу и специальность» – 25,9%). Треть молодых людей (28,6%) либо не планируют оставаться в профессии, либо еще не определилась с выбором. Фактор осознанной определенности профессионального выбора в некоторой степени повышает желание молодежи оставаться в городе после окончания учебы. Отсюда следует, что эффективная система профориентационной работы с учетом кадровой потребности региона должна выступать одним из инструментов создания условий для снижения миграционного оттока молодежи. Так, среди тех, кто планирует остаться в городе после завершения обучения практически половина (46,7%) полностью ориентирована на профессию по получаемой специальности, а среди тех, кто хочет уехать, ориентированных на профессию лишь треть (32,1%). Это в очередной раз под-

тверждает нашу гипотезу о том, что размытость границ «образов» в сознании молодежи, «выталкивает» ее из региона.

Факт 11. Молодежь в своей будущей работе ценит независимость и доход. Работа на себя (76,2%), большая зарплата (70,3%) и интересная работа (67,9%) – вот слагаемые успеха при выборе будущей работы с молодежью. При этом комфортность условий труда (58,2%) и официальное трудоустройство (44,9%) для нее имеет минимальное значение. Связывая наличие серьезных проблем своего уровня и качества жизни с отсутствием уверенности в будущем (как следствие созданных обществом и государством условий), современная молодежь ориентируется на собственные возможности и демонстрирует желание «работать на себя».

Факт 12. В студенческом сознании доминирует желание открыть свой бизнес. Предпринимательство выступает одним из инструментов реализации молодежных устремлений, ее представлений об успешности в современном мире – самостоятельность в делах и достаточность в зарплате. Более половины студенческой молодежи (52,4%) планируют найти или хотят реализовать в будущем бизнес-идею (табл. 4).

Факт 13. Молодежь слабо информирована о возможностях, условиях и программах развития предпринимательства в регионе. Несмотря на высокий молодежный запрос по развитию предпринимательства, результаты опроса свидетельствуют о проблемах коммуникации органов власти, реализующих молодежную политику. Более 90% студенческой молодежи либо вообще не имеют представления о каких-либо программах поддержки и развития молодежного предпринимательства, либо имеют весьма общие и абстрактные представления. На наш взгляд, как раз важным фактором развития предпринимательства выступает именно его государственная поддержка, создание условий для его развития в регионе как главного драйвера роста экономики и повышения уровня жизни населения.

Факт 14. Однако студенческая молодежь не ощущает влияние деятельности государства по решению проблем молодежи. Более половины опрошенных молодых людей (67,7%) отвечая на

Таблица 4

Результаты ответа на вопрос анкеты: «Хотели бы Вы заниматься предпринимательством?» (в % от числа опрошенных)

Оценки	%
У меня уже есть свой бизнес	3,3
Есть бизнес-идея, хотел бы воплотить ее в жизнь	21,7
Мне интересно предпринимательство, и я хотел бы найти идею для собственного бизнеса	30,7
Хочу понять, подходит ли мне предпринимательство	20,8
Нет, не хотел бы	16,4
Затрудняюсь ответить	7,1

Источник: составлено автором на основе данных социологического опроса студенчества г. Хабаровска по теме: «Современное студенчество Хабаровска: сегодня и завтра», 2021 г.

вопрос анкеты: «Если иметь ввиду, что молодежная политика – это деятельность государства по решению проблем молодежи, ощущаете ли Вы на себе ее влияние?» выбрали вариант ответа «нет никакого влияния». Такие результаты актуализуют радикальную трансформацию молодежной политики в части выстраивания взаимодействия, обратной связи, ориентации на решение реальных молодежных проблем, интеграции молодежи в развитие территории.

Факт 15. Молодежное сознание характеризуется «социальной дистанцированностью» с органами власти. Лишь 5,6% молодежи в повседневной жизни одобряют и поддерживают действия властей. Более половины опрошенных (74,4%) либо вынуждены приспосабливаться, либо держатся от властей в стороне. Каждый пятый (20,0%) затруднился с оценкой. Нарушение необходимой связи между субъектом и объектом управленческой деятельности существенно влияет на наличие обозначенных в статье проблем: неопределенности и несформированности образа города, образа будущего, образа перспектив, образа возможностей, образа востребованности и др. Все это, в конечном итоге, существенно

влияет на самую главную проблему регионального развития – миграционный отток образовательного, интеллектуального, креативного, трудового и молодежного потенциала.

Заключение. Опрос студенческой молодежи Хабаровска показал, что серьезной проблемой реализации молодежного потенциала в городе и регионе выступает высокий миграционный отток молодежи, в основе которого проблема видения молодежью перспектив своего развития, уверенности в своем будущем. Высокая стоимость жизни, низкая оплата труда, опасность быть невостребованным, качество и доступность медицины, жилищная проблема, досуг – вот что сегодня беспокоит молодежь. Молодежью очень востребован сегодня интеллектуальный досуг. Важно и развитие творческих направлений, развлекательных мероприятий, мест для спорта и культурного отдыха. Особым молодежным запросом выступает развитие молодежного предпринимательства. Все это, в конечном счете, и должно наполнять муниципальные и краевые программы молодежного развития.

Список источников:

1. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2018.
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.
3. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смыслжизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 3. С. 3–13.
4. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Доверие в саморегуляции социальных взаимодей-

ствий молодежи в изменяющейся социальной реальности // Проблемы развития территории. 2016. № 5 (85). С. 32.

5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизнедеятельность молодежи в культурном пространстве изменяющейся реальности: теоретические подходы к исследованию // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Культурное пространство молодежи: смыслы и практики» / Под общей редакцией Т. К. Ростовской. М.: ООО «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2019. С. 9–18.

6. Смакотина Н. Л. Молодежь в условиях глобальной социальной турбулентности // Вестник московского университета. Серия 27: глобалистика и геополитика. 2013. №1. С. 97–102.

7. Ярмак О. В., Страшко Е. В., Шкайдерова Т. В. Реакция на пандемию Covid-19 интерне-таудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 121–142.

References:

1. Giddens E. Organization of society: Essay on the theory of structuration. M.: Academic project, 2018. (In Russian).

2. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Youth of Russia: a sociological portrait. M.: TsSPiM, 2010. (In Russian).

3. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Life-meaning value in the cultural space of Russian youth *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye* [Scientific result. Sociology and Management], 2018, vol. 4, no. 3, pp. 3–13. (In Russian).

4. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Trust in self-regulation of social interactions of young people in the changing social reality *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory development], 2016, no. 5 (85), pp. 32. (In Russian).

5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Vital activity of youth in the cultural space of changing reality: theoretical approaches to research. Materials of the All-Russian scientific and practical conference “Cultural space of youth: meanings and practices” / Edited by T. K. Rostov. M.: LLC “Publishing and trading house “PERSPECTIVE”, 2019, pp. 9–18. (In Russian).

6. Smakotina N. L. Youth in the context of global social turbulence *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 27: globalistika i geopolitika* [Bulletin of the Moscow University. Episode 27: Global Studies and Geopolitics], 2013, no. 1, pp. 97–102. (In Russian).

7. Yarmak O. V., Strashko E. V., Shkayderova T. V. Response to the Covid-19 pandemic of the Internet audiences in Moscow, St. Petersburg and Sevastopol (based on media analytical research) *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2020, vol. 11, no. 3, pp. 121–142. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 25.10.2021; одобрена после рецензирования 22.11.2021; принята к публикации 25.11.2021.

The article was submitted 25.10.2021; approved after reviewing 22.11.2021; accepted for publication 25.11.2021.

Информация об авторе

Ю. В. Березутский – канд. социол. наук, доцент, начальник отдела организации научных исследований и аспирантуры, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал

Information about the author

Yu. V. Berezutskiy – Candidate of Sociology, associate professor, head of the department for organization of scientific research and graduate studies, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА

Научная статья

УДК 347.639

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-118-127

Проблемы социального сопровождения выпускников детских домов в условиях пандемии (региональный аспект)

Марина Александровна Черевко^{1,2}

¹ Дальневосточный государственный медицинский университет, Хабаровск, Россия, Vugoenko@yandex.ru

² Дальневосточный филиал, Российский государственный университет правосудия, Хабаровск, Россия

Аннотация. *Статья посвящена вопросам, связанным с изучением проблем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях пандемии (COVID-19). Анализ существующей ситуации в данном проблемном поле свидетельствует об обострении традиционных противоречий, с одной стороны, и возникновении совершенно новых, усложняющих непростою ситуацию с данной категорией населения, с другой. В статье проанализированы проблемы, с которыми сталкиваются выпускники детских домов, порождённые условиями пандемии и аспектами социальной политики в данном направлении (проблемы социальной адаптации в социум, нарушение основных прав выпускников, проблемы правового нигилизма, отсутствие фундаментальной федеральной и региональной правовой базы по данному вопросу, отсутствие технических возможностей у выпускников в получении дистанционного социального сопровождения). В статье актуализируется необходимость разработки механизмов межведомственного взаимодействия по постинтернатному сопровождению на территории Хабаровского края. Полученные эмпирические данные в результате проведенного экспертного опроса актуализируют необходимость кардинального изменения вектора решения проблем в отношении выпускников детских домов и социального сопровождения данной категории лиц в краткосрочной перспективе. Выявленные противоречия нормативно-правового регулирования свидетельствуют об отсутствии единого подхода к понятию постинтернатного сопровождения как вида социального сопровождения. Было установлено, что организация постинтернатного сопровождения относится к полномочиям субъектов РФ, которые, в свою очередь, по-разному осуществляют нормативно-правовое регулирование общественных отношений в сфере постинтернатного сопровождения детей-сирот. В статье сделаны основные выводы и предложения по совершенствованию деятельности субъектов РФ по постинтернатному сопровождению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.*

Ключевые слова: *социальное сопровождение, дети-сироты, пандемия, выпускники интернатных учреждений, социальная адаптация, социальная политика*

Для цитирования: Черевко М. А. Проблемы социального сопровождения выпускников детских домов в условиях пандемии (региональный аспект) // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 118–127. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-118-127>

Problems of social support for graduates of orphanages in a pandemic (regional aspect)

Marina A. Cherevko^{1,2}

¹ The Far-Eastern State Medical University, Khabarovsk, Russia, Bugoenko@yandex.ru

² The Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice, Khabarovsk, Russia

Abstract. *The article is devoted to the issues related to the study of problems of orphans and children left without parental care in the context of a pandemic (COVID-19). Analysis of the existing situation in this problem field testifies to the exacerbation of traditional contradictions, on the one hand, and the emergence of completely new ones, complicating the difficult situation with this category of the population, on the other. The article analyzes the problems faced by graduates of orphanages, generated by the conditions of the pandemic and aspects of social policy in this direction (problems of social adaptation in society, violation of the basic rights of graduates, problems of legal nihilism, the lack of a fundamental federal and regional legal framework on this issue, the lack of technical capabilities of graduates in receiving remote social support). The article highlights the need to develop mechanisms for interdepartmental interaction for post-boarding support on the territory of the Khabarovsk territory. The empirical data obtained as a result of the conducted expert survey actualizes the need for a radical change in the vector of solving problems in relation to graduates of orphanages and social support for this category of persons in the short term. The revealed contradictions in legal regulation indicate the absence of unified approach to the concept of post-boarding support as a type of social support. It was found that the organization of post-boarding support belongs to the powers of the constituent entities of the Russian Federation, which, in turn, differently carry out the legal regulation of social relations in the field of post-boarding support of orphans. The article draws the main conclusions and proposals for improving the activities of subjects on post-boarding support for orphans and children left without parental care.*

Keywords: *social support, orphans, pandemic, graduates of boarding schools, social adaptation, social policy*

For citation: Cherevko. M. A. Problems of social support for graduates of orphanages in a pandemic (regional aspect) // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 118–127. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-118-127>

Введение. Следует отметить, что условия пандемии обострили и сформировали пласт новых, острых проблемных зон в интернатных учреждениях как Хабаровского края, так и всей страны в целом. Так, продолжительный период социальной изоляции после введения ограничительных мер осложнился проблемами в адаптации к взаимодействию с новыми педагогами, замещающими наставников, находившихся на длительном карантине. Отсутствие возможностей для встречи с потенциальными опекунами и волонтерами, которые были допущены в детские дома до пандемии, способствовали обострению конфликтов

внутри учреждения по причине невозможности выходить на улицу, регулярно посещать образовательные организации, дополнительные развивающие занятия. В условиях гибридного и дистанционного обучения также возникли сложности в усвоении школьной программы по причине низкого уровня компьютерной грамотности и недостаточности компьютерной техники во многих детских домах, отсутствия учителей для индивидуализации процесса обучения. Ряд специалистов отмечают проблемы, связанные с длительностью и задержкой регистрации детей, родители которых умерли от коронавирусной инфекции. По причине

длительной болезни и удаленной работы специалистов детских домов в период пандемии появились трудности с приучением детей к новым условиям проживания в учреждениях. Как следствие, существующие интернатные условия проживания оказывают определенные сложности в процессе становления и интеграции выпускников в социум.

Особого внимания заслуживает анализ проблем выпускников детских домов, с учетом того, что в научной литературе этот вопрос представлен фрагментарно. Основываясь на эмпирических данных мониторингового исследования, которое ежегодно проводит Благотворительный фонд «Дети наши», можно отметить, что основными проблемами, с которыми сталкиваются выпускники детских домов, являются проблемы с жильем; сложности с выбором профессии; отсутствие общения с родными; трудности с обучением/получением образования; проблемы с общением среди сверстников; низкий уровень благополучия, удовлетворенности жизнью, правовой и финансовой грамотности; наличие иждивенческого поведения; искажение семейных ценностей [Овдина, 2017. С. 98].

В 2020 г. председатель Счетной палаты А. Кудрин отметил, что количество совершеннолетних выпускников интернатных учреждений России, имеющих право на собственное жилье, но не обладающих возможностью его получить, превышает 193 тыс. человек. Несмотря на то, что Министерство просвещения РФ разрешает воспитанникам от 18 до 23 лет бесплатно проживать и питаться в интернатных учреждениях вплоть до трудоустройства, поступления в колледж или вуз, не каждое из них может эти условия предоставить. По достижении совершеннолетия большинство сирот вынуждены искать варианты трудоустройства и арендовать квартиры для самостоятельного проживания. При этом многие начинают искать свою первую работу уже в 16 лет. Результаты исследований ВШЭ показали, что из-за пандемии боль-

ше всего пострадала молодежь и выпускники 2019–2020 гг. Если проблемы с трудоустройством испытывают уже состоявшиеся профессионалы и выпускники университетов, то дети из социально незащищенных групп населения находятся в еще более сложном положении¹. Следовательно, развитие и совершенствование технологий социального сопровождения выпускников интернатных учреждений остаются достаточно актуальными и требуют оптимизации социальной политики государства к новым условиям их функционирования.

Методология исследования. Теоретико-методологическую основу формирования, функционирования и развития технологии социального сопровождения составили научные труды многих отечественных и зарубежных ученых. Так, исследования И. А. Горчаковой посвящены вопросам подготовки выпускников детских домов к семейной жизни; Л. М. Загребельная, О. Ю. Итальянкина, К. Р. Мелконян, Г. В. Семья, И. И. Шевченко, А. М. Шипицына анализировали проблемы их социальной адаптации.

С точки зрения теории структуризации Э. Гидденса элементы социального сопровождения можно представить как социальные системы, охватывающие действия людей, расположенные во времени и пространстве. Два этих условия взаимозависимы и называются интеграцией, которая, в свою очередь, определяет основу для формирования социальных практик, образующих в дальнейшем социальные системы. Под ними целесообразно понимать методы, техники, технологии, используемые при работе с людьми по решению социальных проблем. Анализ теории Э. Гидденса, дает основание рассматривать технологию социального сопровождения в качестве комплекса методов и форм работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, как социальную практику [Старикова, 2017. С. 217].

Н. В. Гарашкина и А. А. Дружинина рассматривают сопровождение как тех-

¹ Кудрин: на обеспечение жильем сирот нужно 264 млрд рублей. URL: <https://www.pnp.ru/social/kudrin-na-obespechenie-zhilyom-sirot-nuzhno-264-mlrd-rubley.html>

нологию социальной работы, включающую в себя эффективные методы, способы и знания решения адаптивных проблем. Решение проблемы авторы основывают на поэтапном решении трудностей, в основе которых будет лежать проектирование целеполагания и осуществление плана. [Гарашкина, Дружинина, 2014. С. 141]. По мнению Е. И. Казаковой, сопровождение является методом, обеспечивающим создание условия для системного решения трудностей. В трудах Е. И. Казаковой и А. П. Тряпцыной сопровождение рассматривается как взаимодействие сопровождающего с сопровождаемым, направленное на решение его жизненных проблем. Организация взаимодействия между объектом и субъектом сопровождения также способствует решению жизненных проблем объекта сопровождения². Процесс сопровождения понимается как оказание помощи молодому человеку путем осуществления диагностики проблемы, разработки плана решения, принятия путей решения. Целесообразно отметить, что в литературных источниках выделяют следующие типы сопровождения:

- общее сопровождение жизнедеятельности, включающее в себя создание условий для взаимодействия личности с окружающими с целью реализации основных потребностей и функций, определяющих статус, роль человека в обществе;

- направленное сопровождение, которое организовывается при наступлении у личности частных проблем, трудностей в процессе социализации и адаптации (медицинское, психологическое, финансовое, социально-педагогическое);

- социальное сопровождение, которое осуществляется при выявлении у конкретной личности проблем и трудностей их решения.

В рамках изучаемого вопроса интерес представляет анализ постинтернатного сопровождения как вида социального сопровождения. Так, в ра-

боте Ф. З. Шогеновой, постинтернатное сопровождение рассматривается как комплекс мероприятий, направленных на успешную адаптацию выпускников интернатных учреждений, саморазвитие, становление в обществе, снижение преступлений и правонарушений как совершаемых данной категорией, так и по отношению к ним.³

По мнению А. Р. Ишматова и Т. В. Бондарчука, постинтернатное сопровождение целесообразно рассматривать в качестве процесса приспособления данной категории молодежи к условиям среды вне стен интернатных учреждений. При этом задачей самого выпускника является приспособление к новым условиям общества [Ишматова, Бондарчук, 2014. С. 19–25].

Мы будем руководствоваться пониманием постинтернатного сопровождения как процесса оказания всестороннего содействия в преодолении трудной жизненной ситуации лицам из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (молодые люди в возрасте от 18 до 23 лет), после завершения ими пребывания в учреждениях соответствующего вида.

Анализ основных подходов к изучению феномена постинтернатного социального сопровождения дает понять, что основная цель социального сопровождения представляет собой систематическую и направленную работу учреждений на стимулирование осознанности и самостоятельности молодых людей, формирование у них активной жизненной позиции в решении проблем своей жизнедеятельности.

Результаты исследования. Следует отметить, что в число наиболее актуальных задач, стоящих перед органами государственной власти и местного самоуправления в сфере адаптации выпускников интернатных учреждений, входит усовершенствование системы социально-правового сопровождения,

² А Суткова, Н. В. Феномен «педагогическое сопровождение» в актуальных педагогических исследованиях. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/210/11663/>

³ Шогенова Ф. З. Проблема социальной адаптации выпускников детских домов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sotsialnoy-adaptatsii-vypusknikov-detskikh-domov/viewer>

обеспечение жильем, оказание содействия в получении профессионального образования и трудоустройстве после завершения пребывания. Национальная доктрина российского образования до 2025 г. предполагает организацию социально-психолого-педагогического сопровождения процесса социализации и адаптации обучающихся, в том числе воспитанников интернатных учреждений во всех субъектах Российской Федерации с особым акцентом на постинтернатное сопровождение.

Вместе с тем при анализе полученных эмпирических данных было установлено, что наиболее частые трудности выпускники интернатных учреждений испытывают по вопросам правовой некомпетентности⁴. Исследование проиллюстрировало, что при выпуске из интернатного учреждения у 90% выпускников отсутствует регистрация как временная, так и постоянная. Это определяет круг трудностей при трудоустройстве, получении социальных льгот и пособий, своевременном предоставлении жилых помещений (предоставление временного общежития не предусмотрено), компенсации за найм жилья в отдаленных территориях. Например, в г. Николаевске-на-Амуре эта компенсация не покрывает даже 50% затрат съемного жилищного фонда. Как было отмечено экспертами, по причине отсутствия у выпускников регистрации по месту жительства возникают следующие проблемы:

- невозможность постановки на учет в качестве безработного в Центр занятости населения Хабаровского края;
- проживание без регистрации подлежит административному наказанию в виде штрафа (ст. 19.15.1 КоАП РФ);
- проблемы при устройстве на работу.

Таким образом, как отмечают эксперты, в случае своевременного социально-правового сопровождения, возможности предоставления жилого помещения по договору найма, специализированного жилого помещения при выпуске из дет-

ского дома воспитанникам по достижению совершеннолетнего возраста, их регистрации по месту жительства в данном жилом помещении, вышеуказанных проблем можно избежать.

По мнению большинства экспертов, современная политика в отношении выпускников интернатных учреждений на территории Хабаровского края имеет существенные пробелы в разработке (55%), другие считают ее разработанной, но не реализованной в полном объеме основных положений (45%). В рамках основных противоречивых моментов, которые требуют существенных доработок, были выделены:

- отсутствие системной организации и осуществления индивидуального сопровождения выпускников;
- содействие выпускникам в получении образования, трудоустройстве, приобретении навыков адаптации в обществе осуществляется точно;
- содействие выпускникам в защите прав и законных интересов, реализации социальных гарантий осложняется низким уровнем правовой компетентности специалистов;
- не сформирован механизм взаимодействия с органами государственной власти, органами местного самоуправления, с образовательными учреждениями, учреждениями и предприятиями, в которых обучаются или трудятся выпускники.

Большинство экспертов считают, что необходимы существенные изменения в предвыпускной подготовке молодежи в рамках правового сопровождения с учетом условий пандемии (85%). Основная часть экспертов (70%) придерживается мнения, что в социальных учреждениях в предвыпускной период ведется незначительная подготовка выпускников по правовым вопросам, и в период пандемии эта проблема актуализировалась в большей степени. За период 2020–2021 гг. в формате онлайн на платформе Zoom специалистами центров были за-

⁴ Результаты экспертного опроса 30 специалистов социальных служб Хабаровского края постинтернатного сопровождения (исследование проведено с применением методики анкетного опроса в период с 15 апреля по 30 мая 2021 года).

планированы и проведены встречи с выпускниками интернатных учреждений для детей-сирот. Однако данные формы информирования лишены системной обратной связи, отсутствует механизм отслеживания качества и результативности данных видов работы.

По мнению экспертов, работа с выпускниками интернатных учреждений в социально-правовом направлении должна акцентировать внимание на вопросах, во-первых, обеспечения их права на жилье (57%); во-вторых, на профилактике правонарушений и защите выпускников в ходе судебных процессов (23%), в-третьих, помощи в оформлении необходимых для жизненной адаптации официально-правовых документов (17% респондентов). При этом важным и сложным вопросом на сегодняшний день остается работа по сопровождению воспитанников в реализации их прав на жилье и, как следствие, правовой подготовки специалистов, занимающихся социально-правовым сопровождением выпускников. Не каждый специалист учреждения обладает необходимым перечнем юридических компетенций как в рамках жилищных прав выпускников, так и возможной судебной практики, вытекающей вследствие их нарушения. Так, в соответствии с Федеральным законом № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» квартира положена сироте по достижении возраста 18 лет, а не в порядке очереди, как часто трактуют данное право специалисты службы социального сопровождения. Вместе с тем, если молодой человек находился в образовательном или медицинском учреждении, учреждении социального обслуживания, его следует обеспечить жильем, когда срок пребывания сироты в этой организации закончится. В случае, если сирота получал профессиональное образование или проходил военную службу по призыву, необходимо обеспечить его жильем после окончания обуче-

ния или службы. Сироте, который отбыл наказание в исправительном учреждении, надо предоставить жилье сразу после освобождения. Важно отметить, что предоставление сироте помещения в доме, признанном аварийным, является прямым нарушением его законного права на жилье. Следовательно, обязанность по обеспечению жильем ребенка, оставшегося без родителей, не будет считаться в данном случае выполненной. Ряд экспертов отмечают и существование объективной потребности в помощи выпускникам, которые были исключены из списка тех, кого муниципалитет обязан обеспечить жильем, не основываясь на правовых аспектах. Юридические основания свидетельствует о пяти возможных случаях исключения:

- сироте предоставили жилое помещение в собственность или по договору социального найма;
- гражданин утратил основания для предоставления благоустроенного жилого помещения;
- гражданина включили в список в другом регионе или муниципалитете в связи со сменой места жительства;
- сирота больше не является гражданином России;
- сирота умер или был объявлен умершим⁵.

В ходе исследования экспертам было предложено выделить факторы, которые влияют, на их взгляд, на формирование проблемы правовой безграмотности выпускников. Ответы распределились следующим образом: отсутствие системной подготовки воспитанников в детских домах (64%); индивидуально-личностные характеристики выпускников (26%); нежелание получения соответствующих знаний (10%). Правовая безграмотность, на взгляд экспертов, в большей степени приводит к таким последствиям как социальная дезадаптация, повышение уровня делинквентного поведения, отсутствие когнитивных способностей к защите своих прав и законных интересов.

Анализ проблем, связанных с

⁵ См.: Федеральный закон от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (в ред. от 17.02.2021)». URL: <http://www.consultant.ru>

индивидуально-личностными характеристиками выпускников, позволяет отметить тот факт, что, выходя из интернатного учреждения, дети-сироты находятся в состоянии временной дезадаптации и не могут в полной мере оценивать и решать возникающие трудности. Отсутствие навыков делового общения, сложности, связанные с дружескими и приятельскими отношениями, тенденции к общению исключительно в своей малой группе, склонной к девиантному поведению, создают сложности в полноценной адаптации. Вместе с тем, услуга постинтернатного сопровождения оказывается выпускнику только по его письменному запросу, на основе которого разрабатывается индивидуальный план решения проблемы, прописываются мероприятия, сроки исполнения, планируемый и полученный результат. Следовательно, молодой человек должен владеть четким алгоритмом поведенческих действий в случае возникновения жизненных затруднений, который у основной части выпускников не сформирован. Значительная часть подготовительных мероприятий, как отмечают эксперты, направлена на психолого-педагогическую адаптацию выпускников с акцентом на формирование жизненного самоопределения и готовности к коммуникационной активности. Формирование системного механизма, обеспечивающего всестороннее, а не точечное правовое сопровождение выпускников на протяжении первых лет самостоятельной жизни, является главной задачей для субъектов всех уровней власти.

Интересным, на наш взгляд, представляется использование опыта социального сопровождения субъектов Центрального федерального округа, в основу которого положена идея персонального наставни-

ка – специалиста государственного учреждения или добровольца (представителя различных общественных и волонтерских организаций). Специалистами организуется индивидуальное сопровождение, т.е. наставничество над социально дезадаптированными выпускниками в первый год самостоятельной жизни после выпуска из интернатного учреждения, над детьми-сиротами, обучающимися в образовательных организациях, проживающими в общежитиях и имеющими сложности в социальной адаптации. Задачей наставника является формирование у подопечного позитивного отношения к обучению, мотивирование к самоорганизации, помощь в решении практических проблем, организации свободного времени, эмоциональная поддержка. Специалист подсказывает, как рационально вести домашнее хозяйство, делать покупки, рассчитывать бюджет, решает вопросы по улучшению успеваемости (дополнительные занятия, пересдача зачетов и экзаменов), организации позитивного досуга, когда наставник привлекает работников образовательного учреждения или использует другие ресурсы. В целом выбор стратегии зависит от особенностей развития ребенка, его возможностей, степени социализации.

При анализе условий, отрицательно влияющих на систему социального сопровождения, большинство экспертов (80%) отметили, что на эффективность процесса социального сопровождения в Хабаровском крае оказывает существенное воздействие состояние нормативной правовой базы по данному вопросу, которая требует кардинального пересмотра и изменений в соответствии с современными эпидемиологическими условиями.⁶ В крае отсутствуют государственные адресные социальные программы по социальному сопровождению

⁶ См.: Федеральный закон от 21 декабря 1996 года № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (в ред. от 17.02.2021), Закон Хабаровского края от 09.12.2020 № 129 «О внесении изменений в Закон Хабаровского края «О мерах социальной поддержки детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Приказ Министерства образования и науки Хабаровского края от 06 сентября 2013 года №23 «Об организации постинтернатного сопровождения выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». URL: <http://www.consultant.ru>

выпускников интернатных учреждений, в том числе в период пандемии, в работе учреждений не используются инновационные методы и формы работы с выпускниками в постинтернатный период.

На вопрос, связанный с предложением форм по совершенствованию технологии социального сопровождения в период пандемии на территории Хабаровского края, экспертами было высказано предложение, связанное с использованием и применением зарубежного опыта, а именно с реализацией проектов «детских деревень», включающих фазу полусамостоятельного проживания перед этапом самостоятельной жизни, связанную со всеми формами и видами адаптации молодого человека. Как отметили эксперты, выпускники организаций интернатного типа должны получить реальную возможность работы с личным правовым консультантом, а также поддержку в обучении навыкам самостоятельности, помощь в поиске и сохранении работы, предоставлении услуг в области здравоохранения в течение трех лет после выпуска посредством применения практики функционирования региональных и краевых клубов поддержки выпускников интернатных учреждений. Вместе с тем актуальным является применение регионального опыта работы «социальных гостиц» для выпускников по оказанию им консультативной, правовой, психологической, социально-педагогической и иной помощи, предоставление при необходимости возможности временного проживания, содействие в получении образования и трудоустройстве.

Заключение. Таким образом, проблемы социального сопровождения выпускников интернатных учреждений в процессе их адаптации к самостоятельной жизни в условиях пандемии представляется достаточно актуальной. Современное развитие системы социального сопрово-

ждения целесообразно охарактеризовать как поиск инновационных форм, способствующих наиболее полному раскрытию потенциала и успешной социальной интеграции выпускников интернатных учреждений в социум. Как показывает практика и оценки экспертов, в современных условиях пандемии в регионах не уделяется пристального внимания данной проблематике. Данный факт проявляется в отсутствии единой системы, регулирующей всю деятельность по организации социального сопровождения, соответствующей нормативной правовой базы на региональном уровне, наличии проблем в организации межведомственного взаимодействия. Целесообразным, по мнению экспертного сообщества, представляется анализ зарубежного и отечественного регионального опыта по применению форм постинтернатного сопровождения выпускников и его экстраполяции в работу российских интернатных учреждений для детей-сирот.

С учетом имеющихся проблем возникает необходимость проведения на территории Хабаровского края комплекса мероприятий, взаимосвязанных по конкретным целям, ресурсам, срокам реализации и исполнителям, обеспечивающих системный подход к решению задач по подготовке к самостоятельной жизни выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Вместе с тем, решение задач по повышению профессиональных компетенций руководителей и специалистов в сфере правового сопровождения представляется актуальным. Разработка целевых программ может стать первоочередной для органов исполнительной власти Хабаровского края и других регионов Российской Федерации в решении проблем постинтернатного социального сопровождения выпускников с учетом условий COVID-19.

Список источников:

1. Алибаева Д. С., Маметьева О. С. Постинтернатное сопровождение выпускников государственных учреждений в России // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 1. С. 86–92
2. Гарашкина Н. В., Дружинина А. А. Социальная работа по решению проблем

самовольных уходов несовершеннолетних из семей: технологический подход // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 9. С. 139–147.

3. Гусарова А. Е. Социальная адаптация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, – воспитанников интернатных учреждений // Молодой ученый. 2018. № 22 (208). С. 276–278.

4. Ишматова А. Р., Бондарчук Т. В. Постинтернатное сопровождение выпускников как технология социальной работы с детьми // Человек. Спорт. Медицина. 2014. № 2. С. 19–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postinternatnoe-soprovozhdenie-vypusknikov-kak-tehnologiya-sotsialnoy-raboty-s-detmi>

5. Носова К. В. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей / К. В. Носова. - Текст: электронный // Молодой ученый. 2019. № 31 (269). С. 115–118.

6. Овдина А. Г., Гольцвардт Т. В., Серова Н. А. Социально-профессиональная адаптация детей-сирот: Проблемы и пути решения // Профессиональное становление и развитие личности. 2017. №3(27). С. 96–103.

7. Плохова И. А. Модель постинтернатного сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. №6 (119). С. 22–28.

8. Старикова Е. А. В поисках истоков формирования социального сопровождения как социальной практики // Социология. 2017. №4. С. 215–220.

9. Чернова Ж. В. Социальная адаптация выпускников детских домов // Женщина в российском обществе. 2016. №4. С. 85–100.

10. Шадский О. Г., Деева Е. В., Болдина М. А. Сопровождение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в системе подготовки к самостоятельной жизни как технология социально-педагогической работы // Социальная педагогика. 2018. № 1. С. 113–120.

References:

1. Alibaeva D. S., Mametyeva O. S. Post-boarding support for graduates of public institutions in Russia *Mezhdunarodnyy studentcheskiy nauchnyy vestnik* [International student scientific bulletin], 2018, no. 1, pp. 86–92. (In Russian).

2. Garashkina N. V., Druzhinina A. A. Social work to solve the problems of unauthorized departure of minors from families: a technological approach *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], 2014, no. 9. pp. 139–147. (In Russian).

3. Gusarova A. E. Social adaptation of orphans and children left without parental care – pupils of boarding schools *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2018, no. 22 (208), pp. 276–278. (In Russian).

4. Ishmatova A. R., Bondarchuk T. V. Post-boarding support of graduates as a technology of social work with children *Chelovek.Sport.Meditsina* [Man.Sport.Medicine], 2014, no. 2, pp. 19–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postinternatnoe-soprovozhdenie-vypusknikov-kak-tehnologiya-sotsialnoy-raboty-s-detmi> (In Russian).

5. Nosova K. V. Orphans and children left without parental care *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2019, no. 31 (269), pp. 115–118. (In Russian).

6. Ovdina A. G., Golzwardt T. V., Serova N. A. Social and professional adaptation of orphans: problems and solutions *Professional'noye stanovleniye i razvitiye lichnosti* [Professional formation and personal development], 2017, no. 3 (27), pp. 96–103. (In Russian).

7. Plokhova I. A. Model of post-boarding support for orphans and children left without parental care *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 2017, no. 6 (119), pp. 22–28. (In Russian).

8. Starikova E. A. In search of the origins of the formation of social support as a so-

cial practice *Sotsiologiya* [Sociology], 2017, no. 4, pp. 215–220.

9. Chernova Zh. V. Social adaptation of graduates of orphanages *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 2016, no. 4, pp. 85–100. (In Russian).

10. Shadsky O. G., Deeva E. V., Boldin M. A. Accompanying orphans and children left without parental care in the system of preparation for an independent life as a technology of social and pedagogical work *Sotsial'naya pedagogika* [Social Pedagogy], 2018, no. 1, pp. 113–120. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 29.10.2021; одобрена после рецензирования 24.11.2021; принята к публикации 26.11.2021.

The article was submitted 29.10.2021; approved after reviewing 24.11.2021; accepted for publication 26.11.2021.

Информация об авторе

М. А. Черевко – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры сестринского дела с курсом социальных дисциплин, Дальневосточный государственный медицинский университет, Дальневосточный филиал, Российский государственный университет правосудия

Information about the author

M. A. Cherevko – Candidate of Sociology, associate professor, associate Professor of the Department of Nursing with a course in social disciplines, The Far-Eastern State Medical University, The Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice

Научная статья

УДК 351.74

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-128-142

Взаимодействие полиции с гражданами и организациями в оценках сотрудников полиции

Евгений Алексеевич Клеймёнов

Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия,
yevgeni-k1@yandex.ru

Аннотация. В статье на основании результатов фокус-групповых интервью сотрудников полиции различных категорий проанализированы социальные практики, складывающиеся в ходе взаимодействия полиции с гражданами и организациями в регионах Дальневосточного федерального округа. На основе методологии, предложенной П. А. Сорокиным, показан субъектный состав лиц, вступающих во взаимодействие с полицией, формы такого взаимодействия. Приоритетное внимание автором уделено вопросам сотрудничества полиции с гражданами и организациями. Кроме того, в работе в социологическом измерении представлено функциональное и дисфункциональное воздействие отдельных факторов на рассматриваемое взаимодействие. Автор приходит к выводу, что одним из самых значимых факторов является статутный набор социального субъекта, контактирующего с полицией. Статья имеет выраженный прикладной характер, закладывает основу для проведения дальнейших количественных опросов.

Ключевые слова: полиция, граждане, организации, субъекты и формы взаимодействия, фокус-группы

Для цитирования: Клеймёнов Е. А. Взаимодействие полиции с гражданами и организациями в оценках сотрудников полиции // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 128–142. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-128-142>

Interaction between the police and society in the assessments of police officers

Evgeniy A. Kleymyonov

The Far-Eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russia, yevgeni-k1@yandex.ru

Abstract. Based on the results of focus group interviews of police officers of different categories, the article analyzes social practices that develop in the course of police interaction with the citizens and organizations in the regions of the Far-Eastern federal district. Based on the methodology proposed by P. A. Sorokin, the article shows the subject composition of persons interacting with the police, the forms of such interaction. The author gives priority attention to the issues of police cooperation with the citizens and organizations. In addition, in the work in sociological dimension, the functional and dysfunctional impact of certain factors on the considered interaction is presented. The author comes to the conclusion that one of the most significant factors is the statutory set of a social subject in contact with the police. The article has a pronounced applied character, lays the foundation for the further quantitative surveys.

Keywords: social support, orphans, pandemic, graduates of boarding schools, social adaptation, social policy

For citation: Kleymyonov E. A. Interaction between the police and society in the assessments of police officers // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 136–150. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-136-150>

Актуальность исследования. В 2021 г. исполнилось десять лет с момента принятия Федерального закона «О полиции»¹. Одной из главных целей данного нормативного правового акта, по мысли законодателя, стало закрепление партнерской, а не доминантной модели взаимоотношений полиции и общества². В литературе, как правило, выделяют следующие признаки партнерских отношений полиции и общества: взаимное доверие граждан и полиции и основанную на нем вовлеченность граждан в дело обеспечения безопасности и общественного порядка [Меньшикова, 2020; Нижник, 2018; Ханин, 2014]. Такая вовлеченность, с одной стороны, выражается в непосредственном участии граждан в охране правопорядка, ином личном противодействии правонарушению, в том числе в рамках профилактических мероприятий, а с другой – в своевременном информировании полиции обо всех ситуациях, которые могут угрожать охраняемым законом интересам субъектов правоотношений, что повышает результативность деятельности полиции [Бурчакова, Дизер; 2015]. Перечисленные доктринально обоснованные положения партнерских отношений полиции и общества нашли свое нормативное отражение в принципах деятельности полиции: общественное доверие и поддержка граждан, взаимодействие и сотрудничество (статьи 9 и 10 Закона о полиции соответственно).

Содержание последнего принципа сводится к двум взаимосвязанным тезисам: полиция оказывает содействие государственным и муниципальным органам, общественным объединениям и организациям в обеспечении защиты прав и свобод граждан, соблюдении законности и правопорядка, а также оказывает поддержку развитию гражданских инициатив в сфере предупреждения правонарушений и обеспечения правопорядка.

В свою очередь, органы власти и управления, организации, должностные лица и граждане оказывают содействие полиции при выполнении возложенных на нее обязанностей.

В социологической науке анализ качества такого взаимодействия производится, прежде всего, с позиций общественного мнения граждан, населения [Бойко, 2017; Зуева, 2017; Глухова, Иудин, Шпилев, 2018], что во многом, на наш взгляд, задано законодательным установлением о том, что общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции (статья 9 Закона о полиции).

В то же время исследования, посвященные изучению мнений сотрудников полиции о взаимодействии с населением, в открытых источниках практически не представлены [Ходжаева, 2011; Жерновой, Глухов, 2013], что, на наш взгляд, не приближает ученых гуманитарного профиля к формированию истинного знания об указанном взаимодействии, которое, согласно классическим концепциям социологической гносеологии, должно отвечать критерию общезначимости [Гайденок, Давыдов, 1991].

В связи с этим нами была поставлена цель – изучить представления сотрудников полиции о характере и направлениях их взаимодействий с населением при исполнении служебных обязанностей.

Методологическая и эмпирическая база исследования. Для решения обозначенной исследовательской задачи нами были проведены качественные социологические исследования (фокус-групповые интервью) сотрудников полиции тех категорий, с которыми население взаимодействует наиболее широко и интенсивно³. Методологическая обоснованность изучения мнений сотрудников перечисленных категорий подтверждается исследованиями других авторов [Жерновой, Глу-

¹ Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс»

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О полиции» // Сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/446526-5>.

³ Участниками фокус-групп являлись сотрудники Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации (n=7, 2019), патрульно-постовой службы полиции (n=8, 2019), участковые уполномоченные полиции (n=8, 2019), сотрудники дежурных частей территориальных органов МВД России (n=7, 2020), сотрудники оперативных

хов, 2013; Юдина, Бондалетов, Мазаев, Бормотова, Долгорукова, 2017], а также опросами общероссийских социологических центров⁴, в рамках которых население преимущественно опрашивали об отношении к сотрудникам указанных должностных групп.

В качестве теоретико-методологической базы, позволяющей систематизировать и обоснованно описать полученные данные, представить их в виде завершённой модели, нами была выбрана концепция социального взаимодействия П. А. Сорокина. Проиллюстрируем её ключевые положения.

Структура социального взаимодействия по П. А. Сорокину состоит из трех связанных элементов: акторы (субъекты социального взаимодействия), их действия – акты и проводники взаимодействия. Под последними ученый понимал инструменты коммуникации, передающие влияние, идущее от одних людей другим. К основным проводникам П. А. Сорокин относил звуковые (человеческая речь, музыка), светоцветовые (письменность и живопись), двигательные (жесты, мимика) и предметные (символы, деньги). Главными формами социального взаимодействия, по мнению социолога, являются следующие:

- 1) в зависимости от количества взаимодействующих – взаимодействие двух, одного и многих, многих и многих;
- 2) в зависимости от качества взаимодействующих – взаимодействие сходных и несходных лиц;
- 3) в зависимости от характера взаимоотношений взаимодействующих – взаимодействие одностороннее (одна сторона влияет на другую, а последняя не влияет на первую) и двустороннее (обе стороны взаимодействия влияют друг на друга);

4) в зависимости от продолжительности взаимодействия – длительное и кратковременное;

5) в зависимости от степени регламентации, упорядоченности – организованное и неорганизованное;

6) в зависимости от степени единства стремлений сторон – согласное (солидарное) и враждебное (антагонистическое);

7) в зависимости от того, что служит «материей» обмена в рамках взаимодействия – интеллектуальное (предмет обмена – идеи), эмоциональное (предмет обмена – чувства и эмоции), волевое (предмет обмена – волевые решения и приказы, требующие или предлагающие исполнение определенных велений) [Сорокин, 1994].

Взяв за основу данный теоретический каркас, нарастим на него результаты проведенных фокус-групп.

Анализ результатов исследования показал, что взаимодействие полиции и населения складывается в двух основных формах: согласной и враждебной. Второй тип взаимодействий, как правило, характерен для правонарушителей («Правонарушители больше негативно относятся... нередко из-за алкогольного опьянения» (сотрудник дежурных частей территориальных органов МВД России (далее – ДЧ)), «молодежь часто нарушает, их часто оформляют, поэтому отношение негативное» (сотрудник ГИБДД)), первый – для лиц, привлекаемых к содействию полиции или содействующих полиции по собственной инициативе.

В настоящей статье больше внимания уделим освещению отдельных аспектов первой формы взаимодействия – солидарных контактов.

По мнению относительного большинства участников фокус-групп, в целом

подразделений (уголовного розыска, по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции, по контролю за оборотом наркотиков (n=7, 2019) . Все участники фокус-групп (далее – «сотрудники», «правоохранители», «участники фокус-групп») на момент изучения их мнений проходили службу в органах внутренних дел России (далее – «ОВД»), дислоцированных на территории Дальневосточного федерального округа.

⁴ Стражи порядка: мониторинг отношения общества к российской полиции // [Электронный ресурс], Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strazhi-porjadka-monitoring-otnosheniya-obshchestva-k-rossiiskoi-policii>; Полиция и граждане: движение в правильном направлении // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/policziya-i-grazhdane-dvizhenie-v-pravilnom-napravlenii>

население охотно оказывает содействие полиции в её работе: «охотно идут на взаимодействие... в большинстве случаев всё нормально» (участковый), «по моей практике скажу, что со мной люди охотно идут на контакт» (сотрудник ППС).

При этом некоторые респонденты отмечают позитивную динамику по линии взаимодействия с полицией: все большее количество людей желают оказывать помощь полиции («с каждым годом люди идут все охотнее на взаимодействие» (сотрудник ГИБДД), «я служу с 2009 г. и могу сказать, что динамика положительная. В районе моего обслуживания люди охотно идут на взаимодействие» (сотрудник ППС)).

Вместе с тем автор встретился и со скептическими оценками потенциала помощи полиции со стороны общественности. Их транслирует меньшинство участников фокус-групп: «80% отказываются от сотрудничества» (сотрудник ППС), «граждане не все идут на взаимодействие» (участковый), «много времени теряется просто на том, чтобы найти понятых» (сотрудник ГИБДД).

При этом встречаются мнения, которые свидетельствуют об отрицательных изменениях в массовом сознании граждан в плане содействия полиции: «Сегодня население неохотно идет на сотрудничество. Во времена милиции было не так» (оперуполномоченный), «если анализировать четыре года, которые я работаю, хотя я поменял 3 службы: ППС, участковый уполномоченный и дежурная часть, – отношение изменилось только в худшую сторону» (сотрудник ДЧ).

Характеризуя акторов, взаимодействующих с полицией, отметим, что их можно разделить на две большие группы: граждане (физические лица) и организации (юридические лица)⁵.

При этом субъектный состав взаимодействия с полицией во многом предопределен функциональной природой,

предназначением соответствующих подразделений. Так, если говорить о физических лицах, то большинство сотрудников ГИБДД взаимодействуют преимущественно с водителями транспортных средств. Среди них взаимодействие складывается на солидарных началах, если граждане оказывают содействие в различных формах: выступают в роли понятых («Среди граждан есть постоянные понятые, которые готовы помочь даже ночью»), предоставляют транспортные средства для достижения задач, стоящих перед сотрудниками ГИБДД («граждане помогают, предоставляют свои транспортные средства...»), оказывают содействие иными способами («преследуешь машину, и гражданские подключаются даже без нашей просьбы к погоне, перекрывают дороги»).

С правонарушителями отношения у большинства сотрудников ГИБДД обычно не складываются, протекают во враждебном русле: «бывает и такое, что нарушители сознательно идут на столкновение, таранят патрульные машины», «есть и злостные нарушители, которые не идут на контакт. Они и видеосъемку ведут, и гадости говорят».

Среди организаций, взаимодействующих с сотрудниками ГИБДД, прежде всего выделяются те, что связаны с транспортными перевозками («Таксисты вечно понятые. Город маленький, ночью никого особо нет», «Когда просишь помочь зимой, ... они всегда быстро помогают, ведь всех в патрульную машину не посадишь», «Хороши дальнбойщики, они соглашаются быть понятыми») или с обслуживанием автодорожной сети («Например, на подъеме фура встала и не может в связи с гололедом никуда проехать. Они сами приезжают, привозят КАМАЗ, и сами вытягивают... Помогают даже ночью»).

Оперуполномоченные подразделений экономической безопасности и противо-

⁵ В данной статье под организацией автор подразумевает не только юридические лица, но и индивидуальных предпринимателей. Такое допущение некорректно с точки зрения законодательства Российской Федерации, но допустимо, на наш взгляд, с позиции фактической структуры работы индивидуального предпринимателя, поскольку, последний, как правило, осуществляет свою деятельность не один, а в коллективе, совместно с наемными работниками, помощниками из числа родственников, друзей, деловых партнеров.

действия коррупции (ЭБиПК) закономерно вступают в контакты преимущественно с хозяйствующими субъектами: коммерческими организациями, индивидуальными предпринимателями («Работаем и с частными предпринимателями? и с хозяйственными обществами», «с различными категориями коммерческих и общественных организаций»). При этом в их структуре выделяются отдельные категории работников, наиболее часто контактирующих с полицией. В первую очередь, речь идет о сотрудниках служб безопасности (далее – СБ) организаций («Взаимодействуем с теми организациями, где есть службы безопасности, особенно помогают те СБ, где работают бывшие сотрудники»).

Оперуполномоченные уголовного розыска также контактируют с организациями, однако такие взаимодействия связаны, в первую очередь, с раскрытием преступлений общеуголовной направленности («занимаюсь раскрытием бытовых преступлений. Взаимодействуем с теми организациями, где есть службы безопасности», «Банки, магазины без проблем дают доступ к информации»).

Среди граждан сотрудники уголовного розыска выделяют лиц, ведущих маргинальный образ жизни, поскольку те многое подмечают, становятся свидетелями имеющих значение для раскрытия преступлений событий в общественных местах, на улицах, в скверах, во дворах домов.

У оперуполномоченных уголовного розыска и ЭБиПК по-разному складываются связи с коммерческими структурами. Так, большинство интервьюируемых отметили, что чем крупнее, а значит, и сложнее в структурном отношении организация⁶, тем труднее выстраивать коммуникацию с её представителями. В связи с этим наиболее эффективно взаимодействие у сотрудников названных категорий разворачивается с индивиду-

альными предпринимателями: «с крупными наладить контакт сложнее, чем с мелкими и средними», «На контакт лучше идут индивидуальные предприниматели, ..., с ними проще работать, чем с хозяйственными обществами».

Конкретизируя затруднения, возникающие во взаимодействии с организациями, в том числе коммерческими, сотрудники полиции отмечают, что сталкиваются, прежде всего, с различными бюрократическими барьерами при получении юридически и оперативно значимой информации («при поиске граждан, без вести пропавших, обращаемся в психиатрические больницы. Сразу говорят, что необходимо оформлять запрос, не желая оперативно взаимодействовать. А запрос делается несколько дней. Это существенно замедляет поиск» (сотрудник ДЧ), «Работая по горячим следам (кража, разбой), мне, чтобы снять аудио, видеоинформацию необходимо официальные запросы оформлять в организацию. В этом случае раскрыть преступление по горячим следам уже нельзя. Просишь: «помогите, произошло преступление, окажите содействие, человек пострадал», они в ответ: «нужен запрос» (оперуполномоченный)).

Сотрудники, специализирующиеся на охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности (участковые, сотрудники ППС), в рамках солидарного взаимодействия ориентированы на сотрудничество с частными охранными организациями («Мы чаще всего взаимодействуем с ЧОПом (частное охранное предприятие – прим. автора). Вызываем, они помогают. Охранники помогают активно, обмениваемся номерами» (сотрудник ППС); общественными организациями правоохранительной направленности («ДНД (народные дружины – прим. автора) помогают» (сотрудник ППС), «у нас в городе ДНД создали недавно. Их привлекают для охраны об-

⁶ В данном случае под организацией автор подразумевает не только юридические лица, но и индивидуальных предпринимателей. Такое допущение некорректно с точки зрения законодательства Российской Федерации, но допустимо, на наш взгляд, с позиции фактической структуры работы индивидуального предпринимателя, поскольку, последний, как правило, осуществляет свою деятельность не один, а в коллективе, совместно с наемными работниками, помощниками из числа родственников, друзей, деловых партнеров.

шественного порядка на массовых мероприятиях» (оперуполномоченный), «у нас ППСП нет, из добровольной дружины привлекаем на охрану общественного порядка, и ребята охотно идут на помощь» (участковый).

Вместе с тем далеко не все участники фокус-групп положительно воспринимают взаимодействие с представителями народных дружин. Главная тому причина – формальный характер их деятельности: «по ДНД нужно проводить много отчетов, но фактически они не работают» (сотрудник ППСП), «у нас несколько ДНД созданы, но работают они формально» (участковый)).

Сотрудники ДЧ по очевидным причинам солидарно взаимодействуют, прежде всего, с заявителями, большая часть которых являются потерпевшими («если человек первый раз обращается, горе у него случилось, то он положительно относится», «звонят с надеждой, с просьбой помочь»), а враждебно взаимодействуют, как и представители других служб, с правонарушителями («доставили человека, начинаю составлять протокол, и начинаются угрозы, обзывательства», «помещаешь граждан в алкогольном опьянении в комнату для административно задержанных, они оскорбляют, выливают негативные эмоции, а после отрезвления снова становятся «белыми и пушистыми»»).

Взаимодействие с отдельными организациями, в том числе и некоторыми из вышеуказанных, имеет не только функциональную, но и нормативную природу. Речь идет, прежде всего, о тех организациях, которые в силу законодательно закрепленных за ними обязанностей должны сотрудничать с соответствующими службами полиции. По Сорокину, речь идет об организованном взаимодействии. Так, многие сотрудники сообщили о том, что у них в рамках профилактики правонарушений среди несовершенно-

летних⁷ налажены взаимовыгодные контакты со школами. Как правило, данные контакты выражаются в форме просветительно-воспитательных мероприятий: «Конечно, за каждой школой закрепляется сотрудник. Общаемся больше с младшими классами, в которых ещё можно воспитывать» (сотрудник ГИБДД), «работаем со школами, организуем пропаганду законопослушного поведения и различного рода профилактики» (сотрудник ППСП), «со школами, с детсадами взаимодействуем: по антитеррору встречи проводим, все объекты под контролем» (участковый).

Однако имеют место солидарные контакты и иного рода. Так, сотрудники образовательных организаций делятся юридически значимой информацией («со школами взаимодействуем, учителя охотно дают информацию о том, у кого родители пьют, о неблагополучных семьях» (участковый)), обращаются в полицию в случаях ненормативного поведения обучающихся («со школами взаимодействуем по мере необходимости, когда у них случится ЧП» (участковый)).

К организациям, взаимодействующим с полицией на нормативной основе, также относятся медицинские учреждения, призванные, в том числе, осуществлять освидетельствование на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) лиц, подвергнутых задержанию уполномоченными сотрудниками полиции⁸. С такими организациями взаимодействие, по признанию правоохранителей, принявших участие в исследовании, складывается довольно неоднозначно. Так, одни участники фокус-групп отмечают, что взаимодействие с медицинскими учреждениями, в том числе по линии вышеуказанного освидетельствования задержанных, складывается достаточно результативно и солидарно: «Основное взаимодействие с врачами... всё регистрируется, помо-

⁷ Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

⁸ Приказ Минздрава России от 18.12.2015 № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

гают, в первую очередь, при раскрытии преступлений, врачам правонарушители в состоянии опьянения многое рассказывают, врачи после этого делятся с нами соответствующими сведениями, поэтому лично у меня нормальное отношение» (участковый).

Другие участники нейтрально воспринимают такое взаимодействие: «не со всеми медицинскими учреждениями складываются продуктивные отношения: одни сразу могут предоставить информацию, другие только через официальный запрос» (участковый), «врачи разные бывают» (сотрудник ГИБДД). Некоторые оценивают работу медицинского персонала негативно, а складывающиеся с ним отношения как враждебные. Причины тому разные. Например, недостаточно высокий профессионализм врачей («Иногда попадают некомпетентные сотрудники здравоохранения, которые должным образом не знают даже собственных приказов, а освидетельствование проводить надо» (сотрудник ППС), «бывают врачи, которые просто некомпетентны» (сотрудник ГИБДД)); отсутствие объективных условий, позволяющих медицинским работникам, учреждениям должным образом выполнить возложенные на них обязанности («Проблема с бездомными очень острая, потому что нет места, куда можно было бы их помещать» (сотрудник ППС), «бывают сложности, когда врач в отпуске. Нет специалиста, чтобы провести освидетельствование» (сотрудник ГИБДД)); личная мораль представителя лечебной организации («Врачи отказались брать маргинала, ..., пока главный не пригрозил врачам рапортом, они человека не принимали» (сотрудник ППС)).

Присутствуют сложности в практике взаимодействия, обнаруживающие себя в работе дежурных частей. Последние преимущественно взаимодействуют с единой дежурно-диспетчерской службой (ЕДДС). Основное препятствие в работе с ЕДДС, по мнению сотрудников, заключается в том, что её работники не критично воспринимают поступающие сообщения о происшествиях, и многие не относящиеся к компетенции поли-

ции обращения направляют в подразделения организации внутренних дел (далее – ОВД). Сотрудники ДЧ, несмотря на это, вынуждены в обязательном порядке регистрировать поступившие сообщения и, в свою очередь, переадресовывать их в уполномоченные органы власти и управления, подведомственные им учреждения, что сопряжено со значительными временными и трудовыми издержками: «Проблему вижу в единой диспетчерской службе. Фактически они перекалывают на нас свою работу по определению подведомственности органа, уполномоченного разрешить соответствующую проблему. При этом они часто не знают, какая конкретно проблема относится к сфере деятельности полиции», «получается, что несовершенство этой службы влияет на большой объем нагрузки, и, соответственно, на качество исполнения обязанностей» (сотрудник ДЧ).

В организованное взаимодействие с полицией вступают и физические лица, граждане. В качестве таких лиц участники фокус-групп упоминают переводчиков – специалистов, привлекаемых для совершения процессуальных действий с иностранными гражданами. Как правило, такие взаимодействия складываются достаточно успешно: «С переводчиками заключаются договоры, потому что если попадает иностранный гражданин, то для оформления протокола, чтобы дело не развалилось, нужно участие переводчика. Они сами по договору на своей машине приезжают и помогают» (сотрудник ГИБДД).

В рамках неорганизованного взаимодействия с гражданами наиболее проблематично, по признанию относительного большинства сотрудников, контакты складываются с молодежью: «молодые не всегда идут навстречу» (участковый), «молодёжь относится к нам негативно, создает в службах мгновенного обмена сообщениями группы антиГИБДД с тем, чтобы оповещать друг друга о нашем местонахождении и избегать ответственности» (инспектор ГИБДД), «хуже всего на контакт идет молодежь и граждане, родившиеся в 90-е годы» (оперуполно-

моченный), «у нас, например, взаимодействие с молодежью затруднено» (сотрудник ППСП).

Наряду с этим некоторые сотрудники оценивают достаточно высоко возможность взаимодействия с молодежью как в результате персонального привлечения к содействию полиции («что касается населения – больше работаем с молодежью, помогают задерживать, предоставляют транспорт» (оперуполномоченный), «дети помогают, 10–14 лет, они очень любопытные. Всегда расскажут или укажут...» (сотрудник ППСП), так и по линии коллективной, организованной помощи – со стороны объединений правоохранительной направленности, образовательных и волонтерских организаций («с молодыми людьми из ДНД взаимодействуем, привлекаем учителей физкультуры, из администрации молодых людей. Помогают» (участковый), «используем потенциал юридических специальностей образовательных организаций. Студенты идут на контакт в целях лучшего понимания нашей работы – выступают в качестве понятых» (оперуполномоченный)).

В чем же причины того, что в целом молодые люди без особого энтузиазма приходят на помощь полиции? Участники фокус-групп предлагают несколько объяснений этому.

Во-первых, относительно большинство участников фокус-групп убеждены в том, что молодежь испытывает мощное влияние институтов вторичной социализации: сети «Интернет», социальных сетей, средств массовой информации, в которых образ сотрудника полиции представлен, как правило, в негативном свете. Такое наполнение современного информационно-коммуникационного пространства не просто демотивирует молодых людей содействовать полиции, но и, как представляется участникам фокус-групп, настраивает на противодействие ей: «много негатива в интернете..., у меня есть деревня, где нет интернета, там люди с радостью идут на взаимодействие» (участковый), «относятся к нам с недоверием...» (оперуполномоченный), «сейчас много негативных сериалов и кино, которые говорят, что

все сотрудники полиции безграмотные и берут взятки» (сотрудник ППСП).

Во-вторых, сотрудники полиции отмечают наличие дисфункциональной первичной социализации. Главную роль в ней, по мнению респондентов, играют семья («некоторые родители развивают у своих детей чувство страха перед сотрудниками полиции, ... мы же хотим уважения, а не боязни» (сотрудник ППСП)), сверстники, в том числе из школьной среды, ближайшее окружение из знакомых, родственников, разделяющих, в том числе, ценности преступных сообществ («молодежь попадает под влияние людей из 90-х годов, ведь там каждый почти был в «общаке»... В школе пропаганда идет от криминальных элементов» (сотрудник ППСП), а в отдельных случаях – и учреждения социального обслуживания («особенно сложно взаимодействовать с детьми из детских домов» (участковый)).

В-третьих, согласно мнениям отдельных респондентов, девиантное поведение молодежи катализируется вследствие распространения ценностей потребительского общества, насаждаемых массовой культурой («у нас сейчас эпоха экшена типа пранков и злых шуток» (оперуполномоченный), «что они смотрят в интернете? Не какие-то научные программы, а ролики, где кто-то кого-то унижает, чтобы посмеяться. Идет деградация личности, даже если у ребенка хорошие родители» (сотрудник ГИБДД)); утраты нравственных основ в российском обществе в целом («Моя мать преподаватель литературы и русского языка. Я посмотрел на то, как ведет себя молодежь, 12 – 16 лет. В этом возрасте у нас все было другое. Обращение и отношение другое, уважение было» (сотрудник ГИБДД), «люди стали ленивые и пассивные. Иногда можно услышать при выезде и такое: «Я не буду открывать вам дверь через домофон, у кого случилось, тем и звоните» (оперуполномоченный)).

В связи с изложенным главную опору в солидарном взаимодействии ОВД сотрудники видят в людях среднего (старше 30 лет) и старшего возраста: «работаем со средним возрастом, потому что они идут навстречу» (сотрудник ГИБДД), «в

основном граждане от 40 лет и выше. Они идут на контакт» (сотрудник ППСП), «Что касается людей, то рассчитывать можно на пенсионеров» (оперуполномоченный), «работаем со всеми категориями лиц, но лучше всего работать с пенсионерами» (оперуполномоченный), «нормальный контакт с пожилыми людьми – характер у них другой» (участковый), «... очень хорошо на контакт идут лица, воспитанные в СССР» (оперуполномоченный).

Более высокий по сравнению с молодежью потенциал вовлеченности во взаимодействие с полицией лиц названных возрастных категорий может быть объяснен, с одной стороны, меньшей их погруженностью в сеть «Интернет», с другой – более высоким уровнем ответственности за происходящее в общественных местах, в населенном пункте, в стране в целом [Лебедева, 2019], обусловленным, на наш взгляд, влиянием коллективистских нравственных ориентаций, унаследованных от советского общества; с третьей стороны – большим уровнем доверия к институтам власти и, соответственно, их поддержки, в том числе в русле обеспечения правопорядка [Трофимова, 2015].

Сеть «Интернет», СМИ (как объективный внешний фактор) оказывают не только отрицательное воздействие на процессы взаимодействия полиции и общества. Так, ряд участников фокус-групп отмечают, что социальные сети, сеть «Интернет» активно используются для вовлечения граждан в дело обеспечения общественного порядка, противодействия преступности: «молодые люди помогают раскрывать преступления через соцсети» (оперуполномоченный), «помогают соцсети. Сотрудники зарегистрированы в автогруппах, и через взаимодействие с администраторами групп можно получать интересующую информацию» (оперуполномоченный).

Кроме того, под их воздействием формируется юридическое мировоззрение, меняется правовая грамотность населения России. По мнению ряда сотрудников, именно повышение уровня правовой культуры привело к увеличению степени готовности граждан оказать со-

действие правоохранительным органам в последние годы: «люди стали более грамотными, стали относиться к полиции лучше и помогают более охотно» (сотрудник ППСП), «Люди стали более начитанными и более образованными. У них появилось понимание важности помощи правоохранительным органам. Это упрощает взаимодействие. Поэтому динамика положительна» (сотрудник ППСП).

Вместе с тем относительное большинство правоохранителей признает, что прививаемая правовая грамотность имеет и отрицательные последствия для отношений граждан с полицией. Это выражается в том, что правовые знания используются гражданами не для содействия, а для противодействия полиции, затруднения надлежащего исполнения обязанностей, возложенных на нее: «Юристы организаций знают соответствующие нормы и используют их, чтобы тянуть время» (сотрудник ГИБДД), «Пришел в бухгалтерию... , с тобой не разговаривают – ждем юрисконсульта или сотрудников собственной безопасности и общаемся только с ними. Пока уголовное дело не возбуждено, отказываются от дачи объяснений» (оперуполномоченный). Причем некоторые сотрудники полиции, описывая такое противодействие, отмечают, что граждане при взаимодействии со стражами правопорядка, фокусируя внимание на своих гражданских правах и свободах, указывают на обязанности полиции, забывая при этом про свои собственные обязанности и ответственность. В этом, на наш взгляд, проявляется укоренение в массовом сознании ценностей потребительского общества, потребительского отношения, в том числе к государственным институтам: «в соцсетях активно идет пропаганда о том, как качать права, притом безосновательно. Однако, по большому счету, прав своих молодые люди не знают, и про обязанности также не осведомлены» (сотрудник ППСП), «в массовом сознании складывается мнение, что полиция всем обязана в любой ситуации, а аргументация такого отношения простая: «Мы вам платим налоги» (сотрудник ДЧ).

Кроме того, отдельные респонденты

отмечают, что у населения зачастую возникает псевдограмотность юридического характера, когда граждане получают поверхностные правовые представления, заучивают типичные словесные обороты, фрагментарно понимая сущность соответствующих законодательных предписаний, при этом обретая уверенность в должном их усвоении. Такая правовая «подготовка» также препятствует работе сотрудников полиции: «Люди думают, что знают законы, но на самом деле нет. Порой они не знают, что они действительно могут. У меня даже как-то спросили, могут ли они написать заявление о краже» (сотрудник ППС), «люди стали грамотнее, точнее у них сложилось впечатление, что они подкованы в правовых вопросах» (оперуполномоченный).

При этом псевдограмотность проявляется не только в отношении правовых основ взаимодействия с полицией, но и в отношении организационно-технических возможностей полиции. Фактически СМИ в этом плане вводят российских обывателей в заблуждение: «была ситуация... несчастный случай, ..., каждый день родители ребенка звонили и, ..., говорили, что, может быть, его убили, спрашивали, почему мы не вызываем группу из Москвы, но это ведь нереальные вещи. В фильмах все вымысел» (сотрудник ДЧ), «у людей какое-то ложное понимание о работе полиции. Они думают, что у нас есть какие-то запредельные технологии и аппаратура» (сотрудник ППС).

Фактический, а не вымышленный, не кинематографический уровень материально-технических возможностей ОВД оценивается участниками фокус-групп различно. Одни сотрудники утверждают, что оснащение соответствующего ОВД позволяет выполнять обязанности полиции надлежащим образом: «с бензином проблем нет, даже резина выдается, хотя раньше с этим были проблемы. Сейчас проще» (сотрудник ГИБДД). Другие утверждают, что основания для совершенствования материально-технической базы в их подразделениях сохраняются: «по поводу камерного регистратора. Я думаю, что лучше оформлять при понятих, потому что имеются

случаи, когда записи исчезают из-за неисправностей оборудования» (сотрудник ГИБДД), «материально-техническое оснащение не на самом высоком уровне» (сотрудник ДЧ).

Исходя из перечисленного можно заключить, что сеть «Интернет», СМИ настраивают обывателя не на интеллектуальное (по Сорокину) взаимодействие с полицией, когда коммуникация с правоохранителями выстраивается на содержательной, аргументированной с точки зрения законодательства основе, формируя негативные образы о полиции, ассоциации с ней; сеть «Интернет» и СМИ преимущественно не закладывают юридические основы взаимодействия с полицией, а формируют фундамент конфликтного чувственно-эмоционального взаимодействия с данным институтом.

Вместе с тем чувство грядущей опасности, страха может служить основанием для солидарного взаимодействия с полицией. Как показали результаты фокус-групп, на такое взаимодействие значительное влияние оказывает степень личной заинтересованности заявителей-физических лиц, чьи охраняемые права стали или могли бы стать объектами правонарушений: «Я занимаюсь угонами и наблюдаю тенденцию: граждане понимают, что на месте пострадавшего завтра могу быть и они сами, поэтому охотно идут на контакт» (оперуполномоченный).

В ситуациях персональной заинтересованности аналогичным образом ведут себя и представители организаций: «Руководители организаций просят провести учебные занятия. Например, по изменениям в ПДД, объяснить и разъяснить» (сотрудник ГИБДД), «когда проводятся масштабные операции, такие как «путина», «лес», то коммерческие структуры очень сильно нам помогают» (оперуполномоченный).

Отрадно, что имеют место случаи, когда помощь приходит не в связи с реальной или возможной защитой своих интересов, а без корысти, по зову сердца, в силу внутренней потребности помочь в сложной ситуации правоохранительным органам или людям. Такие примеры встречаются как

среди представителей организаций («предприниматели-перевозчики понимают, что у людей горе, и надо помочь (сотрудник ГИБДД), так и среди рядовых граждан («бывают в доме ответственные и бдительные граждане, которым мы оставляем номера личных телефонов, и они вызывают нас в случае наличия подозрений в возникновении противоправных ситуаций» (сотрудник ППС), «Зависит от личности. Если у человека есть убеждения, то он поможет» (сотрудник ГИБДД).

На степень солидарности при взаимодействии с полицией оказывают влияние и иные факторы. К ним, в частности, относится размер населенного пункта, в котором протекают соответствующие коммуникации. Большинство участников фокус-групп едины во мнении о том, что, чем больше поселение, тем сложнее взаимодействие полиции с различными социальными субъектами: «Скажу так, чем больше город, тем меньше взаимодействия...» (сотрудник ППС), «опять же, чем меньше населенный пункт, тем проще наладить взаимодействие, тем выше уважение к сотрудникам» (сотрудник ППС).

В чем причина такой зависимости? Многие стражи правопорядка говорят о том, что в небольших населенных пунктах теснота социальных связей выше, а, значит, выше стремление к помощи тем, кого люди знают лично, в том числе и сотрудникам полиции. Напротив, в крупных поселенческих агломерациях межличностная разрозненность выше, выше атомизация социума, следовательно, и стремлений помочь полиции меньше: «люди в деревнях активнее идут на сотрудничество, чем в городе. На селе человек проще и более открытый» (оперуполномоченный).

Однако из этой общей закономерности

есть изъятия. Люди отказываются от взаимодействия с полицией и в небольших населенных пунктах, поскольку в силу всеобщего знакомства помощь правоохранительным органам может обернуться против самого содействующего лица в виде негативной реакции со стороны правонарушителей: «есть люди, которые боятся. Это проблема. Боятся участвовать в качестве понятых, потому что все друг друга знают в маленьком городе. Особенно, если оформляешь кого-то важного» (сотрудник ГИБДД), «если у соседа изъяли наркотические средства, то сосед не пойдёт на взаимодействие – просто испугается» (участковый).

Представленная закономерность находит свое подтверждение в результатах общероссийских исследований. Так, согласно мониторинговым наблюдениям Фонда «Общественное мнение», жители г. Москвы и городов-миллионников в наименьшей степени довольны взаимодействием с сотрудниками полиции. В то же самое время наибольшее удовлетворение от такого взаимодействия испытывают граждане, проживающие в менее крупных городах и в селах.⁹

На степень солидарности во взаимодействии с полицией оказывает влияние и объем полномочий сотрудников полиции. С одной стороны, их недостаточность подтверждается ранее приведенными суждениями о существовании административных барьеров при взаимодействии с организациями, возникновение которых во многом и предопределено такой нехваткой полномочий, с другой – указанная недостаточность открывается при анализе мнений респондентов о взаимодействии с гражданами: «нам нужно быть в каких-то ситуациях жестче, но закон нам не позволяет этого» (сотрудник ППС), «сотрудники надевали на гражданина наручники, потому

⁹ «ФОМнибус» – опрос граждан России от 18 лет и старше. 7 июля 2018 г. 53 субъекта России, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6% // Сайт Фонда «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14228>; «ФОМнибус» – опрос граждан России от 18 лет и старше. 1 марта 2020 г. 53 субъекта России, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6% // Сайт Фонда «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14363>; Всероссийский телефонный опрос граждан России 18 лет и старше 4-6 сентября 2020 г. 1000 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,8% // Сайт Фонда «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14465>.

что он вел себя неадекватно. Гражданин просто грыз себе вены. После он отрезвел, ушел и написал заявление о неправомерном применении спецсредств, а в итоге сотрудник виноват» (сотрудник ДЧ).

Другим важным обстоятельством, определяющим характер социальных практик взаимодействия полиции с гражданами и организациями, является численность ОВД. Многие участники фокус-групп признают, что сегодня она недостаточна для эффективного выполнения соответствующих задач: «кадровая проблема одна из самых главных» (сотрудник ППСП), «нас сократили. Когда я устраивался, нас было порядка 15 инспекторов, а сейчас у нас один экипаж. Хотя в то время и транспорта, и населения было меньше» (сотрудник ГИБДД).

Главным следствием кадровых сложностей, по мнению участников фокус-групп, является формирование негативного отношения к сотрудникам полиции: «сейчас престиж полиции падает из-за того, что существует кадровая проблема. Сотрудников не хватает, поэтому берут всех, кто ВВК пройдет. А кто проходит – большой вопрос. Некоторые не умеют разговаривать с людьми» (сотрудник ППСП), «допустим, один экипаж работает в городе, а что-то происходит в пригороде, и приходится «оголять» населенный пункт и выезжать туда, поскольку экипажей больше нет» (сотрудник ГИБДД).

На фоне нехватки кадров участники фокус-групп фиксируют возрастающий объем документооборота, бюрократической нагрузки в целом: «необходимо сократить бюрократическую нагрузку, сделать меньше бумаги, чтобы участковый работал с гражданами, делал по квартирам обход» (участковый), «нагрузка увеличивается, время заняться своими обязанностями все меньше и меньше, именно прямыми обязанностями» (сотрудник ДЧ).

Одним из проявлений обозначенной нагрузки является состояние регистра-

ционного учета, в силу которого уполномоченные сотрудники полиции должны принимать и регистрировать все поступающие в подразделение сообщения, за исключением анонимных¹⁰, и не только регистрировать, но и проводить весь комплекс соответствующих документационных и процессуальных мероприятий по данным сообщениям: «на моем участке слишком много вызовов, которые не в компетенции полиции, например, котенок в подъезде мяукает, мешает спать, дежурный регистрирует, мы должны выехать» (участковый), «событие не содержит ни состава преступления, ни административного правонарушения, но мы регистрируем любой звонок от граждан» (сотрудник ДЧ).

Рост бюрократической нагрузки, как представляется участникам фокус-групп, также как и нехватка кадров приводит к отрицательному восприятию работы полиции среди населения: «недоверие к полиции связано с бюрократическими задержками и препонами, это сказывается на эффективности нашей работы, и люди недовольны этим» (оперуполномоченный), «если люди приходят в период напряженной работы, их в связи с этим просят подождать, то от них сразу исходит негатив» (сотрудник ДЧ).

Многие участники фокус-групп также признают, что результативность деятельности полиции, её отношений с гражданами и организациями во многом предопределяется коллективными и личностными мотивационно-ценностными установками сотрудников полиции, уровнем их профессионализма, умением выстроить правильную коммуникацию с гражданами: «во многом от сотрудника зависит, пойдет человек на взаимодействие или нет, от его профессионализма и способностей к грамотному общению» (сотрудник ППСП), «у нас была девушка, сейчас ушла в декрет, которая с помощью пропаганды сильно повлияла на школьников» (сотрудник ГИБДД).

¹⁰ Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденная приказом МВД России от 29.08.2014 № 736 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

Способность расположить к себе, выработать правильные стратегии общения с населением и, прежде всего, в рамках межличностных интеракций приводит к формированию доверительного отношения к полиции: «если знают меня, то помогают» (участковый), «при проведении рейдов в каждой деревне останавливаясь, помогают ночлегом, в каждой деревне есть хорошие знакомые» (участковый), «У нас население охотно идет на взаимодействие. Сами обращаются, просят помощи. Многих руководителей я знаю лично» (сотрудник ППС).

Выводы. Проведенный анализ результатов фокус-групп позволил выявить субъектный состав лиц, взаимодействующих с полицией, формы взаимодействия с данной правоохранительной структурой, а также факторы, предопределяющие указанные состав и формы.

Исследование показало, что в социальное взаимодействие с сотрудниками полиции от гражданского общества вступают две категории социальных субъектов: граждане (физические лица) и организации (юридические лица). Такое взаимодействие протекает в двух ключевых формах: антагонистической и солидарной. В русле концепции социального взаимодействия П.А. Сорокина автором также выделяется организованное и неорганизованное, интеллектуальное и чувственно-эмоциональное взаимодействие.

Среди факторов, определяющих форму взаимодействия полиции с различными акторами, наибольшим весом, по признанию участников фокус-групп, обладает статус социального субъекта. Так, при взаимодействии с физическими лицами принципиальное значение имеет уровень нормативности в настоящем и прошлом поведении гражданина,

то есть является ли или являлся ли гражданин правонарушителем. Враждебные, антагонистические контакты у сотрудников преобладают, прежде всего, с представителями данной социальной группы. На солидарное взаимодействие в контексте статuarных наборов граждан также оказывают влияние возраст и профессиональная принадлежность физических лиц.

При взаимодействии с организациями существенное значение имеет их размер, а также правовая форма: чем больше организация численно, тем сложнее складывается взаимодействие с полицией. Напротив, с индивидуальными предпринимателями у сотрудников полиции отношения складываются наиболее солидарно.

К другим значимым факторам, определяющим формы взаимодействия граждан и организаций с полицией, участники фокус-групп отнесли воздействие СМИ, сети «Интернет», социальных сетей; численность ОВД, объем полномочий сотрудников, бюрократическую нагрузку в ОВД; размер (численность) населенных пунктов, в границах которых полиция вступает во взаимодействие с гражданами и представителями организаций; мотивационно-ценностные установки сотрудников и уровень их профессионализма, функциональная принадлежность соответствующих подразделений полиции.

Несмотря на неоднородность направлений деятельности сотрудников полиции, как правило, в рамках солидарного взаимодействия граждане выступают в качестве понятых, свидетелей и осведомителей оперативной или юридически значимой информацией, в качестве заявителей; организации оказывают содействие материально-технического плана.

Список источников:

1. Бойко А. В. Социологическое обеспечение деятельности полиции в современных условиях // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 4.
2. Бучакова М. А., Дизер О. А. Взаимодействие полиции и общества // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 2.
3. Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. Социология М.

Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991.

4. Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Отношение к полиции представителей разных социально-демографических групп населения (по материалам Нижегородского региона) // Регионология. 2018. Т. 26. № 2.

5. Зуева О. В. Изучение общественного мнения как способ оптимизации деятельности полиции // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 2.

6. Лебедева Л. Г. Социальная ответственность в динамике общественного сознания поколений россиян // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2019. Т. 19. Вып. 3.

7. Меньшикова Н. С. Полиция и гражданское общество: проблемы формирования партнерских отношений в Российской Федерации (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. канд. юрид. наук. Спб.: 2020.

8. Нижник Н. С. Полиция и гражданское общество: поиск вектора взаимодействия // Полицейская деятельность. 2018. № 5.

9. Осипова М. Е. Отношение дальнбойщиков Якутии к сакрализации пространства // RUSSIAN ECONOMIC BULLETIN. 2020. № 3.

10. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / Ин-т социологии. – М.: Наука, 1994 // Сайт электронной библиотеки Гумер. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorokin/02.php.

11. Трофимова И. Н. Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2.

12. Ханин С. В. Организационно-правовые основы партнерских отношений между полицией и обществом в условиях демократических преобразований в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1.

13. Ходжаева Е. А. «Частное» и «Публичное» в пространственной организации повседневных практик участкового (опыт этнографического описания) // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2011. № 3.

14. Юдина Т. Н., Бондалетов В. В., Мазаев Ю. Н., Бормотова Т. М., Долгорукова И.В. Общественная оценка деятельности полиции // Социологические исследования. 2017. № 4.

References:

1. Boyko A. V. Sociological support of police activity in modern conditions *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology], 2017, vol. 6, no. 4. (In Russian).

2. Buchakova M. A., Dizer O. A. Interaction between police and society *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Bulletin of Omsk University. Series “Right”], 2015, no. 2. (In Russian).

3. Gaidenko P. P., Davydov Yu. N. History and rationality. *Sociology M. Weber and the Weberian Renaissance*. М.: Politizdat, 1991. (In Russian).

4. Glukhova A. A., Iudin A. A., Shpilev D. A. The attitude of representatives of different socio-demographic groups of the population to the police (based on materials from the Nizhny Novgorod region) *Regionologiya* [Regionology], 2018, vol. 26, no. 2. (In Russian).

5. Zueva O. V. Study of public opinion as a way to optimize police activities *Prichina postupka* [Logos et Praxis], 2017, vol. 16, no. 2. (In Russian).

6. Lebedeva L. G. Social responsibility in the dynamics of social consciousness of generations of Russians *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Sociologiya. Politologiya* [Izvestiya Saratov University. New episode. Sociology series. Political science], 2019, vol. 19, is. 3. (In Russian).

7. Menshikova N. S. Police and civil society: problems of forming partnerships in the

Russian Federation (theoretical and legal aspect): author. dis. Cand. jurid. sciences. SPb.: 2020. (In Russian).

8. Nizhnik N. S. Police and civil society: search for a vector of interaction *Politseyskaya deyatel'nost'* [Police activity], 2018, no. 5. (In Russian).

9. Osipova M. E. The attitude of truckers of Yakutia to the sacralization of space *Rossiyskiy Ekonomicheskiy Byulleten* [RUSSIAN ECONOMIC BULLETIN], 2020, no. 3. (In Russian).

10. Sorokin P. A. Public textbook of sociology. Articles of different years / Institute of Sociology. M.: Science, 1994 *Sayt elektronnoy biblioteki Gumer* [Site of the electronic library Gumer]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorokin/02.php. (In Russian).

11. Trofimova I. N. The generational factor of civil activity in Russian society *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and social practice], 2015, no. 2. (In Russian).

12. Khanin S. V. Organizational and legal foundations of partnership between the police and society in the context of democratic transformations in Russia *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, no. 1. (In Russian).

13. Khodzhaeva E. A. "Private" and "Public" in the spatial organization of the daily practices of the precinct (the experience of ethnographic description) *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Journal of Social Research], 2011, no. 3. (In Russian).

14. Yudina T. N., Bondaletov V. V., Mazaev Yu. N., Bormotova T. M., Dolgorukova I. V. Public Assessment of Police Activities *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 2017, no. 4. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 12.11.2021; одобрена после рецензирования 26.11.2021; принята к публикации 30.11.2021.

The article was submitted 12.11.2021; approved after reviewing 26.11.2021; accepted for publication 30.11.2021.

Информация об авторе

Е. А. Клеймёнов – канд. социол. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин, Дальневосточный юридический институт МВД России

Information about the author

E. A. Kleymyonov – Candidate of Sociology, associate professor, chief of the chair of social and humanitarian and economic disciplines, The Far-Eastern law institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Научная статья

УДК 316.022.4

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-143-153

Формы и каналы взаимодействия молодых соотечественников с Россией в социологическом измерении

Елена Игоревна Васильева¹, Татьяна Евгеньевна Зерчанинова²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления – филиал, Екатеринбург, Россия

¹vasilyeva-ekb@yandex.ru

²zerchaninova-te@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматривается система взаимодействий между молодыми российскими соотечественниками, проживающими за рубежом, и Россией. В рамках статьи рассматривается вопрос, насколько тесно молодые российские соотечественники связаны с Россией. Цель исследования – изучить формы и каналы взаимодействия молодых российских соотечественников с Россией. Статья основана на исследовании мнения молодых членов российской общины за рубежом. Эмпирической базой исследования является анкетный опрос, проведенный в 54 зарубежных странах. Анкетирование проводилось в группах в социальных сетях и в организациях российских соотечественников. Опрошено 2042 респондента в возрасте от 14 до 30 лет включительно. Результаты исследования показывают, что молодые российские соотечественники в значительной степени продолжают сохранять русскую идентичность, идентифицировать себя с российским народом и владеют русским языком лучше, чем языком страны проживания. Большая часть молодых соотечественников поддерживает тесные связи с Россией, что подтверждается их личными визитами для посещения родственников, с целью туризма по России и др. Значительная часть взаимодействия находится вне политического пространства, а в поле неформальной коммуникации и массовой культуры, которая и определяет образ России и народа в целом. Основными каналами коммуникации являются социальные сети, мессенджеры и интернет-ресурсы. Развитие центров изучения русского языка, образования и культуры при расширении ресурсной базы государственной политики и ее информационной кампании может оказаться мощным инструментом российского государственного управления в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: соотечественники, молодежь, «русский мир», постсоветское пространство, государственная поддержка, негосударственная поддержка.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00760.

Для цитирования: Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е. Формы и каналы взаимодействия молодых соотечественников с Россией в социологическом измерении // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 143–153. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-143-153>

Forms and channels of interaction of young compatriots with Russia in sociological dimension

Elena I. Vasileva¹, Tatiana E. Zerchaninova²

^{1,2}The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Ural institute of management – branch of RANEPa, Russia, Yekaterinburg

¹vasilyeva-ekb@yandex.ru

²zerchaninova-te@ranepa.ru

Abstract. *The article examines the system of interactions between the young Russian compatriots living abroad and Russia. The article considers the question of how closely young Russian compatriots are connected with Russia. The purpose of the study is to study the forms and channels of interaction of young Russian compatriots with Russia. The article is based on a study of the opinion of young members of the Russian community abroad. The empirical basis of the study is a questionnaire survey conducted in 54 foreign countries. The survey was conducted in groups in social networks and in organizations of Russian compatriots. 2042 respondents aged from 14 to 30 years inclusive were interviewed. Russian studies show that young Russian compatriots largely continue to preserve their Russian identity, identify themselves with the Russian people and speak Russian better than the language of their country of residence. Most of the young compatriots maintain close ties with Russia, which is confirmed by their personal visits to visit relatives, for the purpose of tourism in Russia, etc. A significant part of the interaction is outside the political space, but in the field of informal communication and mass culture, which determines the image of Russia and the people as a whole. The main communication channels are social networks, messengers and Internet resources. The development of centers for the study of the Russian language, education and culture, while expanding the resource base of state policy and its information campaign, can prove to be a powerful tool of the Russian public administration in the long term.*

Keywords: *compatriots, youth, the Russian world, the post-Soviet space, state support, non-state support*

Acknowledgments: the study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-011-00760.

For citation: Vasileva E. I., Zerchaninova T. E. Forms and channels of interaction of young compatriots with Russia in sociological dimension // *Power and Administration in the East of Russia*. 2021. No. 4 (97). Pp. 143–153. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-143-153>

Введение. С 1990-х гг. изучение государственной политики в отношении соотечественников, проживающих в постсоветских государствах, превратилось в значимое направление исследований. Большинство работ того времени были направлены на анализ положения русских общин в недавно созданных самостоятельных государствах, прежде всего, вопросов гражданства и языковой политики [Chinn, Kaiser, 1996; King, Melvin, 1999; Zevelev, 2001]. Ряд других авторов рассматривали вопросы формирования национальной идентичности, ассимиляции и интеграции русской общины

в странах проживания [Laitin, 1999]. К концу 1990-х годов все больше исследований начали ставить под сомнение целесообразность использования термина «диаспора» в отношении российских соотечественников в постсоветских государствах, поскольку русские, живущие за границей, фактически были отрезаны от своей родины в результате изменения государственных границ, а не эмиграции [Pilkington, Flynn, 2006].

Вместе с тем уже с начала 2000-х годов термин «диаспора» в политическом и научном дискурсе приобретает характер «практической категории» [Brubaker,

2005] – на первый план выходят вопросы государственной политики, определяются ее цели и инструменты. Так, если при Б. Н. Ельцине вопрос о русской диаспоре входил в повестку дня лишь время от времени, то с приходом В. В. Путина темы взаимодействия с соотечественниками, их защиты и формирование т. н. «русского мира» становятся краеугольными векторами российской внешней политики.

В последние годы тема русского мира и положения российских соотечественников также звучит в работах российских авторов [Бесчастный, 2021; Васильев, 2021; Герасимова, 2019; Сальников, 2019].

В рамках данной статьи рассматриваются результаты социологического опроса по теме «Потребности молодых российских соотечественников в государственной и негосударственной поддержке», который был проведен в 2020 году в 54 зарубежных странах. Метод сбора данных – онлайн анкетирование, анкета распространялась через русскоязычные группы соотечественников в социальных сетях. Для отбора респондентов для участия в опросе учитывался возраст от 14 до 30 лет включительно и владение русским языком. Опрошено 2042 респондента. Статистическая погрешность не превышает 5%. Выборка репрезентативна по полу и возрасту. Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. Научный руководитель исследования – к.с.н., доцент Т.Е. Зерчанинова.

Точных данных о количестве российских соотечественников, проживающих за рубежом, и их распределении по странам нет. По заявлению представителя МИД, сделанному в 2010 году, за рубежом проживало около 30 млн российских соотечественников¹. По нашим оценкам, пятую часть из них составляет молодежь в возрасте от 14 до 30 лет. По последним оценкам ООН «россиян, проживающих за пределами родины, насчитывается 11 миллионов человек»². Однако данные ООН характеризуют миграцию из Российской

Федерации и не учитывают российских соотечественников, оставшихся на территории бывших республик Советского Союза после его распада, и их потомков. Вместе с тем большинство российских соотечественников проживает на постсоветском пространстве в таких странах как Украина, Казахстан, Белоруссия, Узбекистан. В странах дальнего зарубежья больше всего российских соотечественников живет в Германии, США и Израиле. В странах ближнего зарубежья нами было опрошено 88,5% респондентов, в странах дальнего зарубежья – 11,5%. Анкета содержала вопросы о самоидентификации молодых соотечественников с российским народом и народом страны проживания, о национально-культурной идентичности, о владении русским языком, о связях с родственниками и сверстниками, проживающими в России, о визитах в Россию, а также об участии в мероприятиях для молодых соотечественников.

Результаты исследования и обсуждение. Анализируя полученные результаты, необходимо отметить, что фактически при реализации государственной политики в отношении российских соотечественников мы имеем дело с системой взаимодействий, построенных по типу треугольника, в вершинах которого находятся соответственно русская община, Россия и страна проживания (рис. 1).

Рис. 1. Система взаимодействий при реализации политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом

¹ За пределами России сейчас проживает около 30 миллионов наших соотечественников [электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/interview/131938> (дата обращения: 25.09.2021).

² Россия входит в пятерку лидеров как по числу мигрантов, так и по числу граждан страны, проживающих за рубежом [электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394392> (дата обращения: 25.09.2021).

В рамках статьи мы рассмотрим только часть взаимоотношений, а именно, насколько тесно молодые российские соотечественники связаны с Россией.

Результаты опроса молодых соотечественников показывают, что молодежь, проживающая за рубежом, продолжает сохранять в значительной степени русскую идентичность: они идентифицируют себя с российским народом и владеют русским языком лучше, чем языком страны проживания. На вопрос «В какой степени Вы считаете себя частью российского народа?» только 18,8% респондентов ответили, что не считают себя таковыми, а 70,3% опрошенных молодых соотечественников считают себя частью российского народа (табл. 1).

Столь высокий процент идентифицирующих себя с российским народом молодых членов русской общины может объясняться тем, что опрос проводился только среди тех, кто считает себя российскими соотечественниками. Однако, даже с учетом данного замечания, можно сделать вывод о формировании российской идентичности у молодежи, проживающей за границами России, даже несмотря на то, что они родились за ее пределами (73% респондентов, принявших участие в опросе, родились за пределами России). Вместе с тем 73,4% респондентов считают себя и частью народа страны проживания, что может свидетельствовать о формировании двойной идентичности (табл. 2).

Одним из факторов формирования национальной идентичности является владение языком. Более 90% респондентов указали, что свободно владеют рус-

ским языком (табл. 3).

Необходимо отметить, что опрос проводился на русском языке, и ряд соотечественников указывали на невозможность прохождения анкеты, поскольку в большей степени владеют языком страны проживания, а не русским. Языком страны проживания свободно владеют 65,8% респондентов, то есть меньше, чем русским языком. С учетом ряда событий в постсоветских республиках и значительной доли молодых соотечественников, не владеющих языком страны пребывания, вопросы репатриации, поддержки переселения молодых соотечественников, а также защиты их прав (прежде всего, в т.н. языковом вопросе) должны стать одними из приоритетных при взаимодействии с диаспорой в ближайшие годы.

Одновременно сокращение количества русских школ при посольствах, закрытие русских школ в постсоветских республиках актуализирует и вопрос о дальнейшей популяризации русского языка и культуры в мире, особенно в ряде постсоветских стран, а также дальнейшем зарубежье. Необходимо дальнейшее углубление и развитие данного формата работы, в том числе посредством возможности обучения для соотечественников онлайн бесплатно.

Из наших данных следует, что большая часть молодых соотечественников (почти 2/3) поддерживает тесные связи с Россией, что подтверждается их личными визитами (табл. 4).

При этом необходимо учитывать, что опрос проводился в 2020 году, когда в связи с повсеместным стремительным

Таблица 1

В какой степени Вы считаете себя частью российского народа?

№	Варианты ответа	% от числа опрошенных
1	Абсолютно не считаю	6,7
2	Скорее не считаю	12,1
3	Скорее считаю	32,4
4	Полностью считаю	37,9
5	Затрудняюсь ответить	10,9
	Итого:	100,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса по теме «Потребности молодых российских соотечественников в государственной и негосударственной поддержке», 2020 г.

Таблица 2

В какой степени Вы считаете себя частью народа страны, в которой проживаете?

№	Варианты ответа	% от числа опрошенных
1	Абсолютно не считаю	5,2
2	Скорее не считаю	11,6
3	Скорее считаю	33,0
4	Полностью считаю	40,4
5	Затрудняюсь ответить	9,8
	Итого:	100,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса по теме «Потребности молодых российских соотечественников в государственной и негосударственной поддержке», 2020 г.

Таблица 3

В какой степени Вы владеете русским языком и государственным языком страны проживания? (% от числа опрошенных)

№	Варианты ответа	русским языком, %	государственным языком страны проживания, %
1	Свободно	90,6	65,8
2	Владею в достаточной степени, необходимой для общения	7,3	16,7
3	Могу объясняться, но с трудом	1,1	5,5
4	Понимаю, но объяснить не могу	0,4	4,1
5	Читаю со словарем	0,1	1,5
6	Практически не владею	0,3	5,4
7	Затрудняюсь ответить	0,2	1,0
	Итого:	100,0	100,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса по теме «Потребности молодых российских соотечественников в государственной и негосударственной поддержке», 2020 г.

Таблица 4

Приходилось ли Вам за последние 3 года приезжать в Россию?

№	Варианты ответа	% от числа опрошенных
1	Да	65,8
2	Нет	34,2
	Итого:	100,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса по теме «Потребности молодых российских соотечественников в государственной и негосударственной поддержке», 2020 г.

распространением коронавирусной инфекции значительная часть соотечественников не смогла въехать на территорию Российской Федерации.

Большая часть молодых соотечественников приезжала в Россию в основном с целью посещения родственников и друзей, а также с целью туризма (табл. 5).

Большинство респондентов (79,5%) общаются со своими сверстниками, проживающими в России (табл. 6).

Из полученных нами данных следует, что основными каналами коммуникации являются социальные сети и мессенджеры. Третий по популярности канал – Skype, Zoom и подобные ресурсы (табл.7).

Таблица 5

С какой целью Вы приезжали в Россию?

№	Варианты ответа	% от числа опрошенных
1	Навестить родственников	28,2
2	Навестить друзей	5,9
3	Туризм	18,4
4	Участие в мероприятиях для соотечественников	3,0
5	Учеба	1,6
6	По работе	1,4
7	Участие в спортивных мероприятиях	1,1
8	Решить вопросы получения гражданства	4,3
9	Другое	1,9
10	Нет ответа	34,2
	Итого:	100,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса по теме «Потребности молодых российских соотечественников в государственной и негосударственной поддержке», 2020 г.

Таблица 6

Общаетесь ли Вы со своими сверстниками, проживающими на территории России?

№	Варианты ответа	% от числа опрошенных
1	Да	79,5
2	Нет	20,5
	Итого:	100,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса по теме «Потребности молодых российских соотечественников в государственной и негосударственной поддержке», 2020 г.

Таблица 7

Какие основные каналы Вы используете для общения со своими сверстниками, проживающими на территории России?

№	Варианты ответа	% от числа опрошенных
1	Социальные сети	72,9
2	Мессенджеры	43,3
3	Поездки в Россию	28,4
4	Прием у себя гостей из России	17,6
5	Телефонная связь	29,4
6	Электронная почта	13,9
7	Skype, Zoom и подобные ресурсы	34,2
8	Другое	0,3
9	Нет ответа	20,5
	Итого:	260,5 *

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса по теме «Потребности молодых российских соотечественников в государственной и негосударственной поддержке», 2020 г.

* Сумма больше 100%, так как можно было выбрать несколько вариантов ответа.

Также востребованы среди респондентов поездки в Россию, что подтверждает тезис о том, что для молодых соотечественников актуальными являются родственные и культурные связи с Россией.

При этом доля молодых соотечественников, проживающих за рубежом, участвующих в организованных формах взаимодействия с членами русской общины в рамках государственной полити-

ки Российской Федерации, крайне низка. Это может свидетельствовать как о низком уровне информированности соотечественников об актуальных для них мероприятиях, так и о возможном желании дистанцироваться от проводимой политики. Наиболее востребованными мероприятиями среди респондентов являются национально нейтральные и патриотические праздники, в частности, День России и День Победы (табл. 8).

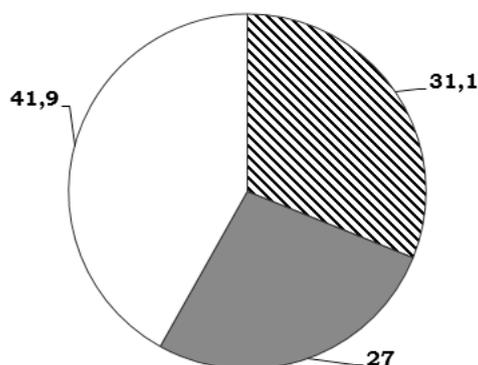
Таблица 8

Если Вы участвовали в мероприятиях для соотечественников, то напишите их названия и год

№	Варианты ответа	% от числа опрошенных
1	День России	1,5
2	День Победы	3,1
3	Другое	12,0
4	Затрудняюсь ответить	9,3
5	Не участвовал	74,1
	Итого:	100,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса по теме «Потребности молодых российских соотечественников в государственной и негосударственной поддержке», 2020 г.

Одним из механизмов взаимодействия по линии русская община – Россия являются средства массовой информации и иные элементы массовой культуры. Почти половина респондентов (41,9%) не знакомы с официальными каналами информирования соотечественников, что особенно удивляет в условиях цифровизации (рис. 2).

■ затрудняюсь ответить ■ да □ нет

Рис. 2. Знаете ли Вы какие-то газеты, журналы, интернет-порталы для российских соотечественников?

Данные результаты опроса свидетельствуют об отсутствии интеграционных механизмов внутри российской диаспоры за рубежом (коммуникации), а также недостаточно эффективных инструментов по их развитию в рамках государственной политики.

Первое место в рейтинге телеканалов среди наших респондентов занимает ТНТ. Формирование подобного развлекательного контента осуществляется стихийным образом и в значительной степени не соответствует желательным ценностям реализуемой политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом. Второе место по популярности занимают информационные каналы: 1 канал и Россия 1 (табл. 9).

Новости о жизни в России интересуют почти половину опрошенных молодых соотечественников – 45,2% (табл. 10). В этой связи важно отслеживать соотношение новостных сюжетов, выделять отдельный слот для позитивных и интересных для молодой части российской диаспоры информационных поводов.

На прямой вопрос о необходимости

развития связей с молодыми соотечественниками, проживающими за рубежом, 79,4% респондентов ответили утвердительно (табл. 11).

Наиболее востребованными формами

взаимодействия являются разнообразные программы обменов и развитие культурных связей. Значимым остается и возможность получить российское гражданство (табл. 12).

Таблица 9

Если Вы смотрите российские телеканалы, то какие?

№	Варианты ответа	% от числа опрошенных
1	1 канал	23,0
2	Россия 1	28,6
3	НТВ	15,4
4	СТС	22,5
5	Пятница	8,2
6	ТНТ	36,3
7	Матч ТВ	2,6
8	Пятый канал	1,6
9	Россия 24	9,7
10	Звезда	2,3
11	Муз ТВ	2,9
12	Культура	1,2
13	Почти все	5,3
14	Другое	16,1
15	Нет ответа	25,1
	Итого:	200,8 *

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса по теме «Потребности молодых российских соотечественников в государственной и негосударственной поддержке», 2020 г.

Таблица 10

Какая информация о России Вас интересует в газетах, журналах, интернет-порталах и российских телеканалах?

№	Варианты ответа	% от числа опрошенных
1	Новости о жизни в России	45,2
2	Политика	24,3
3	Спорт	29,4
4	Наука	25,1
5	Культура	37,0
6	Мероприятия в России для соотечественников	15,0
7	Информация о переселении в Россию	12,8
8	Затрудняюсь ответить	9,5
9	Другое	0,9
10	Нет ответа	22,2
	Итого:	221,4 *

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса по теме «Потребности молодых российских соотечественников в государственной и негосударственной поддержке», 2020 г.

* Сумма больше 100%, так как можно было выбрать несколько вариантов ответа.

Таблица 11

Как Вы считаете, должна ли Россия развивать связи с молодыми соотечественниками, проживающими за рубежом?

№	Варианты ответа	% от числа опрошенных
1	Да, должна	79,4
2	Нет, в этом нет необходимости	7,2
3	Затрудняюсь ответить	13,4
	Итого:	100,0

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса по теме «Потребности молодых российских соотечественников в государственной и негосударственной поддержке», 2020 г.

Таблица 12

В каких формах Россия должна развивать связи с молодыми соотечественниками, проживающими за рубежом?

№	Варианты ответа	% от числа опрошенных
1	Поддерживать и развивать культурные связи	58,8
2	Организовывать для молодых соотечественников поездки в Россию на мероприятия (конгрессы, конференции, конкурсы и т. п.)	59,4
3	Поддерживать учебные программы на русском языке.	48,3
4	Развивать молодежные программы	52,9
5	Следить за соблюдением прав соотечественников	34,5
6	Предоставлять соотечественникам право получения российского гражданства на основе простой процедуры	45,8
7	Другое	0,6
	Итого:	300,3 *

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса по теме «Потребности молодых российских соотечественников в государственной и негосударственной поддержке», 2020 г.

*Сумма больше 100%, так как можно было выбрать несколько вариантов ответа.

Заключение. Таким образом, можно отметить, что молодые российские соотечественники в значительной степени идентифицируют себя с российским народом и владеют русским языком лучше, чем языком страны проживания. Большая часть молодых соотечественников поддерживает тесные связи с Россией, что подтверждается их личными визитами для посещения родственников, с целью туризма по России и др. Значительная часть взаимодействия находится вне политического пространства, а в поле неформальной коммуникации и массовой культуры, которая и определяет образ России и народа в целом. Большинство респондентов считает, что Россия должна развивать связи с молодыми соотечественниками.

В перспективе на взаимодействие по

линии русская община – Россия и эффективность политики в отношении молодых российских соотечественников может оказать влияние ряд серьезных барьеров:

- сокращение русских школ за рубежом, что будет приводить к сокращению русскоязычной части российской общины;
- снижение доли молодежи, владеющей русским языком;
- формирование негативного образа России зарубежными СМИ.

В этой связи развитие центров изучения русского языка, образования и культуры при расширении ресурсной базы государственной политики и ее информационной кампании может оказаться мощным инструментом российского государственного управления в долгосрочной перспективе.

Список источников:

1. Бесчастный М. В. Русский мир как геополитический проект // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2021. Т. 2. С. 96–99.
2. Васильев М. В. Русский мир и проблемы интеграции постсоветского пространства // Архонт. 2021. № 3 (24). С. 42–44.
3. Герасимова В. А. Российские соотечественники за рубежом // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 1. С. 904–921.
4. Сальников В. И., Беспалова Т. В. Русский мир в условиях турбулентности мирополитической системы: в поисках методологии исследования // Культурное наследие России. 2019. № 3 (26). С. 20–25.
5. Brubaker R. The 'diaspora' diaspora // *Ethnic and Racial Studies*. 2005. Vol. 28. No 1. Pp. 1–19.
6. Chinn J., Kaiser R. Russians as the New Minority: Ethnicity and Nationalism in the Soviet Successor States. Westview Press, 1996. 320 p.
7. King C., Melvin N. Diaspora Politics: Ethnic Linkages, Foreign Policy, and Security in Eurasia // *Quarterly Journal: International Security*. 1999. Vol. 24. No 3. Pp. 108–138.
8. Laitin D. D. Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Cornell University Press, 1998. 432 p.
9. Pilkington H., Flynn M. A Diaspora in Diaspora? Russian Returnees Confront the "Homeland" // *Refuge: Canada's Journal on Refugees*. 2006. Vol. 23. No 2. Pp. 55–67.
10. Zevelev I. Russia and Its New Diasporas. Washington: United States Institute of Peace Press, 2001. 240 p.

References:

1. Beschastnyj M. V. Russian world as a geopolitical project *Nauchno-tekhnicheskoe i ekonomicheskoe sotrudnichestvo stran ATR v XXI veke* [Scientific, technical and economic cooperation of the Asia-Pacific countries in the XXI century], 2021, vol. 2, pp. 96–99. (In Russian).
2. Vasil'ev M. V. The Russian World and the Problems of Integration of the Post-Soviet Space *Arhont* [Arhont], 2021, no. 3 (24), pp. 42–44. (In Russian).
3. Gerasimova V. A. Russian compatriots abroad *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet studies], 2019, vol. 2, no. 1, pp. 904–921. (In Russian).
4. Sal'nikov V. I., Bepalova T. V. Russian World in the Conditions of Turbulence of the World Political System: In Search of Research Methodology *Kul'turnoe nasledie Rossii* [Cultural heritage of Russia], 2019, no. 3 (26), pp. 20–25. (In Russian).
5. Brubaker R. The 'diaspora' diaspora *Etnicheskiye i rasovyye issledovaniya* [Ethnic and Racial Studies], 2005, vol. 28, no. 1, pp. 1–19.
6. Chinn J., Kaiser R. Russians as the New Minority: Ethnicity and Nationalism in the Soviet Successor States. Westview Press, 1996. 320 p.
7. King C., Melvin N. Diaspora Politics: Ethnic Linkages, Foreign Policy, and Security in Eurasia *Yezhekvartal'nyy zhurnal: Mezhdunarodnaya bezopasnost'* [Quarterly Journal: International Security], 1999, vol. 24, no 3, pp. 108–138.
8. Laitin D. D. Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Cornell University Press, 1998. 432 p.
9. Pilkington H., Flynn M. A Diaspora in Diaspora? Russian Returnees Confront the "Homeland" *Убежище: Канадский журнал по беженцам* [Refuge: Canada's Journal on Refugees], 2006, vol. 23, no. 2, pp. 55–67.
10. Zevelev I. Russia and Its New Diasporas. Washington: United States Institute of Peace Press, 2001. 240 p.

Статья поступила в редакцию 21.09.2021; одобрена после рецензирования 28.11.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 21.09.2021; approved after reviewing 28.11.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Информация об авторах

Е. И. Васильева – канд. социол. наук, доцент кафедры регионального и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления – филиал

Т. Е. Зерчанинова – канд. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой регионального и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления – филиал

Information about the authors

E. I. Vasileva – candidate of Sociology, Associate Professor the chair of regional and municipal management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Ural institute of management – branch of RANEPА

T. E. Zerchaninova – candidate of Sociology, Associate Professor, Head of the chair of regional and municipal management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Ural institute of management – branch of RANEPА

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМУ: миграционная ситуация в регионах Российской Федерации

Научная статья

УДК 314.7:323.1

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-154-164

Миграция на Южный Урал и межэтнические отношения

Елена Ивановна Салганова¹, Андрей Александрович Авдашкин², Наталья Александровна Гафнер³

^{1,2,3}Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

³Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹salganovaei@susu.ru

²adrianmaricka@mail.ru

³nataly_flam@mail.ru

Аннотация. В условиях пандемии COVID-19 пристальное внимание экспертного сообщества и управленцев обращено на возможные сценарии развития межэтнических отношений в российских регионах. В представленной статье приведены результаты этносоциологического мониторинга, прошедшего в Челябинской области. Внимание авторов сосредоточено на оценке рисков восприятия трансграничных мигрантов, поиске основных индикаторов, на основе которых возможен мониторинг динамики ксенофобских настроений, разработке рекомендаций по совершенствованию миграционной и национальной политики. Источниковую базу исследования составили данные этносоциологического опроса, проведенного в апреле–июне 2021 г. и результаты экспертных интервью. В исследовании задействовано 2062 респондентов и 105 экспертов. Данный инструментарий позволил авторскому коллективу определить текущее состояние межэтнических отношений в регионе, показать степень влияния на них миграции из Средней Азии и КНР, определить основные установки южноуральцев в отношении иноэтничных мигрантов. Проведенный этносоциологический мониторинг показал, что межэтнические отношения в Челябинской области находятся в состоянии скрытой напряженности, во многом вызванной трудностями инкорпорации в принимающее общество выходцев из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана и КНР. На основе собранных эмпирических данных разработаны рекомендации, позволяющие изменить контекст восприятия миграции и мигрантов из основных стран приема международной и трудовой миграции. В их числе – создание на основе проведенного исследования системы этносоциологического мониторинга, устранение из региональной прессы языка вражды, ксенофобской риторики, негативных стереотипов о мигрантах, разъяснение позитивных последствий международной миграции, создание условий для взаимодействия различных групп мигрантского и местного населения.

Ключевые слова: миграция, межэтнические отношения, этносоциологический мониторинг, Средняя Азия, Челябинская область.

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-49-740007 («Азиатский вектор миграций в Челябинскую область: историческая ретроспектива, прогнозы и риски», 2021)

Для цитирования: Салганова Е. И., Авдашкин А. А., Гафнер Н. А. Миграция на Южный Урал и межэтнические отношения // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 154–164. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-154-164>

Migration to the South Urals and interethnic relations

Elena I. Salganova¹, Andrey A. Avdashkin², Natal'ya A. Gafner³

^{1, 2, 3}The South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

³Chelyabinsk State University

¹salganovaei@susu.ru

²adrianmaricka@mail.ru

³nataly_flam@mail.ru

Abstract. *In the conditions of the COVID-19 pandemic, close attention of the expert community and administrators is turned to the possible scenarios of development of interethnic relations in the Russian regions. This article presents the results of ethno-sociological monitoring that took place in the Chelyabinsk region. Our attention is focused on assessing the risks of perception of trans-border migrants, searching for the main indicators, on the basis of which it is possible to monitor the dynamics of xenophobic attitudes, developing recommendations to improve migration and national policies. The source base of the research was the data of the ethno-sociological survey conducted in April-June 2021 and the results of expert interviews. The research involved 2,062 respondents and 105 experts. This toolkit allowed the authors to determine the current state of interethnic relations in the region, to show the degree of influence of migration from the Central Asia and the PRC on them, to determine the main attitudes of the South Ural residents towards the non-ethnic migrants. The ethno-sociological monitoring showed that inter-ethnic relations in the Chelyabinsk region are in a state of latent tension, largely caused by difficulties of incorporation of the natives of Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Kazakhstan and PRC into the host society. On the basis of the collected empirical data, recommendations were developed to change the context of perception of migration and migrants from the main receiving countries of international and labor migration. These include creating a system of ethno-sociological monitoring based on the research conducted, removing hate speech, xenophobic rhetoric and negative stereotypes about migrants from the regional press, explaining the positive consequences of international migration, and creating conditions for interaction between the different groups of migrants and the local population.*

Keywords: *migration, interethnic relations, ethno-sociological monitoring, the Central Asia, the Chelyabinsk region*

Acknowledgments: *the study was carried out with the financial support of the Russian Federation and the Chelyabinsk region as a part of scientific project No 20-49-740007 ("Asian vector of migrations to the Chelyabinsk region: historical retrospective, forecasts and risks," 2021).*

For citation: Salganova E. I., Avdashkin A. A., Gafner N. A. Migration to the South Urals and interethnic relations // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 162–172. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-162-172>

Постановка проблемы. Взаимоотношения российского общества и мигрантов на протяжении последних десятилетий является остроактуальной темой научных дискуссий и предметом управленческих решений. Пандемия COVID-19 резко осложнила положение мигрантов в России, способствуя росту различных фобий со стороны местного

населения. В этих условиях возрастает необходимость мониторинга ситуации для своевременного ответа на эти вызовы. Немалая тревожность вызвана состоянием межэтнических отношений в регионах Уральского федерального округа, где представлены такие крупные центры притяжения международной миграции как Екатеринбург,

Челябинск и Тюмень¹. Наше внимание фокусируется на Челябинской области, которая является одним из заметных центров, куда направлена среднеазиатская миграция². Кроме того, до недавнего времени в регионе наблюдались сообщества мигрантов из КНР (челноки и торговцы на рынке, тепличные комплексы в сельской местности)³ [Авдашкин, 2021b].

Учитывая сложную демографическую ситуацию в стране и в Челябинской области, необходимы достоверные оценки общественного мнения относительно международной миграции. Только в январе–августе 2021 г. естественная убыль населения в стране составила 595 тыс. чел., в Челябинской области этот показатель измеряется в 12,9 тыс⁴. За 2018–2021 гг. население области сократилось на 48,9 тыс. чел.: за счет смертности – на 40,8 тыс., оттока в другие регионы и страны – на 8,1 тыс.⁵ На общегосударственном уровне необходимо решение целого комплекса задач по привлечению в страну рабочей силы, дефицит которой остро ощутила российская экономика на фоне ограничений межстрановой мобильности, а также поиск источников для вос-

полнения убыли населения. Например, озвучиваются идеи привлечь в Россию не менее 500 тыс. соотечественников⁶ или отдавать сельскохозяйственные угодья в аренду узбекской стороне⁷.

На протяжении последних тридцати лет существенную часть убыли населения компенсирует миграция из государств Средней Азии. Оценка рисков восприятия трансграничных мигрантов позволит определить основные индикаторы, на основе которых возможен мониторинг динамики ксенофобских настроений, разработать рекомендации по совершенствованию миграционной и национальной политики, прогнозировать возможные риски, порождаемые миграцией.

Динамика межэтнических отношений в России, а также влияние трансграничной мобильности на их состояние привлекает все более пристальное внимание специалистов [Фабрикант, 2017; Прохода, 2021]. При этом в структуре международных миграций в большинстве регионов Урала граждане государств Средней Азии занимают все более значительное место. Отношение к мигрантам могут определять следующие группы параметров: отношение к факту принадлежно-

¹ Челябинск вошел в тройку городов России, где хуже всего относятся к мигрантам // *Коммерсантъ*. 2 сентября. 2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4475810> (дата обращения: 18.10.2021); Четверть жителей УрФО негативно относятся к мигрантам. Это худший показатель в стране // *Коммерсантъ*. 9 июня. 2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4849384> (дата обращения: 18.10.2021); Жители регионов УрФО стали хуже относиться к мигрантам // *Коммерсантъ*. 10 июня. 2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4849786> (дата обращения: 18.10.2021)

² В Челябинске больше всего патентов покупают таджики и узбеки // *Мигрант-news*. 5 июня. 2018. URL: <https://migrantnews.info/ru/3968/> (дата обращения: 18.10.2021)

³ «Скелеты» парников, мигранты и следы химикатов: что стало со скандальными китайскими теплицами под Челябинском // *74.ru*. 13 августа 2021. URL: https://74.ru/text/gorod/2021/08/13/70060256/?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=74 (дата обращения: 18.10.2021)

⁴ Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за август 2021 года // Федеральная служба государственной статистики. 8 октября 2021. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/edn08_2021\(2\).htm](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/edn08_2021(2).htm) (дата обращения: 18.10.2021)

⁵ Демографический рейтинг регионов // *РИА Новости*. 5 апреля. 2021. URL: <https://ria.ru/20210405/naselenie-1603926231.html?in=t> (дата обращения: 18.10.2021)

⁶ Правительство распорядилось вернуть в Россию не менее 500 тыс. соотечественников в ближайшие восемь лет // *Новая газета*. 16 сентября. 2021. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/16/pravitelstvo-rasporiadilos-vernute-v-rossiiu-ne-menee-500-tys-sootechestvennikov-v-blizhaishie-vosem-let-news?utm_source=fb&utm_medium=novaya&utm_campaign=god-nazad-pravitelstvo-poobeschalo-sformi&fbclid=IwAR1unebLM-TLMH99gqQaQYWN0yCv0GnX-nW4C0j4gyAYJqhxe08mG6HAE (дата обращения: 18.10.2021)

⁷ Минсельхоз объяснил предложение про передачу земли узбекским фермерам // *РБК*. 6 октября 2021. URL: https://www.rbc.ru/economics/06/10/2021/615de3f69a7947fb2a387a4b??utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=preview (дата обращения: 18.10.2021)

сти к одной с мигрантами социальной общности, оценка факта пребывания мигрантов в городе, готовность местных жителей к взаимодействию с ними и др. [Крестьянова, 2016; Бритвина, Могильчак, Савчук, 2018; Бритвина, Могильчак, 2018; Межэтнические отношения и миграционная ситуация в регионах Урала... 2020; Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Урала... 2020; Гончаренко, Тараданов, 2021]. До недавнего времени в таком полиэтничном и стратегически важном регионе как Челябинская область мониторинг состояния межэтнических отношений практически не проводился, результаты редких исследований в этой сфере в основном не вводились в научный оборот.

Методика исследования и эмпирическая база. Источниковую базу исследования составили данные этносоциологического опроса, проведенного в апреле-июне 2021 г. в рамках проекта РФФИ и Челябинской области «Азиатский вектор миграций в Челябинскую область: историческая ретроспектива, прогнозы и риски». Задействовано 2062 респондента, в разрезе крупные города – г. Челябинск, г. Магнитогорск, Миасский, Златоустовский, Копейский городские округа, средние и малые города (муниципальные районы) – Верхнеуфалейский, Чебаркульский, Южноуральский, Усть-Катавский городские округа, Коркинский и Каслинский муниципальные районы; сельская местность – Красноармейский, Варненский, Кунашакский, Верхнеуральский муниципальные районы. Возраст респондентов – старше 18 лет. Выборка областная, случайная, представительная, серийная (крупные, средние и малые муниципальные образования, сельская местность), по полу, возрасту и социальному положению. Статистическая погрешность результатов опроса составляет 2,2% при доверительном интервале 95%.

Кроме того, для верификации и детализации некоторых проблемных вопросов коллективом проекта проведен экспертный опрос. Всего опрошено 105 экспертов, средняя продолжительность беседы 90 минут. Информантами высту-

пили эксперты из числа представителей органов власти, бизнеса, общественных деятелей, а также специалистов, связанных с проблемой миграции и межнациональных отношений в Челябинской области. По социально-демографическим характеристикам среди экспертов было опрошено 82,9% женщин и 17,1% мужчин; по возрасту 44,8% – 30–49 лет, 40,0% – 18–29 лет, 15,2% – 50 лет и старше; по уровню образования – 88,6% респондентов с высшим образованием и 11,4% имеют среднее специальное образование; по стажу работы – до 5 лет и более 11 лет по 42,9% соответственно, от 6 до 10 лет – 14,3%.

Результаты. Мнение местного населения Челябинской области о состоянии межнациональных отношений в регионе разделилось примерно на две равные категории: «спокойные» (41,5%) и «спокойные, но ощущается напряженность» (42,9%) (табл. 1). Негативные оценки положения в целом незначительные (6,9%), еще 8,8% затруднились высказаться на этот счет однозначно. Мы наблюдаем скрытую напряженность, неуверенность в сохранении стабильной и бесконфликтной межэтнической ситуации. Еще более рельефно этот параметр представлен в опросе экспертов. Лишь каждый третий из них полагает, что межэтнические отношения носят «спокойный характер».

Таблица 1

**Ответы местного населения
Челябинской области на вопрос:
«Как Вы оцениваете
межнациональные отношения в
Челябинской области?»
(в % от числа опрошенных)**

Варианты ответа	%
Спокойные, мирные	41,5
Внешне спокойные, но ощущается некоторая напряженность	42,9
Напряженные, возможны межнациональные конфликты	6,1
Крайне напряженные, имеются серьезные межнациональные конфликты	0,8
Затрудняюсь ответить	8,8

Источники: рассчитано и составлено авторами.

В территориальном разрезе картина выглядит еще более неоднозначной. На «спокойные, мирные» межнациональные отношения чаще указывают жители Чебаркуля (83,3%), Кунашакского и Красноармейского районов (73,2% и 72,2% соответственно). Ощущение некоторой напряженности чаще всего встречается в Миассе и Магнитогорске (70,1% и 65,7% соответственно).

Острая постановка вопроса о нехватке рабочей силы для российской экономики на фоне закрытых границ требует его детализации на региональном уровне. Подавляющее большинство опрошенных (71,2%) полагают, что нет необходимости привлекать рабочую силу из стран Азии, и вполне вероятно поддержат инициативы по защите рынка труда от международной трудовой миграции (табл. 2). Результаты опроса экспертов находятся в этих же пределах: условно «протекционистскую» позицию занимает 67% опрошенных.

Таблица 2

**Ответы местного населения
Челябинской области на вопрос:
«Считаете ли Вы, что для преодоления
дефицита населения и рабочей силы в
России следует привлекать мигрантов
из стран Азии?»
(в % от числа опрошенных)**

Варианты ответа	%
Определенно, да	1,8
Скорее да, чем нет	10,0
Скорее нет, чем да	32,8
Определенно нет	38,4
Затрудняюсь ответить	16,9

Источники: рассчитано и составлено авторами.

Свыше четверти населения области полагают, что в их населенном пункте есть проблема миграции (табл. 3). Такая позиция в основном характерна для жителей двух наиболее крупных городов: Челябинска и Магнитогорска. С точки зрения представителей экспертного сообщества картина несколько иная. Порядка 59% участников экспертного опроса отметили, что проблема миграции из Средней Азии и КНР характерна для области.

Таблица 3

**Ответы местного населения
Челябинской области на вопрос:
«Как Вы считаете, есть ли проблема
внешней миграции из стран Азии
в населенном пункте, где Вы
проживаете?»
(в % от числа опрошенных)**

Варианты ответа	%
Определенно, да	7,5
Скорее да, чем нет	19,8
Скорее нет, чем да	31,5
Определенно нет	29,9
Затрудняюсь ответить	11,3

Источники: рассчитано и составлено авторами.

Как мы увидели выше, представление о количественных параметрах представительства «других» играют важную роль в динамике межэтнических отношений и рисках восприятия трансграничной мобильности. Свыше трети опрошенных среди местного населения оценили их количество как «мало» (17,8%) или отметили их полное отсутствие (18%). Примерно столько же рассматривают этот показатель в «пределах нормы» (табл. 4). «Заметны» мигранты оказались лишь для 20,3% опрошенных, а позиция «слишком много» и вовсе характерна для меньшинства. В оптике общественного мнения численность мигрантов достаточно заметна в повседневной жизни, но в то же время она не приобретает «пугающих» масштабов.

Таблица 4

**Ответы местного населения
Челябинской области на вопрос:
«Как Вы в целом оцениваете
количество мигрантов из стран
Азии в населенном пункте, где Вы
проживаете?»
(в % от числа опрошенных)**

Варианты ответа	%
Слишком много	4,2
Заметное количество	20,3
В пределах нормы	34,8
Мало	17,8
Нет мигрантов	18,0
Затрудняюсь ответить	4,8

Источники: рассчитано и составлено авторами.

Несмотря на то, что общая численность иностранных граждан на рынке труда Челябинской области не превышает 3–5%, мигранты все же оказывают существенное влияние на функционирование целого ряда отраслей (строительство, сельское хозяйство, общественный транспорт). Так, порядка четверти респондентов полагают, что мигранты не влияют на социально-экономическую ситуацию в их муниципалитете (табл. 5). Примерно сопоставимое число придерживается противоположного мнения («да» и «скорее да»). Более трети (35,7%) воспринимают выходцев из Средней Азии и КНР как значимого, но не определяющего социальную и экономическую ситуацию актора. Необходимо отметить, что за последние 4 года численность международных и трудовых мигрантов на территории региона постепенно сокращалась. Так, если в 2018 г. она составляла 84 тыс. чел.⁸, то в 2021 г. на фоне предпринятых ограничений мобильности этот показатель оценивался лишь в 51 тыс. чел.⁹

Таблица 5

Ответы местного населения Челябинской области на вопрос: «Оказывают ли мигранты из стран Азии существенное влияние на социально-экономическую ситуацию Вашего муниципального образования?»
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	%
Определенно, да	6,1
Скорее да, чем нет	19,8
Скорее нет, чем да	35,7
Определенно нет	25,8
Затрудняюсь ответить	12,7

Источники: рассчитано и составлено авторами.

Анализ мнений об основных источниках ксенофобских настроений позво-

ляет получить четкую картину интенсивности основных «страшилок» и выраженности негативных стереотипов о миграции.

По мнению местного населения области, наиболее ярко выражены такие позиции как: замкнутость образа жизни мигрантов, незнание русского языка и норм поведения в принимающем обществе, нелегальная занятость, вытеснение местного населения с рынка труда, создание потенциальных угроз (преступность, терроризм) и другие (табл. 6). Опрос экспертов выявил аналогичный «топ» источников предубеждений и в экспертной среде: незнание языка и норм поведения, нелегальная занятость, преступность, усиление опасности терроризма.

Таблица 6

Ответы местного населения Челябинской области на вопрос: «Если Вы считаете, что население Челябинской области относится отрицательно к иностранным мигрантам из стран Азии, то почему?»
(в % от числа опрошенных)
(Можно указать не более 3-х ответов)

Варианты ответа	%
Работают нелегально	34,8
Занимают рабочие места	46,1
Проживают замкнуто	45,8
Не знают русского языка и местных норм поведения	52,0
Распространяют болезни	15,7
Ухудшают криминогенную ситуацию	22,6
Изменяют этнический состав коренного населения	20,1
Способствуют появлению других религий	17,0
Усиливают опасность терроризма	23,8
Другой вариант ответа	1,2
Затрудняюсь ответить	5,6

Источники: рассчитано и составлено авторами.

⁸ В Челябинске больше всего патентов покупают таджики и узбеки // Мигрант-news. 5 июня. 2018. URL: <https://migrantnews.info/ru/3968/> (дата обращения: 18.10.2021)

⁹ Челябинск не резиновый? Сколько мигрантов работает в южноуральской столице // Челябинский обзор. 26 июля. 2021. URL: <https://obzor174.ru/skolko-migrantov-rabotaet-v-yuzhnoural'skoy-stolice> (дата обращения: 18.10.2021)

Проведенное исследование позволяет осветить не только «городской» ракурс проблемы. Технология проведения опроса предполагала возможность оставить комментарии. Нас заинтересовали пояснения, сделанные жителями сельской местности. Многие из них посвящены проблеме возникновения и функционирования «китайских» теплиц или тематике захвата пустующих земель¹⁰.

В повседневной жизни встреча с мигрантами на улице, даже не предполагающая непосредственного контакта, вызывает у граждан безразлично-негативный спектр эмоциональных реакций (табл. 7). Преимущественно негативные эмоции испытывает треть опрошенных, определенно отрицательные – лишь 20,2%. При этом значительные показатели, связанные с безразличием и равнодушием (36,5%), могут, на наш взгляд, в действительности означать дегуманизацию, дистанцирование, латентную неприязнь. Учитывая, что мнение группы является динамической системой, позиция «равнодушных» будет определять реальные последствия конфликтных ситуаций. Резонансное событие, как в Бужаниново в сентябре 2021 г.¹¹, вполне может изменить позицию этой группы в негативную сторону.

Ситуация в межэтнических отношениях нередко формируется частотой и, если угодно, «массовостью» конфликтов в повседневной жизни, свидетелем или участником которых становится человек (табл. 8). Так, треть опрошенных среди местного населения области отметила, что они в повседневной жизни никогда не становились свидетелем или участником таких ситуаций. Более 20% попадали в указанные обстоятельства несколько раз. К сожалению, у нас нет возможности четко дифференцировать роль участника и свидетеля, определить между кем происходил конфликт или какова численность участников. Это по большому счету и не входило в предметное поле исследования. Ведь даже словесные перепалки с «ми-

грантом (ами)» зачастую воспринимаются как конфликт. Свыше трети граждан области просто и не фокусируют свое внимание на таких моментах, даже если они происходят на их глазах. Возможно, что кто-то в силу склада характера и воспитания не вступает в конфликтные ситуации, предпочитая вести диалог и находя мирное разрешение противоречий.

Таблица 7

Ответы местного населения Челябинской области на вопрос: «Какие эмоции Вы испытываете, когда видите на улицах приезжих из стран Азии (Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана и КНР)?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	%
Определенно положительные	1,2
Скорее положительные, чем отрицательные	3,3
Скорее отрицательные, чем положительные	30,9
Определенно отрицательные	20,2
Никакие, равнодушные	36,5
Затрудняюсь ответить	7,9

Источники: рассчитано и составлено авторами.

Таблица 8

Ответы местного населения Челябинской области на вопрос: «Были ли Вы когда-нибудь участником или свидетелем конфликтов местного населения и мигрантов из стран Азии?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	%
Да, много раз	2,7
Да, было несколько случаев	22,2
Мне все равно. Не обращаю внимания на подобное	35,5
Нет, никогда	30,7
Затрудняюсь ответить	8,9

Источники: рассчитано и составлено авторами.

¹⁰ «Скелеты» парников, мигранты и следы химикатов: что стало со скандальными китайскими теплицами под Челябинском // 74.ru. 13 августа 2021. URL: https://74.ru/text/gorod/2021/08/13/70060256/?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=74 (дата обращения: 18.10.2021)

¹¹ Ярость в Бужаниново // Новая газета. 15 сентября. 2021. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/09/15/iarost-v-buzhaninovo> (дата обращения: 18.10.2021)

Свыше 14% респондентов указали, что в их круге общения есть люди, радикально настроенные против приезжих из стран Азии. Причем, больше таких респондентов оказалось в Челябинске и Магнитогорске (31,5% и 22,3% соответственно). Настораживает и то, что чаще на это указывали респонденты в возрасте 18–29 лет (35,0%), чем другие возрастные группы.

В завершении скажем несколько слов о том, насколько интенсивно выражены этнофобии южноуральцев в отношении мигрантов из стран Азии. Согласно данным фонда общественного мнения за 2018 г. наиболее позитивно россияне относятся к мигрантам из Казахстана (в большинстве своем это русскоязычное население, которое приезжает из северных областей), Украины и Белоруссии. В свою очередь отрицательные установки фокусируются в основном на выходцах из Таджикистана, Узбекистана и Китая¹². Аналогичные результаты были получены и на материалах Челябинской области [Авдашкин, 2021а]. Однако они нуждаются в уточнении.

Проведенный в рамках настоящего проекта этносоциологический опрос подтвердил результаты наших ранних исследований о состоянии межэтнических отношений и восприятии выходцев из государств среднеазиатского региона. Челябинская область является одним из регионов, принимающих миграцию из районов северного Казахстана, поэтому отношение к мигрантам из этой страны

характеризуется как наиболее положительное (табл. 9). Отрицательный спектр сосредотачивается на мигрантах из Таджикистана и Китая.

По полученным нами данным заметно мигрантофобия проявляет себя в таком крупном промышленном городе как Магнитогорск. Здесь практически каждый второй опрошенный отрицательно воспринимает выходцев из Средней Азии (за исключением Казахстана). Довольно рельефно на фоне всех исследованных муниципалитетов китаефобия выражена в Миассе и Кунашакском районе (49,7% и 48,0% соответственно).

Выводы. Проведенный этносоциологический мониторинг показал, что межэтнические отношения в регионе находятся в состоянии латентной напряженности. Выявлено, что практически не фиксируется каких-либо крупных инцидентов, язык вражды в местных медиа выражен ярко, ухудшение социально-экономической ситуации, нарастание оттока местных жителей вызывает все более заметную тревожность. Обыватель для себя фиксирует, что иноэтничных «других» вокруг него становится больше, возникает сомнение в их способности наладить эффективный диалог с принимающей стороной. Отсутствие повседневных контактов с выходцами из Средней Азии создает условия для укрепления негативных стереотипов о них, о том влиянии, которое оказывает миграция на страну и регион.

Индикаторами для создания систе-

Таблица 9

**Ответы местного населения Челябинской области на вопрос:
«Как Вы относитесь к мигрантам из следующих стран Азии?»**

Отношение к мигрантам	Страны Азии				
	Казахстан	Китай	Кыргызстан	Таджикистан	Узбекистан
Положительное	14,6	8,2	4,7	4,1	4,7
Нейтральное	77,1	61,1	70,7	65,7	67,3
Отрицательное	5,9	27,9	21,0	26,7	24,7
Затруднились ответить	2,4	2,8	3,6	3,5	3,3

Источники: рассчитано и составлено авторами.

¹² Иммиграция в Россию: благо или вред? // ВЦИОМ. 19 декабря. 2018. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigracziya-v-rossiyu-bлаго-ili-vred> (дата обращения: 18.10.2021)

мы этносоциологического мониторинга в регионе могут выступить следующие параметры: оценка ситуации в межэтнических отношениях; наличие или отсутствие протекционистской позиции в отношении допуска иностранной рабочей силы на рынок труда; субъективные оценки численности мигрантов и степени их влияния на социально-экономическую ситуацию на уровне области, города, отдельного муниципалитета; выраженность отрицательных стереотипов и эмоций в отношении мигрантов в целом, а также выходцев из отдельных стран. Регулярный сбор таких данных позволит наблюдать динамику ксенофобских настроений, оценивать эффективность управленческих решений в сфере миграционной и национальной политики. Как показал опыт последних лет, «полюс» для недовольства и роста социальной напряженности становятся не только крупные

города. Мы наблюдали примеры того, как обострение ситуации происходило в небольших городах и поселениях в сельской местности¹³.

Сформулируем ряд рекомендаций: необходимо создать на основе проведенного исследования систему этносоциологического мониторинга в регионе и проводить его не реже одного раза в 2–3 года; требуется максимально устранить из медиа язык вражды, необходимо разъяснять позитивные последствия международной миграции, развенчивать стереотипы о миграции; создавать условия для взаимодействия мигрантского и немигрантского населения: кулинарные мастер классы, любительская футбольная лига для смешанных команд национально-культурных центров и объединений, помощь детям-мигрантам в школах, создание специальных центров для работы с консервативными семьями и другие.

Список источников:

1. Авдашкин А. А. Внутренние и международные миграции: мнение юноральцев // *Власть и управление на Востоке России*. 2021а. № 1 (94). С. 188–197.
2. Авдашкин А. А. «Этнические» рынки в пространстве российского города (на примере Челябинска) // *Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья*. 2021б. № 1. С. 80–90.
3. Бритвина И. Б., Могильчак Е. А., Савчук Г. А. Отношение жителей уральского мегаполиса к иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии: факторный анализ // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 44. С. 137–146.
4. Бритвина И. Б., Могильчак Е. А. Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иноэтничным мигрантам // *Мир России*. 2018. Т. 27. № 1. С. 114–134.
5. Гончаренко К. Д., Тараданов А. А. Социологическое исследование терпимости к мигрантам населения Челябинской области: результаты опроса // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. 2021. Т. 21, № 2. С. 85–91.
6. Крестьянова Л. С. Межэтнические отношения и миграционные процессы на региональном уровне: проблемы и основные тенденции развития // *Экономика региона*. 2016. № 3. С. 815–825.
7. Межэтнические отношения и миграционная ситуация в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад по изучению общественного мнения в 2019 году / ред. Смирнова Т.Б., Степанов В.В., Старченко Р.А. – М.-Омск: Издательский центр КАН, 2020.

¹³ Суд амнистировал трех участников массовой драки в Верхнем Уфалее // *Российская газета*. 27 декабря 2013. URL: <https://rg.ru/2013/12/27/reg-urfo/ufalei-anons.html> (дата обращения: 18.10.2021); Что на самом деле произошло в Верхнем Уфалее // *Slovo. Челябинская интернет-газета*. 23 октября. 2012. URL: <http://www.slo-vo.ru/obshchestvo/chto-na-satom-dele> (дата обращения: 18.10.2021); «Российская газета»: уральское село на грани антикитайских бунтов // *URA.ru. Информационное агентство*. 14 мая. 2009. URL: <https://ura.news/news/1052096862> (дата обращения: 18.10.2021)

8. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за 2019 год / ред. Смирнова Т.Б., Степанов В.В., Старченко Р.А. М. – Омск: Издательский центр КАН, 2020

9. Прохода В. А. Отношение к мигрантам и стратегии межкультурного взаимодействия в России и других европейских странах // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 151–163.

10. Фабрикант М. С. Исследования общественного мнения о мигрантах в современной России: «предложение» нациестроительства или «спрос» на гордость страной? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 47–60.

References:

1. Avdashkin A. A. Internal and international migrations: the opinion of the South Urals *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], 2021, no. 1, pp. 188–197. (In Russian).

2. Avdashkin A. A. “Ethnic” markets in the space of a Russian city (on the example of Chelyabinsk) *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya* [Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region], 2021, no. 1, pp. 80–90. (In Russian).

3. Britvina I. B., Mogilchak E. L., Savchuk G. A. Attitude of residents of the Ural metropolis to migrants of other ethnicities from Central Asian countries: factor analysis *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2018, no. 44, pp. 137–146. (In Russian).

4. Britvina I. B., Mogilchak E. L. Typology of the inhabitants of the Russian megalopolis in relation to foreign ethnic migrants *Mir Rossii* [World of Russia], 2018, vol. 27, no. 1, pp. 114–134. (In Russian).

5. Fabrikant M. S. Research of public opinion about migrants in modern Russia: “supply” of nation-building or “demand” for pride in the country? *Monitoring obshchestvenno-go mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: Economic and social changes], 2017, no. 1, pp. 47–60. (In Russian).

6. Goncharenko K. D., Taradanov A. A. Sociological study of tolerance towards migrants in the population of the Chelyabinsk region: survey results *Vestnik YUUrGU. Seriya Social'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of SUSU. Series Social Sciences and Humanities], 2021, vol. 21, no. 2, pp. 85–91. (In Russian).

7. Krestyanova L. S. Interethnic relations and migration processes at the regional level: problems and main development trends *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2016, vol. 12, no. 3, pp. 815–825. (In Russian).

8. Interethnic relations and the migration situation in the regions of the Urals, Siberia and the Far East of Russia. Expert report on the study of public opinion in 2019 ed. Smirnova T. B., Stepanov V. V., Starchenko R. A. Moscow-Omsk: Izd-vo KAN, 2020. (In Russian).

9. Interethnic relations and religious situation in the regions of the Urals, Siberia and the Far East of Russia. Expert report for 2019 ed. Smirnova T. B., Stepanov V. V., Starchenko R. A. Moscow-Omsk: Izd-vo KAN, 2020. (In Russian).

10. Prokhoda V. A. Attitude towards migrants and strategies of intercultural interaction in Russia and other European countries *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2021, no. 60, pp. 151–163. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 22.10.2021; одобрена после рецензирования 17.11.2021; принята к публикации 19.11.2021.

The article was submitted 22.10.2021; approved after reviewing 17.11.2021; accept-

ed for publication 19.11.2021.

Информация об авторах

Е. И. Салганов – канд. социол. наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой социологии, доцент кафедры социологии Института медиа и социально-гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет

А. А. Авдашкин – канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории миграционных исследований Института медиа и социально-гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет

Н. А. Гафнер – канд. филос. наук, доцент кафедры социальной работы и социологии, Челябинский государственный университет; заведующий учебной лабораторией кафедры социологии, Южно-Уральский государственный университет

Information about the authors

E. I. Salganova – Candidate of Sociology, Acting Head of the Department of Sociology, Associate Professor, Department of Sociology, Institute of Media and Social Sciences and Humanities, The South Ural State University

A. A. Avdashkin – Candidate of History, senior Researcher, Laboratory of migration studies of media and sociohumanities, Institute of Media and Social Sciences and Humanities, The South Ural State University

N. A. Gafner – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University; Head of Training Laboratory, Department of Sociology, Institute of Media and Social Sciences and Humanities, The South Ural State University

Научная статья

УДК 314.7(571.51)

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-165-172

Оценка миграционной ситуации в Красноярском крае

Артём Викторович Задорин

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, a.zadorin2013@yandex.ru

Аннотация. В статье на основании социологического исследования даётся оценка миграционной ситуации в Красноярском крае, предлагаются меры по её улучшению. Сложная эпидемиологическая обстановка в регионе обусловила выбор разведывательного исследования. Использовались неслучайные (стихийные) виды отбора. Методом сбора информации являлось анкетирование. Опросы проводились в ноябре-декабре 2020 г. и охватили 400 жителей края, в том числе студенческой молодежи. В результате исследования выяснилось, что старожилов приезд иностранных трудовых мигрантов волнует незначительно, их больше тревожат другие аспекты миграции: прежде всего, отток высококвалифицированных специалистов и выпускников вузов («утечка мозгов»), далее – распространение вахтового метода работы, когда за неимением возможности трудоустройства население уезжает на заработки в другие регионы, и, наконец, отъезд местного населения. Так считают и студенты, и взрослое население. На основании данных результатов исследования автор статьи делает вывод, что миграционные проблемы Красноярского края лежат в основном в экономической плоскости. Необходимо усилить меры для удержания местного населения, прежде всего, создавать рабочие места.

Ключевые слова: миграционная ситуация, мигранты, Красноярский край, социологический опрос, анкетирование.

Благодарность: статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. при поддержке Минобрнауки России.

Для цитирования: Задорин А. В. Оценка миграционной ситуации в Красноярском крае // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 165–172. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-165-172>

Assessment of migration situation in the Krasnoyarsk territory

Artem V. Zadorin

The Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, a.zadorin2013@yandex.ru

Abstract. In the article on the base of sociological research assessment of migration situation in the Krasnoyarsk territory is given. Measures to improve migration situation are offered. Complex epidemiological situation in the region led to the choice of intelligence research. Non-random (spontaneous) types of selection were used. Questionnaire method of collecting information was used. Surveys were conducted from November to December 2020 and covered 400 residents of the region. As a result of the study, it turned out that old-timers are not particularly worried about the arrival of foreign labor migrants. They are more concerned about the other aspects of migration. First of all, there is the outflow of highly qualified specialists and graduates of universities («brain drain»). Second, there is a migration of the local population. This is the opinion of both students and the adult

population (not students). Based on these results, the author of the paper concludes that migration problems of the Krasnoyarsk territory lie mainly in the economic plane. Measures to retain the local population must be strengthened, especially by creating jobs.

Keywords: migration situation, migrants, the Krasnoyarsk territory, sociological survey, questionnaire questioning

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the Program of Fundamental and Applied Scientific Research "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening of the All-Russian Identity" 2020-2022 with the support of the Ministry of Education and Science of Russia.

For citation: Zadorin A. V. Assessment of migration situation in the Krasnoyarsk territory // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 165–172. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-165-172>

Введение. Как свидетельствуют специалисты, во всём мире растут объёмы миграционных потоков [Зорин, 2019. С. 40]. Актуально это и для нашей страны. Достаточно отметить, что в 2020 г. Россия вошла в пятёрку стран с самым высоким числом мигрантов в мире (четвёртое место после США, Германии и Саудовской Аравии)¹.

Красноярский край, занимающий второе место по территории среди субъектов Российской Федерации, является регионом с высокой миграционной активностью. «Справочник мигранта» сообщает, что в край временно приезжает более ста тысяч трудовых мигрантов ежегодно [Справочник мигранта, 2019. С. 2]. Мигранты, приезжающие в Красноярский край, получают «уникальную возможность наравне с коренным населением региона пользоваться созданными ими благами, промышленной, социальной, культурной инфраструктурой, а также рынком труда» [Справочник мигранта, 2019. С. 4; Справочник мигранта. Киргизы, 2019. С. 5]. Это в определенной степени похоже на социальную рекламу. И часть мигрантов из временных (трудоустроенных) превращается в постоянных, с переездом сюда их родственников, что показало исследование среди мигрантов-киргизов [Задорин,

2021]. Это и ряд других обстоятельств влияют на миграционную ситуацию (обстановку), под которой понимается «совокупность факторов, обусловленных въездом, пребыванием, транзитным проездом и выездом иностранных граждан и лиц без гражданства, оказывающих влияние на социально-экономическую и демографическую ситуацию, внутривластительное и внешнеполитическое положение и национальную безопасность государства...»².

Какова в настоящее время миграционная ситуация в Красноярском крае? Для ее оценки немаловажное значение имеет мнение жителей края. Именно их мнение положено в основу представленной в настоящей статье оценки миграционной ситуации в Красноярском крае.

Методы исследования. В 2020 г. в Красноярском крае проводились анкетные опросы о проблемах внутренних и международных миграций. Сложная эпидемиологическая обстановка в регионе обусловила выбор разведывательного исследования, которое не претендует на репрезентативность, но позволяет углубить знания по определённой проблеме [Зборовский, 2004. С. 57, 58; Ядов, 2000. С. 111, 112]. Использовались неслучайные (стихийные) виды отбора: отбор «первого встречного» и цепная выборка

¹ ООН: Россия вошла в пятёрку стран с самым высоким числом мигрантов в мире. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4651795> (дата обращения: 25.08.2021).

² Миграционная обстановка (ситуация). URL: <https://official.academic.ru/12340/> (дата обращения: 25.08.2021).

по методу «снежного кома» [Зборовский, 2004. С. 98, 100, 101]. В первом случае опрашиваются те, кто попадаете исследователю на улице, в учреждении и т. д. (при этом исследователь руководствуется соображениями удобства проведения опроса). В другом случае у респондентов выясняют, кто, по их мнению, мог бы ещё принять участие в исследовании, как и где можно найти этих потенциальных респондентов. Таким образом, «снежный ком» растёт (до тех пор, пока не перестаёт приносить новую информацию).

Методом сбора информации являлось анкетирование. Опросы проводились во второй половине 2020 г. и охватили 400 жителей края. Опрос предполагал анкетирование 200 так называемых «взрослых респондентов» (далее – взрослые), из них 92 мужчины и 108 женщин³. Возрастные группы три: 1) 18–29 лет, 2) 30–59 лет, 3) 60 лет и старше. Из первой группы предполагалось опросить 48 человек (24,0%), из второй – 107 человек (53,7%), из третьей – 45 человек (22,3%). Кроме «взрослых респондентов» в числе опрошенных было также 200 студентов Сибирского федерального университета (СФУ), в том числе 100 юношей и 100 девушек, при этом одну половину респондентов составили студенты инженерных и технических специальностей, а другую – гуманитарных и творческих. Опрос проводился в СФУ, Доме дружбы народов Красноярского края, общежитиях, библиотеках, магазинах и других общественных пространствах. Помимо жителей г. Красноярска анкеты заполнили три жителя г. Канска и 15 жителей г. Енисейска (опрос этих респондентов проводился дистанционно).

В целом опросы прошли ровно, без больших накладок. Подавляющее большинство взрослых респондентов предложение поучаствовать в опросе восприняли положительно. Среди студентов отказов не было вообще: они более охотно шли на контакт.

Для оценки миграционной ситуации в крае респондентам предлагался перечень из 11-ти аспектов миграции: приезд иностранных трудовых мигрантов; нелегальная миграция; отъезд местного населения; распространение вахты (за неимением возможности трудоустройства население уезжает на заработки в другие регионы); «утечка мозгов» (отток высококвалифицированных специалистов и выпускников вузов); наплыв неквалифицированных трудовых ресурсов; рост преступности, криминальных группировок; рост ксенофобии, расизма; мигранты захватывают определённые экономические сферы; мигранты селятся компактно, создаются мигрантские анклавы; коррупция в миграционной сфере. Их актуальность оценивалась по пятибалльной шкале, где 1 – самое низкое значение, 5 – самое высокое значение, 0 – явление отсутствует. Средние оценки рассчитывались следующим образом: сумма всех оценок по тому или иному аспекту делилась на общее число респондентов.

Оценка миграционной ситуации в регионе и меры по ее улучшению. Опрос показал, что студентов и взрослых больше всего волнуют: «утечка мозгов» (3,66 балла – студенты, 3,58 – взрослые), распространение вахты (3,20 – студенты, 3,53 – взрослые) и отъезд местного населения (3,12 – студенты, 3,38 – взрослые). Что же касается приезда иностранных трудовых мигрантов, то эта проблема для местных жителей не на первом месте: больше их тревожит отъезд жителей края.

Вопрос об отношении к мигрантам из различных стран⁴ многие респонденты (и студенты, и взрослые) восприняли как провокационный. Часто приходилось слышать реплику: «Какая разница, откуда люди приехали?» В ответах респондентов преобладала нейтральная оценка, а отрицательная ставилась редко. При этом оказалось, что молодым респондентам наиболее симпатичны мигранты из Гер-

³ Далее эти участники опроса будут обозначаться как «взрослые респонденты», и хотя в их число попало несколько учащихся вузов и колледжей, общей картины это не меняет.

⁴ Из Китая, США, Германии, Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Армении, Грузии, Азербайджана.

мании и США, более прохладное отношение у студентов к мигрантам из Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан) и Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия). Аналогичного мнения придерживались и взрослые: чаще всего они отмечали положительное отношение к мигрантам из Белоруссии, Украины, Германии, а более прохладное – из Азербайджана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана.

В оценке проблемы межнациональных отношений прослеживалась следующая логика. Если к большинству/ко всем мигрантам респондент выказывал положительное отношение, то в следующем вопросе он указывал, что не надо ограничивать приезд иностранцев в Россию, и наоборот. Относительно приезда иностранцев в Россию мнения разделились. Большинство студентов (44,5%) одобряет приезд иностранцев («не надо ограничивать»). Однако 20% придерживается противоположного мнения («надо ограничивать»). 35,5% затруднились ответить. Взрослые, наоборот, в основном отрицательно относятся к приезду иностранцев (47,5% респондентов против). И только четверть с небольшим (27%) считает, что не надо ограничивать въезд. 25,5% к затруднились ответить и составляют колеблющуюся часть населения, чьё мнение может легко измениться в ту или иную сторону в зависимости от конъюнктуры. При этом считаем необходимым обратить внимание на опыт Европы, который показывает, что, решая миграционные проблемы, можно довести ситуацию до абсурда. Как отмечает П. Дж. Бьюкенен, в Дании 33% гражданского бюджета в 2000 г. шло на соцзащиту иммигрантов, составлявших 4% населения страны [Бьюкенен, 2004. С. 287].

Следует отметить, за последние годы отношение к мигрантам в крае улучшилось. В 2016 г. красноярский социолог Д.О. Труфанов изучал характер восприятия иностранных трудовых мигрантов в Красноярском крае, и 66% респондентов (не студентов) согласились с тем, что надо ограничивать количество иностранных трудовых мигрантов

в крае [Задорин, 2019. С. 414]. Это намного больше, чем в 2020 г. Возможно потепление отношения к приезжающим иностранцам надо связывать с тенденциями в миграционной политике Российской Федерации. Приезд большого количества мигрантов в Россию – уже свершившийся факт [Аблажей, 2011. С. 3, 33], и Красноярский край здесь не исключение.

Иностранные мигранты, безусловно, влияют на ситуацию в регионе. Но общая ситуация складывается из различных сфер жизни: социальной, экономической, общественной, политической, и влияние мигрантов на ситуацию в них неодинаковое. В данном исследовании предлагалось оценить влияние мигрантов в 12-ти сферах жизни Красноярского края (табл. 1).

По мнению большинства студентов, мигранты положительно влияют только на экономику края и на демографию. При этом, по мнению автора, положительная оценка респондентами влияния мигрантов на демографию носит спорный характер. Да, мигранты действительно способствуют естественному приросту населения, у них выше рождаемость (в Красноярск прибывают в основном мигранты из Средней Азии) [Задорин, 2020. С. 227]. Но возникает вопрос: а чью демографию улучшают мигранты: нашу или свою? Другим доказательством в пользу данного утверждения является отрицательное сальдо миграции в азиатской части России, в том числе в Красноярском крае. Нельзя не согласиться с Т.Б. Смирновой, которая отмечает, что «с распадом СССР, можно сказать, произошёл демографический поворот, в результате которого сальдо миграции в азиатской части России быстро сменило стабильный плюс на такой же стабильный минус, а население, притекавшее сюда потоками великих строек и ссылок, развернулось на 180 градусов» [Смирнова, 2020. С. 199].

А вот на безработицу и на преступность мигранты, по мнению студентов, оказывают отрицательное влияние (взрослые респонденты считают так же). Логика ответов респондентов понять

Таблица 1

«Как Вы считаете, какое влияние оказывают иностранные мигранты на ситуацию в регионе?» (по данным опросов, в %)

Сфера, на которую мигранты оказывают влияние	Опрос студентов			Массовый опрос		
	Оказывают положительное влияние	Оказывают отрицательное влияние	Нет никакого влияния	Оказывают положительное влияние	Оказывают отрицательное влияние	Нет никакого влияния
Экономика	42,5	18	39,5	23,5	36	40,5
Политика	13	16,5	70,5	4	24,5	71,5
Экология	5	25,5	69,5	3,5	38	58,5
Демография	48	18	34	36	30	34
Медицина	17	8	75	4	29,5	66,5
Образование	23,5	10	66,5	9,5	25,5	65
Цены	19	13,5	67,5	12,5	28	59,5
Безработица	17,5	49	33,5	7	57,5	35,5
Преступность	6,5	44	49,5	3,5	55,5	41
Социальная инфраструктура	24,5	17,5	58	6	23,5	70,5
Стоимость жилья	8,5	15	76,5	3	25,5	71,5
Сельское хозяйство	36	3	61	23	15,5	61,5

Источник: составлено автором на основе социологических опросов.

можно: раз больше мигрантов, значит, меньше рабочих мест, ведь мигранты приезжают работать (правда здесь надо иметь в виду, а согласны ли респонденты занять места мигрантов?). С оценкой влияния мигрантов на преступность также всё понятно: чем больше людей, тем выше и вероятность преступлений, при этом безработица и преступность тесно связаны.

На другие сферы жизни региона иностранные мигранты, по мнению студенческой молодежи, оказывают меньшее влияние (образование, социальная инфраструктура, сельское хозяйство) или же совсем незначительное (политика, экология, медицина, цены, стоимость жилья).

Анализ ответов взрослых респондентов показал, что 36% видит положительное влияние иностранных мигрантов лишь в демографической сфере. Однако почти столько же (34%) считает, что мигранты на эту сферу не влияют или влия-

ют отрицательно (30%).

В оценке влияния мигрантов на экономику мнения также разделились. Соотношение отрицательных и нейтральных ответов оказалось почти равным: 36% – отрицательное влияние, 40,5% – нет никакого влияния. И только 23,5% респондентов считают, что мигранты положительно влияют на экономику края.

Наименьшее влияние иностранных мигрантов отмечается в таких сферах, как политика, стоимость жилья, социальная инфраструктура, медицина и образование. Здесь доля ответов «Нет никакого влияния» колеблется от 2/3 до 3/4. В то же время доля отрицательных ответов стабильно составляет около 1/4, только незначительная часть респондентов видит в этих сферах положительное влияние мигрантов.

Отсутствие влияния мигрантов отмечается также на экологию, цены и сельское хозяйство (около 2/3 респондентов в каждом случае ответили: «Нет ника-

кого влияния»). При этом 23% считает, что мигранты положительно влияют на сельское хозяйство, а 15,5% отметили отрицательное влияние. Влияние на экологию: 3,5% – положительно, а 38% – отрицательно. Такие противоречивые оценки влияния на сельское хозяйство и экологию вполне объяснимы: в СМИ периодически пишут про иностранных сельскохозяйственных рабочих, которые применяют много химикатов⁵ и тем самым портят землю.

Большинство респондентов (60% студентов и 63,5% взрослых) назвало страны, откуда в Красноярский край приезжают мигранты. И те, и другие чаще всего называли среднеазиатские страны и Китай. И лишь 1,5% взрослых и 7% студентов считает, что у нас почти нет иностранных мигрантов. Затруднились ответить 33% студентов и 35% взрослых.

С ответом на аналогичный вопрос относительно приезда в край из российских регионов оказалось сложнее: 48,5% взрослых и 55,5% студентов затруднились назвать регионы России, из которых приезжают люди в Красноярский край. Назвали такие регионы 26,5% взрослых и 33,5% студентов (чаще всего Хакасию, Тыву, Иркутскую область, Бурятию, Забайкальский край, Якутию и другие регионы Дальнего Востока). Считают, что в Красноярский край почти никто не приезжает из других регионов 25% взрослых и 11% студентов. Следует отметить, что большинство ответивших хорошо осведомлено о странах- и регионах-донорах. Их оценки совпадают с данными официальной статистики.

Также большинство (52% студентов и 61% взрослых) признаёт наличие проблемы оттока населения из сельской местности в города. 22% взрослых и 8,5% студентов считают эту проблему значительной для региона, но 8,5% студентов и 2,5% взрослых такой проблемы не видят. 14% студентов затруднились ответить. В комментариях к ответам на этот вопрос обращалось внимание на желание при переезде в город «жить

лучше», «получить хорошее образование и престижную работу». При этом автор обращает внимание на то, что есть ещё интересы государства, и здесь лучшим вариантом является более равномерное распределение населения по территории [Обедков, 2019].

Какие меры надо предпринять для того, чтобы приезжали молодые и квалифицированные мигранты? При ответе на этот вопрос мнение студентов и взрослых в основном совпало: надо предлагать рабочие места и социальное жильё. Молодые респонденты считают, что надо также выделять квоты для студентов, а взрослые – улучшить работу по программе поддержки соотечественников (в ряде комментариев к ответам обращалось внимание: «в случае, если это россияне», «для русских»). Некоторые из респондентов высказывались против привлечения мигрантов (давая при этом комментарии: «Не надо им приезжать», «Они не нужны», «Не нужны мигранты, своих задержите»; последний комментарий представляется, по мнению автора, наиболее правильным, в том числе как один из готовых слоганов для миграционной политики).

Из результатов опросов следуют важные выводы. Прежде всего, следует отметить высокую степень толерантности местных жителей. Как оказалось, их не особо волнует приезд иностранных трудовых мигрантов. Больше тревожат другие проблемы: «утечка мозгов», распространение вахты и отъезд местного населения. Как можно видеть, все эти проблемы касаются коренного населения и лежат в экономической плоскости. Поэтому в экономической и миграционной политике следует усилить меры по удержанию собственного населения.

Что же касается иностранных мигрантов, то к ним преобладает нейтральное отношение. При этом молодёжь в основном положительно настроена на приезд мигрантов, а взрослое население – отрицательно. Однако за пять последних лет отношение к приезжим иностранцам значительно потеплело (возможно,

⁵ Что делают китайцы на наших полях. URL: https://zen.yandex.ru/media/v_mire_sel_hoz/chtodelaiut-kitaicy-na-nashih-poliah-5ed28c4fe1c2261710b4d65a (дата обращения: 18.08.2021).

это связано с вступлением во взрослую жизнь людей, родившихся в нулевых годах, и частичным выбытием представителей более консервативных старших поколений).

Респонденты в целом одинаково оценивают влияние мигрантов на ситуацию в регионе. Они считают, что мигранты положительно влияют на экономику края и на демографию, но в то же время усиливают безработицу и преступность. Отсюда следует: необходимо создавать новые рабочие места. Это снизит соци-

альную напряжённость и позволит не допустить межнациональной розни.

В целом миграционную ситуацию в регионе можно оценить, как удовлетворительную. Респонденты отмечают, что имеет место нелегальная миграция, наплыв неквалифицированных кадров, мигранты захватывают определённые экономические сферы, селятся компактно (создают мигрантские анклав). Однако данные проблемы в настоящее время не вызывают больших опасений и способны решаться на региональном уровне.

Список источников:

1. Аблажей Н. Н. Миграционная безопасность восточных регионов России. Новосибирск: НГУ, 2011.
2. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада; пер. с англ. А. Башкирова. М.: Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 444 с.
3. Задорин А. В. Адаптация мигрантов как фактор развития экономики Красноярского края // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019. Иркутск: Изд-во БГУ, 2019. С. 410–415.
4. Задорин А. В. Мотивация и адаптация мигрантов из Средней Азии в крупном сибирском городе (на примере киргизов Красноярска) // Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX–XXI веках: опыт и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2021. С. 140–148.
5. Задорин А. В. Структура занятости и уровень образования киргизов-мигрантов в Красноярском крае // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 227–235.
6. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Прикладная социология: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2004.
7. Зорин В. Ю. Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 3 (39). С. 40–50.
8. Обедков А. П. Особенности размещения населения и современные тенденции в развитии расселения в России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 14-1. С. 863–870.
9. Смирнова Т. Б. Современные этнодемографические процессы в регионах Сибири и Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 198–206.
10. Что должен знать трудовой мигрант, приезжающий в Красноярский край: справочник мигранта. Красноярск, 2019.
11. Что должен знать трудовой мигрант, приезжающий в Красноярский край: справочник мигранта. Киргизы. Красноярск, 2019.
12. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2000.

References:

1. Ablazhei N. N. Migration security of the eastern regions of Russia. Novosibirsk: NSU, 2011. (In Russian).
2. Buchanan P. J. Death of the West; per. from English A. Bashkirova. Moscow: AST

Publishing House; Saint Petersburg: Terra Fantastica, 2004. 444 p. (In Russian).

3. Zadorin A. V. Adaptation of migrants as a factor in the development of the economy of the Krasnoyarsk Territory *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii yezhegodnik: 2019* [Irkutsk Historical and Economic Year-book: 2019]. Irkutsk: BSU Publishing House, 2019, pp. 410–415. (In Russian).

4. Zadorin A. V. Motivation and adaptation of migrants from Central Asia in a large Siberian city (on the example of the Kyrgyz of Krasnoyarsk). Specificity of ethnic migration processes in Central Siberia in the XX – XXI centuries: experience and prospects: materials of the International Conference. scientific-practical conf. Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 2021, pp. 140–148. (In Russian).

5. Zadorin A. V. The structure of employment and the level of education of Kyrgyz migrants in the Krasnoyarsk Territory *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2020, no. 4 (93), pp. 227–235. (In Russian).

6. Zborovsky G. E., Shuklina E. A. Applied sociology: textbook. allowance. M.: Gardariki, 2004. (In Russian).

7. Zorin V. Yu. Migration situation in the Russian Federation: problems and solutions *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Financial University Bulletin], 2019, no. 3 (39), pp. 40–50. (In Russian).

8. Obedkov A. P. Peculiarities of population distribution and modern trends in the development of settlement in Russia *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and development prospects], 2019, no. 14–1, pp. 863–870. (In Russian).

9. Smirnova T. B. Modern ethnodemographic processes in the regions of Siberia and the Far East *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2020, no. 4 (93), pp. 198–206. (In Russian).

10. What a labor migrant who comes to the Krasnoyarsk Territory should know: a migrant's guide. Krasnoyarsk, 2019. (In Russian).

11. What a labor migrant who comes to the Krasnoyarsk Territory should know: a migrant's guide. Kyrgyz. Krasnoyarsk, 2019. (In Russian).

12. Poisons VA Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality. M.: Dobrosvet, 2000. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 07.09.2021; одобрена после рецензирования 26.11.2021; принята к публикации 03.12.2021.

The article was submitted 07.09.2021; approved after reviewing 26.11.2021; accepted for publication 03.12.2021.

Информация об авторе

А. В. Задорин – старший преподаватель кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, Сибирский федеральный университет

Information about the author

A. V. Zadorin – senior lecturer, the chair of Russian history, world and regional civilizations, The Siberian Federal University

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

Научная статья

УДК 338.24:3616.98(519)

doi:10.22394/1818-4049-2021-97-4-173-179

Влияние COVID-19 на экономику и внешнеэкономические связи Республики Корея

Иван Анатольевич Суханов

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

ivan.a.sukhanov@gmail.com

Аннотация. Пандемия COVID-19 оказала отрицательное влияние на мировую торговлю товарами и услугами и выявила слабые места существующих конструкций международного взаимодействия в рамках глобальных цепочек создания стоимости в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Соединенные Штаты Америки, Японию и Республику Корея. Зависимость этих экономик от Китайской Народной Республики отрицательно повлияла на производственные процессы крупнейших промышленных компаний. Для минимизации сложившихся рисков страны активно участвуют и развивают соглашения о свободной торговле, что помогает диверсифицировать географию участников глобальных цепочек создания добавленной стоимости и рынков сбыта. Правительство Республики Корея продемонстрировало способность эффективной борьбы с пандемией COVID-19, реализуя собственную стратегию превентивных мер и мер экономического стимулирования. Помимо этого были запущены две новые внешнеэкономические инициативы: Новая южная политика (New Southern Policy) и Новая северная политика (New Northern Policy), основой для развития которых могут стать существующие и новые соглашения о свободной торговле. Активное включение в глобальные цепочки создания добавленной стоимости и участие в соглашениях о свободной торговле позволило Республике Корея повысить свои конкурентные преимущества на мировом рынке и развить свой экономический потенциал. Диверсификация торговых партнеров в рамках соглашений о свободной торговле позитивно сказалась на экономических показателях страны в период пандемии и позволила минимизировать негативные последствия сбоя во внешней торговле. У Российской Федерации появляются возможности для встраивания в новые внешнеэкономические тренды Южной Кореи, а также формируются возможности увеличения объемов взаимной торговли между странами. Одним из путей достижения данной цели может стать подписание двустороннего соглашения о зоне свободной торговли между Республикой Корея и Евразийским экономическим союзом.

Ключевые слова: соглашения о свободной торговле, глобальные цепочки создания стоимости, Азиатско-Тихоокеанский регион, Республика Корея, Новая северная политика, Новая южная политика, международная торговля, экспорт, импорт, COVID-19

Для цитирования: Суханов И. А. Влияние COVID-19 на экономику и внешнеэкономические связи Республики Корея // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 4 (97). С. 173–179. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-173-179>

The impact of COVID-19 on the economy and international economic relations of the Republic of Korea

Ivan A. Sukhanov

The Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia,
ivan.a.sukhanov@gmail.com

Abstract. *The COVID-19 pandemic has negatively impacted global trade in goods and services and has exposed weaknesses in the existing structures for international interaction within the global value chains in the Asia-Pacific region, including the United States of America, Japan and the Republic of Korea. The dependence of these economies on the People's Republic of China negatively affected the production processes of the largest industrial companies. To minimize the existing risks, countries are actively participating in and developing free trade agreements, which helps to diversify the geography of participants in global value chains and sales markets. The Government of the Republic of Korea has demonstrated its ability to effectively combat the COVID-19 pandemic by implementing its own strategy of preventive measures and economic stimulus measures. In addition, two new foreign economic initiatives were launched: the New Southern Policy and the New Northern Policy, which could be based on existing and new free trade agreements. Active involvement in global value chains and participation in free trade agreements allowed the Republic of Korea to increase its competitive advantages in the world market and develop its economic potential. The diversification of trading partners under free trade agreements had a positive impact on the country's economic performance during the pandemic and helped to minimize the negative impact of disruptions in foreign trade. The Russian Federation has the opportunity to integrate into new foreign economic trends in South Korea, and there are opportunities to increase the volume of mutual trade between the countries. One of the ways to achieve this goal may be the signing of a bilateral agreement of a free trade zone between the Republic of Korea and the Eurasian Economic Union.*

Keywords: *free trade agreements, global value chains, the Asia-Pacific Region, the Republic of Korea, new northern policy, new southern policy, international trade, export, import, COVID-19*

For citation: Sukhanov I. A. The impact of COVID-19 on the economy and international economic relations of the Republic of Korea // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 4 (97). Pp. 173–179. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-97-4-173-179>

Введение. По данным Всемирной организации здравоохранения количество людей в мире, которые были инфицированы в период пандемии COVID-19, по состоянию на третий квартал 2021 г., составило более 225 миллионов человек¹. Помимо влияния на физическое здоровье людей, коронавирусная инфекция оказала и продолжает оказывать большое влияние на экономические процессы. В условиях неопределенности и неизвестности изменились стратегии компаний, выраженные в снижении производства

и отложенных инвестициях, трансформировались поведенческие модели населения, минимизирующего потребление, упала активность международных взаимосвязей [Matthew Campbell, Heesu Lee, 2020]. Последнее оказывает существенное влияние на глобальное развитие, поскольку, как показано теорией и практикой, именно через каналы международной торговли экономические шоки, наблюдаемые в одной стране, передаются другим экономикам².

В настоящее время такие процессы

¹ Официальный сайт Всемирной организации здоровья (раздел THE GLOBAL HEALTH OBSERVATORY). URL: www.who.int (дата обращения 15.09.2021).

² Bank of Korea, Monthly Statistical Bulletin 2021.8, URL: www.bok.or.kr/eng (дата обращения: 15.09.2021).

происходят в экономиках всех стран мира. Анализ Всемирного банка показал, что в связи с пандемией в 2020 г. мировой ВВП снизился в среднем на 3,59%, мировой импорт – на 10,6%, мировой экспорт – на 8,7%³. В абсолютном выражении наибольшие потери понесли государства, которые входят в Азиатско-Тихоокеанский регион (далее – АТР) и формируют значительную часть мирового ВВП: США, Япония, Китай и Республика Корея. Так, в 2020 г., по данным Организации экономического сотрудничества и развития, объем импорта ведущих экономик АТР снизился на 5,8%, а объем экспорта – на 6,04%⁴.

В данной работе проведен анализ влияния пандемии COVID-19 на экономику Республики Корея – одного из крупных представителей экономик, входящих в АТР, и рассмотрено формирование её правительством системы антикризисных мероприятий.

Экономика и внешнеэкономические связи Республики Корея: государственные меры поддержки, текущие итоги и прогнозы. Республика Корея является одним из важных игроков в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По данным Всемирного Банка, в 2020 г. номинальный ВВП Республики Корея составил 1,63 трлн долларов США. Большое значение для экономики страны имеет внешнеэкономическая деятельность. Так, доля импорта в ВВП в 2019 г. равнялась 37,04%, в 2020 г. – 33,18%, доля экспорта в ВВП Кореи в 2019 г. составила 39,94%, в 2020г. – 36,89%³.

По сравнению с прошлыми кризисами экономический спад в Южной Корее, вызванный пандемией, был вторым по величине после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. В первую очередь, пандемия COVID-19 оказала влияние на частное потребление: рынок труда потерял более 460 тысяч рабочих мест. Сильнее всего пострадал сегмент предостав-

ления потребительских услуг: в 2020 г. количество рабочих мест снизилось на 12,2% в сфере искусства и спорта и на 10,8% в индустрии гостеприимства. Падение уровня занятости в Республике Корея оказало значительное воздействие на спрос. На слабое частное потребление пришлось более 90% снижения темпов роста ВВП⁴.

Южная Корея продемонстрировала способность эффективной борьбы с пандемией COVID-19, реализуя собственную стратегию превентивных мер. Самоизоляция и сокращение социального взаимодействия стали одними из инструментов, которые в ответ на эпидемиологические вызовы помогают снизить рост количества инфицированных и, следовательно, снизить социальные и экономические издержки [Hanna Ziady, 2020]. Вместе с этим, ключевую роль в стабилизации экономической ситуации в стране играет сбалансированная монетарная и фискальная политика правительства. Правительство Южной Кореи задействовало различные инструменты, включая использование резервных фондов и дополнительного бюджета для реализации новой экономической политики на сумму более 50 трлн вон. Одновременно Банк Кореи в 2020 г. оперативно снизил базовую ставку на 0,75%, а также с целью стабилизации национальной валюты правительство страны повысило лимиты на торговлю фьючерсами на рынках Форекс и подписало соглашения о валютных свопах с другими странами⁵.

В результате предпринятых мер после падения в 2020 г. макроэкономические индикаторы демонстрируют положительную динамику: ВВП Кореи показал рост на 1,7% в I квартале 2021 г. и на 0,7% во II квартале 2021 г. По прогнозам Банка Кореи в итоге ВВП страны вырастет в 2021 г. на 3,83% и составит 1,68 трлн долларов США² (рис. 1).

Важное место в экономической поли-

³ Открытые данные Всемирного Банка. URL: data.worldbank.org, (дата обращения: 15.09.2021).

⁴ Открытые данные Организации экономического сотрудничества и развития OECD.Stat. URL: stats.oecd.org (дата обращения: 15.09.2021).

⁵ Официальный сайт Statistics Korea. URL: <http://kostat.go.kr/portal/eng/index.action> (дата обращения: 31.08.2021).

тике Республики Корея занимают мероприятия, связанные с реализацией активной внешнеэкономической политики. Республика Корея наряду с Японией и Китаем традиционно занимает центральное место в поставках промышленных товаров в АТР [Отчет..., 2020]. Поскольку страна глубоко интегрирована в глобальные производственно-сбытовые цепочки, ее экономика подвержена значительному влиянию внешних экономических потрясений. В этой связи, по оценкам специалистов, надлежащее управление процессами по минимизации рисков от внешних шоков должно иметь ключевое значение для экономического успеха Южной Кореи [Sunghoon Chung, 2016, pp. 45–76]. Поэтому важную роль играет государственная политика в области внешней торговли и наличие билатеральных или мультилатеральных договоров между

странами. Именно она стала одним из важных элементов восстановления экономики страны. С момента подписания первого соглашения о свободной торговле (далее – ССТ) с Чили в 2004 г., Республика Корея заключила 16 договоров с 57 странами, включая ЕАСТ, АСЕАН, ЕС и США [Moonhee Cho, 2020].

Диверсификация торговых партнеров в рамках ССТ позитивно сказалась на экономических показателях страны в период пандемии и позволила минимизировать негативные последствия сбоя во внешней торговле. Несмотря на спады показателей импорта и экспорта Республики Корея, экспоненциальные линии тренда на графиках (рис. 2, рис. 3) демонстрируют стабильную тенденцию роста внешнеторгового оборота со странами-партнерами по ССТ. Представленные данные подтверждают стабиль-

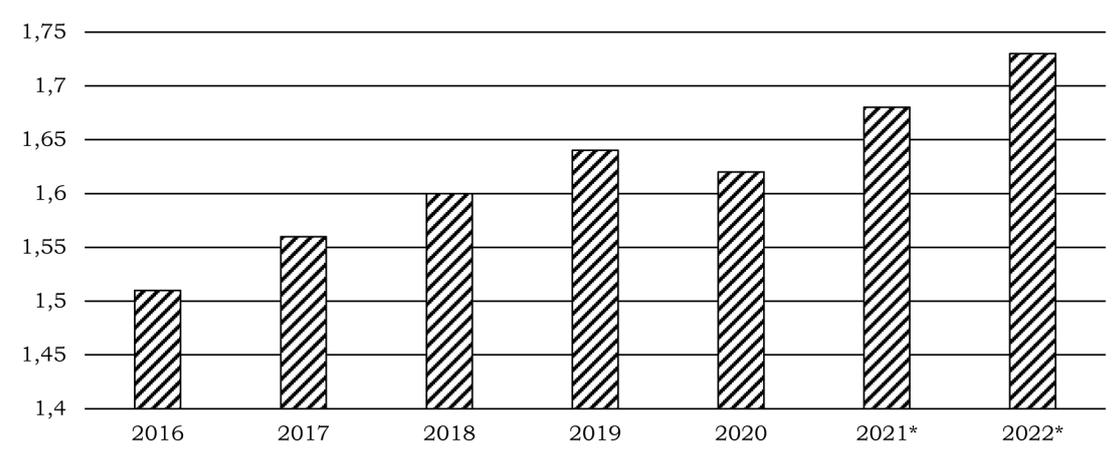

Рис. 1. ВВП Республики Корея в 2016–2022 гг., в трлн долл. США

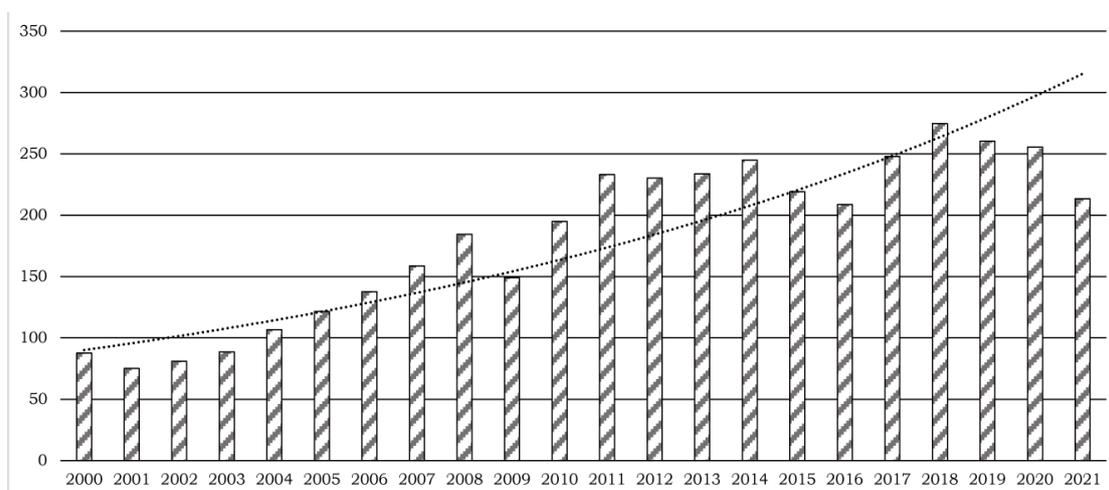

Рис. 2. Импорт Республики Корея со странами-партнерами по ССТ, млрд долл. США

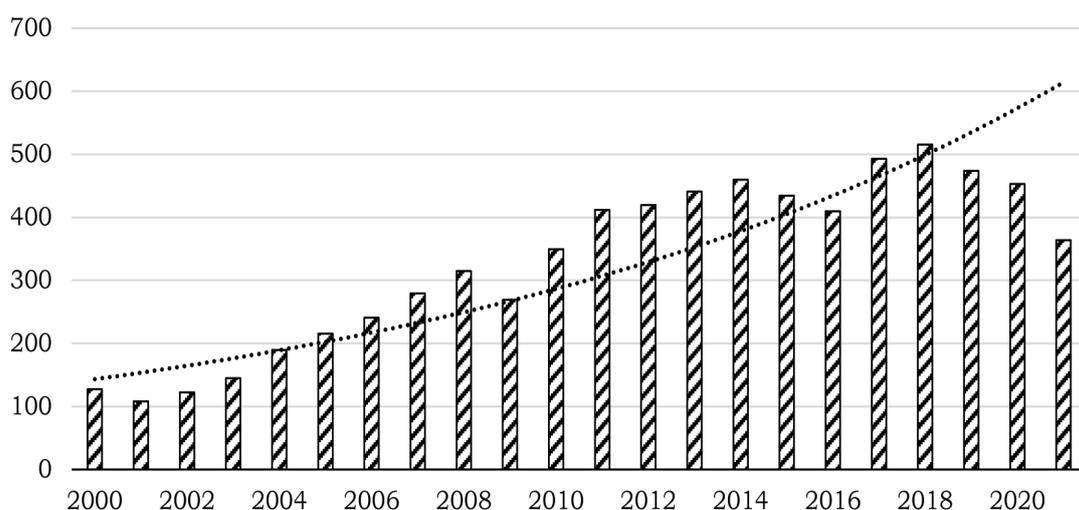

Рис. 3. Экспорт Республики Корея со странами-партнерами по ССТ, млрд долл. США

ность внешнеэкономической политики и эффективность соглашений о свободной торговле.

Вместе с этим, пандемия COVID-19 обострила существующую уязвимость текущего внешнеэкономического каркаса: зависимость Республики Корея от КНР продолжает оставаться высокой. На долю Китая приходится 40% общего экспорта Республики Корея [Yoo, Park, Cheong, 2020, pp. 19–38]. При этом наблюдается тенденция к росту доли Китая в добавленной стоимости южнокорейского экспорта конечных товаров [Lee, Goodgeon, Park, Jeongha, Park, Jin, Lee, Yun Jeong, 2020].

В этой связи правительством Южной Кореи были осуществлены инициативы по пересмотру внешнеэкономической политики страны, снижению зависимости от Китая и поиску возможностей для выстраивания альтернативных вариантов внешнеторговых потоков на основе существующих или будущих ССТ. Практически синхронно корейское правительство решило продвигать две инициативы: Новую южную политику (New Southern Policy) и Новую северную политику (New Northern Policy). Первая нацелена на расширение и углубление экономических отношений со странами АСЕАН и Индией. Новая северная поли-

тика Кореи может также иметь большой экономический эффект для страны. В рамках данной концепции планируется запуск проектов на основе «Стратегии 9 мостов» в трех макрорегионах: Западный (западная часть Российской Федерации, Украина и Республика Беларусь), Центральный (Средняя Азия и Монголия) и Восточный (Дальний Восток Российской Федерации и 3 северо-восточных провинции Китайской Народной Республики). Особая роль в этой концепции уделяется Дальнему Востоку Российской Федерации. Стратегия включает сотрудничество по следующим направлениям: культура/туризм, инновации, инвестиции, здравоохранение, сельское хозяйство и рыбная промышленность, энергетика, судостроение, железные дороги и инфраструктура, а также порты и навигация⁶. В рамках новых инициатив правительство Южной Кореи стремится диверсифицировать свое экономическое присутствие и стимулирует южнокорейские компании к поиску альтернативных площадок для размещения производств за пределами Китая по примеру других партнеров по АТР. Так, США и Япония уже инициировали проекты по снижению зависимости от Китая и заявили о масштабной поддержке компаний, покидающих КНР.

⁶ Официальный сайт Presidential Committee on Northern Economic Cooperation, URL: http://www.bukbang.go.kr/bukbang_en/vision_policy/9-bridge/ (дата обращения: 02.09.2021).

Итоги и выводы. Учитывая данный факт, у Российской Федерации появляются возможности для встраивания в новые внешнеэкономические тренды Республики Корея и увеличения объемов взаимной торговли между странами. Пока они незначительны. Так, в предпандемийном 2019 г. объем экспорта из Республики Корея в Российскую Федерацию составлял 7,77 млрд долларов США, а объем импорта из России в Республику Корея – 14,56 млрд долларов США. При этом 80,7% импорта из России в Республику Корея приходится на минеральное топливо и нефтепродукты. С целью диверсификации товарной струк-

туры внешней торговли и увеличения объемов внешней торговли необходимо наращивать участие Российской Федерации в глобальных цепочках создания стоимости с продуктами более глубокой степени переработки. Одним из путей достижения данной цели может стать подписание двустороннего соглашения о зоне свободной торговли. Как показывает накопленный Республикой Корея опыт, именно глубокая региональная интеграция на базе соглашений о свободной торговле представляется одним из наиболее эффективных решений для восстановления и роста экономик стран-партнеров.

Список источников:

1. Отчет WTO Republic of Korea. Trade in Value Added and Global Value Chains 2020, URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/KR_e.pdf (accessed 24.08.2020) (дата обращения: 01.09.2021).
2. Eaton J. S., Kortum B., Neiman J., Trade and the global recession, *American Economic Review* 106(11) (2016): 3401–38.
3. Hanna Ziady, Maersk operates massive container ships. It's canceled 50 sailings over coronavirus, February 20, 2020, URL: <https://edition.cnn.com/2020/02/20/business/maersk-earnings-coronavirus/index.html> (дата обращения: 01.09.2021).
4. Lee, Goodgeon, Park, Jeongha, Park, Jin, Lee, Yun Jeong. Impacts of Changes in Korea's Global Value Chain (GVC) Participation Structure on Its Exports. *Bank of Korea. Monthly Bulletin*. 2020-12, URL: <https://www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000828/view.do?>
5. Matthew Campbell, Heesu Lee There's Still Time to Beat Covid Without Lockdowns, December 10, 2020, URL: <https://www.bloomberg.com/features/2020-south-korea-covid-strategy/?sref=aGTrSb9U> (дата обращения: 02.09.2021).
6. Moonhee Cho, The Components of Free Trade Agreements and Their Effects on Trade, (May 6, 2020), KIEP Research Paper No. Policy Analysis-10-12.
7. Sunghoon Chung, Korea's Participation in Global Value Chains: Measures and Implications. *KDI Journal of Economic Policy* 2016, 38(4): 45–76.
8. Yoo, J. H.; Park, S. K.; Cheong, I. K., The Impact of COVID-19 and Korea's New Southern Policy on Its Global Value Chain *Journal of Korea Trade*, 24(8) (2020): 19–38.

References:

1. Отчет WTO Republic of Korea. Trade in Value Added and Global Value Chains 2020, URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/miwi_e/KR_e.pdf (accessed 24.08.2020) (дата обращения: 01.09.2021).
2. Eaton J. S., Kortum B., Neiman J., Trade and the global recession, *American Economic Review* 106(11) (2016): 3401–38.
3. Hanna Ziady, Maersk operates massive container ships. It's canceled 50 sailings over coronavirus, February 20, 2020, URL: <https://edition.cnn.com/2020/02/20/business/maersk-earnings-coronavirus/index.html> (дата обращения: 01.09.2021).
4. Lee, Goodgeon, Park, Jeongha, Park, Jin, Lee, Yun Jeong. Impacts of Changes in Korea's Global Value Chain (GVC) Participation Structure on Its Exports. *Bank of Korea. Monthly Bulletin*. 2020-12, URL: <https://www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000828/view.do?>

5. Matthew Campbell, Heesu Lee There's Still Time to Beat Covid Without Lockdowns, December 10, 2020, URL: <https://www.bloomberg.com/features/2020-south-korea-covid-strategy/?sref=aGTrSb9U> (дата обращения: 02.09.2021).
6. Moonhee Cho, The Components of Free Trade Agreements and Their Effects on Trade, (May 6, 2020), KIEP Research Paper No. Policy Analysis-10-12.
7. Sunghoon Chung, Korea's Participation in Global Value Chains: Measures and Implications. KDI Journal of Economic Policy 2016, 38(4): 45–76.
8. Yoo, J. H.; Park, S. K.; Cheong, I. K., The Impact of COVID-19 and Korea's New Southern Policy on Its Global Value Chain Journal of Korea Trade, 24(8) (2020):19–38.

Статья поступила в редакцию 04.10.2021; одобрена после рецензирования 01.11.2021; принята к публикации 10.11.2021.

The article was submitted 04.10.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 04.10.2021.

Информация об авторе

И. А. Суханов – аспирант, Институт экономических исследований ДВО РАН

Information about the author

I. A. Sukhanov – Postgraduate, The Economic Research Institute of FEB RAS

Материалы, опубликованные в журнале «Власть и управление на Востоке России» в 2021 году

№1

- Рензин О. М.
Суслов Д. В. Модернизация стратегии экономического роста в Китайской Народной Республике и перспективы активизации межгосударственного партнерства с Российской Федерацией
- Симоненко О. А. Основные аспекты международного сотрудничества Малайзии в сфере науки и исследований
- Лю Бо Стратегия и анализ управления персоналом в библиотеках высших учебных заведений Китая
- Веприкова Е. Б.
Кисленок А. А. Оценка территориальной депрессивности в управлении региональным развитием (на примере регионов Дальнего Востока России)
- Строева Г. Н. Развитие сферы культуры в документах стратегического планирования регионов Дальневосточного федерального округа
- Соломко М. Н. Бюджетная устойчивость и динамика экономического развития регионов
- Сюпова М. С. Дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований как угроза экономической безопасности региона
- Мазанкова Т. В. Оценка занятости в сфере услуг
- Цветова Г. В.
Полонникова Е. К. Рынок медицинских услуг в региональном измерении
- Салогуб А. М.
Арсельгова М. А. Внешняя социальная ответственность: ключевые тренды, инструменты управления и партнерства
- Маркина Ю. М.
Пестова Я. Н. Профессиональное PR-сообщество на Дальнем Востоке: идентификация и самоорганизация
- Зерчанинова Т. Е.
Мудрецова Н. П.
Никитина А. С. Общественные организации как акторы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении
- Байков Н. М.
Березутский Ю. В.
Юревич Е. Ю. Социальная активность жителей городского округа: политическая и гражданская самоорганизация
- Клеймёнов Е. А. Полиция в общественном мнении молодежи
- Халикова С. С. Формирование положительного образа предпринимателя в Российской Федерации
- Буланова М. А. Оценка уровня бедности в России: зависимость от методологии измерения

- Хридина Н. А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в социологическом измерении
- Винокурова Д. М.
Томаска А. Г. Внутренняя и внешняя миграция в Республике Саха (Якутия): отношение студенческой молодежи
- Авдашкин А. А. Внутренние и международные миграции: мнение южноуральцев
- Клюева В. П.
Фарахутдинов Ш. Ф. Миграционные установки населения Тюменской области
- Тюхтенева С. П. Трудовая миграция из Республики Алтай в преддверии переписи населения 2021 г.
- Панкратьева С. Г. Оценка экономической эффективности возобновляемых источников энергии Хабаровского края
- Колокольцева А. В. Современные подходы к оценке эффективности добычи полезных ископаемых

№2

- Цзоу Сютин Экономическое развитие Китая и его влияние на китайско-российское сотрудничество в постпандемный период
- Ань Чжао Чжэнь Создание системы раннего предупреждения о международных торговых трениях в провинции Хэйлуцзян КНР
- Чжан Мэй Влияние эпидемии коронавируса на торгово-экономическое сотрудничество провинции Хэйлуцзян с Россией и меры по его восстановлению
- Грицко М. А. Социально-демографические параметры Дальнего Востока России в условиях реализации документов стратегического развития
- Пахомов А. А.
Соломонов М. П. О механизмах выравнивания жизненного уровня населения Дальнего Востока и Сибири
- Медведева Н. В. Созидательный аспект регионального развития в Послании Президента Российской Федерации
- Чудесов В. В. Изменение международных условий развития российских регионов: состояние, проблемы, перспективы
- Мазанкова Т. В. Дифференциация потребления услуг розничной торговли в Хабаровском крае
- Кранзеева Е. А.
Головацкий Е. В.
Орлова А. В.
Нятина Н. В.
Бурмакина А. Л. Реактивные социальные и политические взаимодействия в инновационных процессах регионов России
- Салогуб А. М. Системный подход к управлению креативным персоналом: эффективный путь к инновациям
- Трусова Е. А. Репродуктивные установки семьи: комплексный анализ в региональном контексте

- Байков Н. М. Послание Президента Российской Федерации как отражение отношений государства, общества и бизнеса
- Клеймёнов Е. А. Состояние и проблемы взаимодействия полиции и народных дружин в социологическом измерении
- Джаббарова Э. Х. Оценка взаимосвязи уровня образования и доходов населения в регионе
- Соловьева Ю. Н. Самозанятые на Дальнем Востоке России

№3

- Дегтярев М. В. Эксперимент в развитии Дальнего Востока России
- Прокапало О. М.
Рензин О. М. Дальневосточная школа исследований экономики: становление, развитие, перспективы (к 50-летию ИЭИ ДВО РАН)
- Веприкова Е. Б.
Кубичек В. В. Дальневосточный макрорегион: специфика социально-экономического развития
- Зикунова И. В. Пандемийный шок: методологическое объяснение и новый общественный договор
- Ян Д. Построение и совершенствование системы коммунального здравоохранения в условиях нормализации профилактики и контроля эпидемий (на примере КНР)
- Бардаль А. Б. Потребности региональной социально-экономической системы в транспортных услугах
- Осипова Е. С. Оценка эффективности выездного налогового контроля на основе оптимальной системы качественных показателей
- Кулакова Л. И.
Полянин А. В.
Тарновский В. В. Моделирование принятия управленческих решений в социально ориентированных предпринимательских структурах
- Барабаш Е. С. Реформа контрактной системы в сфере закупок: иллюзия решений и реальность проблем
- Клеймёнов Е. А.
Чепиков Е. В. Перспективы взаимодействия полиции и народных дружин в регионе: опыт социологического анализа
- Шуляева А. В. Социальная защита населения в региональном измерении
- Шум Н. М. Перспективы формирования экспортноориентированной модели как способ повышения экспортного потенциала лесного комплекса региона (на примере Хабаровского края)
- Кушнерова О. Н. Институт местного самоуправления: возникновение и развитие в современных условиях

№4

- Рензин О. М. Дальний Восток России и Северо-Восточная Азия: новые перспективы и новые риски
- Суслов Д. В. Антикризисная политика в Японии во время пандемии COVID-19
- Ламашева Ю. А. Приоритеты интернационализации японской системы высшего образования на государственном уровне
- Антонова Н. Е.
Ломакина Н. В. Дальневосточные ресурсные проекты в условиях модернизации механизмов российско-китайского сотрудничества: новые оценки
- Найден С. Н.
Грицко М. А. Тенденции и проблемы социального развития в Дальневосточном федеральном округе: 2013–2020 гг.
- Сидоренко О. В. Дальневосточный федеральный округ как объект геоселективной региональной политики Российской Федерации на современном этапе
- Сюпова М. С. Рейтинговая оценка экономической безопасности муниципальных образований региона
- Строева Г. Н.
Телушкина Е. Н. Первые итоги реализации национального проекта «Демография» в Хабаровском крае
- Гареева И. А. Социальные изменения в условиях пандемии COVID-19
- Березутский Ю. В. Пятнадцать фактов о современной студенческой молодежи города Хабаровска: социологический анализ
- Черевко М. А. Проблемы социального сопровождения выпускников детских домов в условиях пандемии (региональный аспект)
- Клеймёнов Е. А. Взаимодействие полиции с гражданами и организациями в оценках сотрудников полиции
- Васильева Е. И.
Зерчанинова Т. Е. Формы и каналы взаимодействия молодых соотечественников с Россией в социологическом измерении
- Салганова Е. И.
Авдашкин А. А.
Гафнер Н. А. Миграция на Южный Урал и межэтнические отношения
- Задорин А. В. Оценка миграционной ситуации в Красноярском крае
- Суханов И. А. Влияние COVID-19 на экономику и внешнеэкономические связи Республики Корея

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2021 г. № 4 (97)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

<http://vlastdviu.ru/>
<http://elibrary.ru/>
<https://e.lanbook.com/>
<http://cyberleninka.ru/>
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 30.12.2021 г.

Формат бумаги 60x84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 20,9

Учетн.-изд. л. – 22

Тираж – 500 экз.

Заказ № 19

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>
